

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ХЛЕБ — ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Пятилетке — победный финиш!

**ПОД ФЛАГОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:
ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.
АДРЕС: АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР.
ОТРАСЛЬ: НЕФТЕДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.**

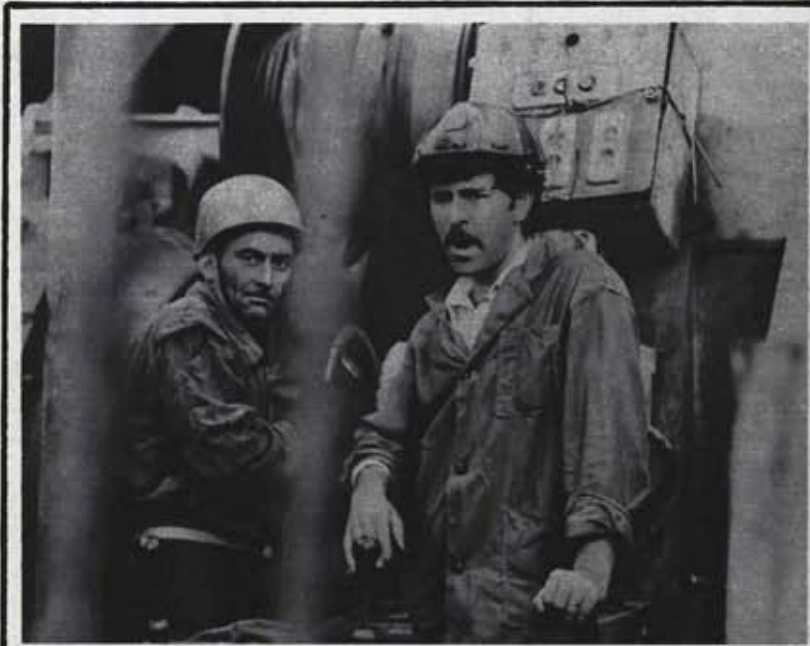
ЗАБОТЫ БАБЕКА ГАДЖИЕВА.

Это был дерзкий поступок. Впрочем, всех, кто считал, что дело обстоит именно так, вполне можно понять. В самом деле: вызвать на соревнование прославленную бригаду Героя Социалистического Труда Мамеда Гамбарова могли люди или очень самоуверенные, или столь же безответственные. Достаточно сказать, что соперником гамбаровцев должна была стать только что сформировавшаяся комсомольско-молодежная бригада. Но в оправдание нашего «дерзкого» решения должен сказать, что не один день с карандашом в руках мы подсчитывали все использованные и — главное — неиспользованные возможности. И таковых, как мы убедились, оказалось достаточно, чтобы взять на себя столь высокую ответственность. Первым же человеком, который понял и поддержал нас, оказался Мамед Гамбаров. Его слова о том, что «если не комсомольцам, то кому же с нами соревноваться», дали нам недостающую уверенность в своих силах. Сегодня соревнование идет полным ходом, и по первым результатам можно считать, что мы не ошиблись. С начала пятилетки мы сэкономили свыше миллиона рублей, заняли второе место во Всесоюзном соревновании буровиков. Так мы идем навстречу XXV съезду КПСС. Получив новые комсомольские билеты, мы стремимся жить и работать празднично, ярко, серьезно. Мы как бы обновились. Думается, это справедливо: комсомолец-рабочий должен поверять высоким своим именем каждый трудовой день. Этому нас учит партия.

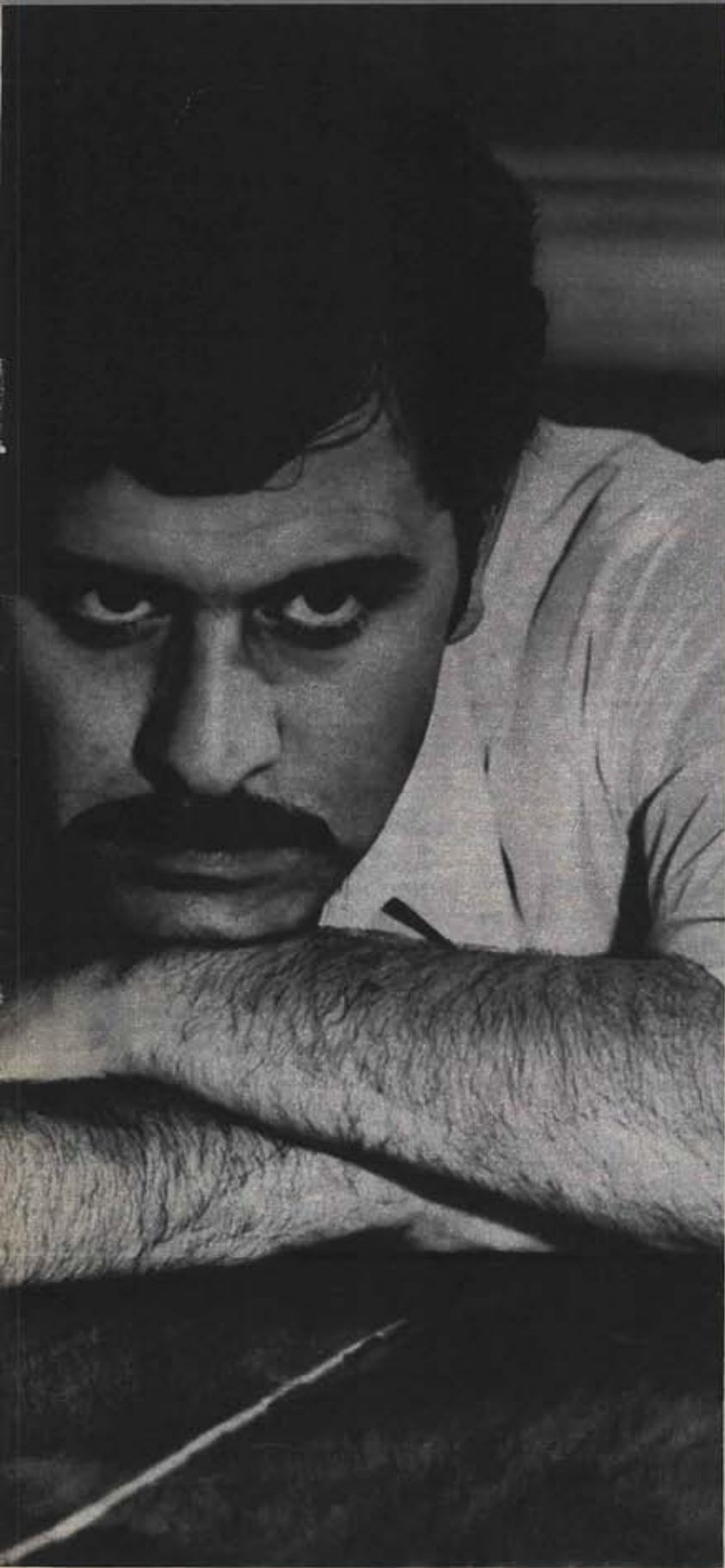
Бабек ГАДЖИЕВ,
мастер комсомольско-молодежной буровой бригады Сангачальского морского управления буровых работ, член ЦК ВЛКСМ.

Алексей Владимиров.
Фото Виктора САККА.
Специальные корреспонденты «Смены».

Дует норд, самый коварный на Каспии ветер. Старенький автобус с вахтой катит по эстакаде, которая раскачивается, как палуба судна, и, наконец, тормозит на приэстакадной площадке 301-й буровой. Здесь, на двадцать седьмом километре от берега, эстакада обрывается в море. Берега не видно; где-то в проплесках

БЕЗ

ЧЕРНОВИКА

Наша обложка:
каравай.
Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

1 ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СОРЕВНОВАНИЯ: ПЕРЕКЛИЧКА
РАБОЧИХ БРИГАД.
Алексей ВЛАДИМИРОВ. БЕЗ ЧЕРНОВИКА.

4 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог генерал-лейтенанта Сергея Михайловича КРЫЛО-
ВА и писателя Владимира Ильича АМЛИНСКОГО.

7 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи экскаваторщика Виктора СМЕРНОВА-ФРОЛОВА.

8 Анатолий ИВАЩЕНКО. Фото Александра
НАГРАЛЬЯНА и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.
ХЛЕБ, ХЛЕБУ, ХЛЕБОМ...

14 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Сергей СМОРОДКИН. ГОСТИ В СВОЕМ ДОМЕ.

16 Владислав ЯНЕЛИС. Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ РИСКА.

18 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
Владислав ХОРХОРДИН. ВСЛЕПУЮ МЧАТСЯ
В ЗАВТРА.

20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Народный артист РСФСР Георгий ДАНЕЛИЯ.
Заметки о творчестве актера и кинорежиссера
НИКИТЫ МИХАЛКОВА.

23 СТАДИОН «СМЕНИ».

24 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНОНС.
Сергей ЗАЛЫГИН. РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ.

27 Михаил ЗОЩЕНКО. Фельетоны.

28 Братья ВАЙНЕРЫ. МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ
НЕЛЬЗЯ. Роман.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь], Р. И.
Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С.
Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1975 г.

густо-зеленых волн обнажают лос-
нящиеся спины серо-бурые ска-
лы.

— Сетку под квадрат привез!
Крепкий, высокий мужчина, с об-
ветренным крупным лицом, в выцвет-
шей штормовке, шагнул к Гаджиеву,
протянул узловатую темную руку.

— Спал сегодня! — вместо ответа
спросил Бабек, глядя снизу на при-
пухшие красноватые веки сменного
мастера.

— Поглядим, как ты поспишь с ним,
с дьяволом!

— Насос! Ладно, опять химичить
будем. — Гаджиев закуривает, глубоко
опустив сигарету в плотный ковшик
ладоней. — Сколько прошли!

— Двадцать девять.
— Вот и поговори с ним! Перекрыл
норму в три раза и жалуется. Хитрю-
щий ты, Василий! Все прибеда-
нешься.

— Не говори «гоп». Норму-то, мы
ее каждый день перекрываем, а по-
том обсадию колонну месяц ждать
будем. Бабки подождем — так на так
и выйдет. Забыл!

Нет, не забыл Гаджиев. Долго па-
мятна будет ему 293-я. Бурили, как
ехали, с ветерком, — две-три нормы
за вахту. Телевизионщики так и не
увозили с буровой свои юпитеры,
фиксировали, так сказать, рекорд.
До пятого горизонта дошли — и не
заметили в азарте. Время об-
садию колонну опускать и... стоп!

— Ну ни в сказке сказать! Пять
месяцев обсадию колонну ждали!
Кому скажи — не поверят!

— Выходит, вся работа насмар-
ку! — спрашиваю.

— Ну, не вся, конечно. Семь тысяч
хозрасчетной экономии все-таки да-
ли, — говорит Гаджиев.

— Ладно, вспоминать на печке бу-
дем. — Василий подталкивает Гаджие-
ва, то ли шутя, то ли в самом деле
торопясь. — Пошли, пошли, «вахту
сдал — вахту принял».

До культбудки метров тридцать.
Идут, согнувшись, против ветра, из
ладоней с зажатыми сигаретами ле-
тят искры. От каждого порыва чер-
ным снопом встает буйная шевелюра
Бабек; Василий придерживает кепку
рукой, что-то торопливо объясняет
Гаджиеву. Оборванные ветром, летят
слова: шарошки... раствор... вяз-
кость... давление... Порыв на мгнове-
ние стихает, и слышно, что в густой
украинский говор Василия нет-нет да
и вплетаются азербайджанские ин-
тонации. Так бывает, когда человек
обжился на чужой родине.

Василий Удовиченко — мастер-прак-
тик. Со старшим инженером Гаджи-
евым живут душа в душу. Хорошее
друг о друге говорят только за гла-
за. А случается что иное — прямо,
без всякой субординации. Оттого
между ними (да и в бригаде) на кор-
ню глохнет всякий росток обиды.

«Василий мужик — цены нет. Сколь-
ко работаем вместе, ни разу не пока-
зал, что у него больше опыта. А уж
вложил в меня — что твой институт.
Уезжаешь на съезд или на пленум, а
как будто сам на буровой остался.
Нет, я Василия ни на кого не променяю...»

«Да ты не гляди, что он молодой,
по годам пацан еще! Башка и руки у
него — как сто лет в бурении оттру-
бил. А уж авторитет-то такой не каж-
дый и за сто лет наживет. Ты вот что,
ты тетрадку, тетрадку-то у него по-
смотри. Академия! Вот и старший по
должности и инженер институтский, а
все, чертяка, так повернет, будто это
я его учу. А ты говоришь — молодой.
Молодой, да с головой!»

Василий нагибается под притоло-
кой, затворяет дверь, придерживая
ее от ветра, снимает робу, Гаджи-
ев — плащ и костюм.

— А это ты кончай, Бабек, либе-
ральничать. Сколько мы с ним цацка-
лись! Не только нам — ребятам до-

сталось. А для чего! Ну научился кой-
чему, так это зайца бей — он спички
зажигать научится. Нет, что ни гово-
ри, а сачка ты из него не выбьешь.
Уж поверь мне... Я понимаю, конечно,
тебе неудобно сказать — друг
все-таки. Давай, хочешь, я ска-
жу...

— Ну это ты брось! Как это не-
удобно! Что значит неудобно! Прав-
ду сказать неудобно! Сачки нам не
нужны! Ты так считаешь. Бригада так
считает! Все! Разговор окончен. Зна-
чит, дорогой, ищи работу где полег-
че. Хоть лавровым листом торгуй!.. А
наши с ним отношения мы сами
как-нибудь выясним. Вот так.

— Ну, бывай! А сетку под квадрат
я из них выбью! — С дребезжащим
жестяным стуком Василий захлопы-
вает дверцу автобуса и уже в опу-
щенное окошко: — С душой вы-
трясу!..

Ревматический скрип уходящего по
безлюдной эстакаде автобуса заглу-
шается порывистым свистом ветра.
Море пустынно, только далеко на во-
стоке покачивается на волнах знако-
мый всем буровикам катамаран «Кер-
оглы».

— Ты думаешь, Василий отдыхать
поехал, отсыпаться! Помяни мое сло-
во, звонить из конторы будет. Не-
уемный, двуличный какой-то. Вот у
кого учиться... Ну пойдём, чайку со-
греем — и за дело.

За стенами будки потише. Слышно,
как шипит, потрескивает рация. Гад-
жиев садится за стол, раскрывает
вспушенный, с отгибающимися углами
вахтенный журнал, сверяет что-то с
записями на отдельном листке, пере-
бирает диски картограмм с красны-
ми прерывистыми зигзагами, закури-
вает, чертыхнувшись, сырую «Приму»
и погружается в работу, забыв снять
каску.

Он в серо-зеленой робе, кирзовых
сапогах. Губы поджаты, брови сдвинуты
у переносицы. Мешать ему, вижу,
не стоит.

На стенах будки тесно от грамот и
вымпелов, словно в красном уголке.
Но центральное место занимает здесь
большой лист ватмана — ГТН — геоло-
го-технический наряд. Цветная от
верха до низа узкая колонка — жел-
тый, синий, голубой, красный — раз-
рез скважины, ожидаемые (по дан-
ным разведки) крепости пород. Тут
же график — нормативный и факти-
ческий. Не удерживаюсь, чтобы не
сказать:

— Похоже на кардиограмму бу-
ровой.

— Кардиограмма, говоришь! Пусть
кардиограмма, — говорит он задумчи-
во, с трудом раскуривая «Приму». —
А вот сердце буровой — насосы,
будь они неладны!.. Я сейчас мигом
на буровую, а ты пока... А что ж чай-
то!

— Так ведь...
— Ах, черт! Забыл совсем, извини.
Ну, я на минутку, и потом погреемся.
Идет!

Прикинув, что не минуткой тут де-
ло пахнет, шагаю за ним на буровую
по качающейся эстакаде.

Насосы пыхают под навесом, с трех
сторон огороженным хилыми тесо-
выми стенками. «Пыхтит», собствен-
но, один. Второй, как выяснилось, от-
дыхает. Третий! Третьего в общем-то
нет — он разут, раздет и обезглав-
лен. Над металлическими этими руи-
нами колдует Адыль Агакишев. Хо-
лодно, ветер лупит во все щели, а он
взмок, хоть на нем всего-то одна
майка. Смуглые бугры мышц нервно
перекачываются всякий раз, когда он
отирает руки засаленными мохнаты-
ми концами.

— Что! В металлолом краше сда-
ют! — Белоухая улыбка на измазан-
ном, разгоряченном лице. — Ничего,
заговорит, старый черт!

Гаджиев склоняется над разворо-
ченным чревом насоса.

— Сальниковая коробка!

— Как в воду глядишь, мастер! Ты с завязанными глазами фокусы можешь показывать. Вольф Мессинг! Давай кумекать.

Бабек сбрасывает робу на мертвое застывшее шкив насоса. Через минуту руки по локоть в масле. Идет воскешение из мертвых.

Адыль Агакишев пришел в бригаду Гаджиева не совсем обычным путем. Впрочем, и вся бригада собиралась необычно.

Началось с заседания комитета комсомола Сангачальского морского управления буровых работ. На повестке дня — приказ по управлению об организации комсомольско-молодежной бригады. Теперь вспоминают, что заседание сразу взяло разбег и, если считать по шкале Бюфорта, проходило при волнении в десять баллов. Копья гнулись, трещали и ломались — каждый предлагал свое, и мнение одного не выдерживало критики другого. Кончилось тем, что бригаду предложили собрать Бабеку Гаджиеву.

Это оказалось неожиданностью. Было о чем подумать. Институтские знания, особенно в таком деле, как организация бригады, опыта не заменяют. Тебе не просто ДАЮТ бригаду, ты должен ее ОРГАНИЗОВАТЬ. Этому в институте не учили. Как, впрочем, и многому другому. Например, работе с людьми. Можно забыть формулы и заглянуть в справочник. Бригада — живой организм, которым нужно руководить без шпаргалок, без черновика. Гаджиев отдавал себе отчет и в том, что речь идет не просто о бригаде, а о комсомольско-молодежной. С ней посложнее. Случись что на буровой — рядом не окажется человека с достаточным опытом и стажем, на которого можно рассчитывать в трудной ситуации. Вопросы не решались, а напластывались один на другой...

Так в самом начале жизнь подкинула молодому инженеру дилемму не из легких. Он был вправе отказаться [кто добровольно взвалит на себя такую ношу!], но он решил. Решился, возможно, потому, что к этому времени Бабек уже почувствовал вкус к комсомольской работе — воспитательной работе с людьми.

В воображении он видел прообраз будущей бригады, оставалось самое трудное — сколотить ее. Не обошлось без советов. Говорили, можно, мол, потребовать или переманить лучших, уже зарекомендовавших себя ребят из других бригад. Отпадает: не по его это характеру.

Он решил рискнуть и рассчитывать на чутье и интуицию, прибавив к этому свой скромный опыт работы в комсомоле.

Бригада собиралась по крупницам и трудно. Гаджиев словно промывал песок в лотке, зачерпывая и снова промывал. Ходил по буровым, смотрел, слушал, разговаривал. О чем! Да так, о разном. Ему важен костяк бригады, который должен держать все. Он искал. Искал и находил. Ситуации здесь выходили иной раз совершенно неожиданные. Можно, например, представить себе удивление Адыля Агакишева, когда на пороге его дома появился незнакомый вихрастый парень и, представившись, с места в карьер предложил идти в новую бригаду. «Слушай, Бабек, как жет-ся! Ты меня видишь в первый раз, я тебя вижу в первый раз. Откуда знаешь! Как решил!» «Знаю. Кое-что слышал. Решил». «Чудной ты какой-то... Надо подумать. Ну-ка, расскажи подробнее...»

Как-то услышал Гаджиев про парня, который только что пришел в бурение... из ювелиров [!]. «Почему пришел!» «Потому что сказали, не выдержи, сбегу». «Характер!» Так оказался в бригаде Володя Усейнов. Сейчас помбур. Работает ювелирно...

Так, по крупницам, складывалась комсомольско-молодежная Бабека

Гаджиева. То, что перевыполнение нормы стало нормой бригады, — еще полдела. Хорошо работать, когда все в порядке, — задача в общем-то не такая уж и сложная, но вот как остаться на высоте положения, когда работа остановилась, и остановилась не по твоей вине, а волею обстоятельств!

Такая именно ситуация сложилась на памятной всем гаджиевцам 293-й, когда пять месяцев ждали обсадную колонну. «Окопаться и ждать», — горько шутили ребята. Кроме того, резерв времени, накопленный ежедневным перевыполнением нормы, образовался довольно значительный, так что тылы, как говорится, обеспечены. Выходит, все ясно!

Может быть, кто-то так и думал, но на 293-й решили иначе. На время вынужденного простоя буровая превратилась в своеобразные курсы повышения квалификации. Учились все, и результаты не замедлили сказаться: за это время Мамед Меликов повысил разряд, Абасбек Абасбеков стал бурильщиком... Произошло это потому, что ребята поняли: не одними производственными показателями определяется дух комсомольско-молодежной, — звание обязывает.

От буровой к буровой бригада мужала, и с ней мужал мастер. Работа Бабека оценивалась высоко и, когда в Москве на съезде комсомола он был избран членом ЦК ВЛКСМ, это никого не удивило, кроме, может быть, самого Гаджиева. Во всяком случае, признание его заслуг сам он относит на счет бригады.

— Понимаешь, без бригады, как ни крути, нет бригадира. Ребята у нас поняли главное: бригада — это сплав, а не кусочки металла. Потому и работаем мы по принципу: сделал свое дело — помоги другому. «Твое-мое» отменяется. Работаем на полную катушку все — без чинов и званий.

— У меня порядок, мастер! Электротягохозяйство в ажуре. Чем там нужно помочь! Насос!

— Насос тоже в ажуре. Вот что, Равиль, иди смени Сашу Чижму, вторую вахту стоит.

— Ясно! Хотя он парень здоровый, вертлюг плечом поднимает, а послать не мешает, — улыбается электрик. — Печка в будке, как дозна, греет. А кто починил!..

Шкив насоса дрогнул и пошел. Ма-

стер и Адыль довольны и не скрывают этого. Оба улыбаются.

— А ты говоришь — металлолом! — Я говорю: в ажуре!.. Ну, пошли насчет чайку с холодку!

Чай в ведрном чайнике горяч и крепок — в самый раз по такой погоде. И емкость бригадная. По одному заскакивают ребята пропустить кружечку — кто внакладку, кто вприкуску.

— Бабек, про какую тетрадку Василий говорил!

— Вот чертяка! И тут не утерпел!.. Ну, тетрадка как тетрадка. — Бабек торпливо прихлебывает горячий чай. — Школьная, в общем, тетрадка. Незрелая, значит.

Насколько она незрелая — судить специалистам. Но по первому впечатлению этого не скажешь, хотя бы уже потому, что в ней собраны подробнейшие данные со всех буровых, где работал Гаджиев после института. Опытным путем он пытался выяснить поведение долот в зависимости от режима бурения. Но это не просто наблюдения ради наблюдений, они ведут к практическим выводам прямо здесь, на этих школьных страничках. Например, долото определенного типа рассчитано на девять часов, что соответствует сорока метрам проходки. По наблюдениям же Гаджиева получается, что при точно найденном режиме бурения это же долото те же сорок метров может пройти за шесть часов... Дальше идут колонки цифр, таблицы и снова цифры.

Бабек забирает у меня тетрадку.

— Это все так, начало, одним словом. Теория, — он улыбается, и, как мне кажется, несколько смущенно, — а теория без практики, как известно... Пойду, надо сменить Равиля. Двое у нас болеют. Гривп, понимаешь, и буровиков не обходит. Это хорошо, что у нас в бригаде все, так сказать, взаимозаменяемо...

Придя на буровую, я застал Гаджиева в ином качестве. Правая рука — на тормозе, левая — на штурвале. Тонкую эту операцию, когда руки должны моментально и точно [во избежание аварии] реагировать на малейшее вздрагивание стрелки прибора, он выполнял легко, раскованно, точно у тормоза его основная работа. Была во всех его движениях и осанке изящная рабочая хватка. Вспомнилось, что, получив диплом

инженера, на буровую он пришел рабочим, потом стал верховым, помбуром, бурильщиком. Весь цикл буровых операций — на себе. «Это чтоб знать, что почем и с чем что едят...»

Часа через три опять пьем чай из ведрного чайника. Сквозь треск и хрип чужих голосов Гаджиев пробует связаться с берегом:

— Метео! Метео! Я 301-я! Дайте прогноз. Прием.

Бесстрастный, с хрипотцой [по метеоусловиям] женский голос:

— Ветер северный, 7—8 баллов, море — 5—6 баллов. Как поняли! Прием.

— Понял, понял! Прием.

— Как там у вас, холодно, Бабек!

— Жарко. Курорт. Дай-ка я сводку передам... Я 301-я! Павел Петрович, значит, так: забой — 2346, проходка — 31 метр, долото № 12, турбобур... параметры раствора... удельный вес... вязкость... Прием.

— Подожди, Гаджиев, тут тебя твой добивается.

Сквозь хрип и треск эфира только по густому украинскому говору можно узнать Удовиченко:

— Бабек! Ну, как дела! Насос!.. Слушай, а сетку под квадрат я у них выбил, душа с них вон!..

— ...прошу посторонними разговорами эфир не занимать...

— ...так яки ж посторонни!..

И снова катит автобус с вахтой по пустынной эстакаде — теперь к берегу. И снова дует норд — самый коварный на Каспии ветер, и в пропелесках густо-зеленых волн обнажают мокрые свои спины серо-бурые скалы. Катамаран «Кер-оглы» тащит в море буровую, перехватив ее поперек, похожий сейчас на Фемиду, покачивающую свои весы. Привычный пейзаж после привычной вахты.

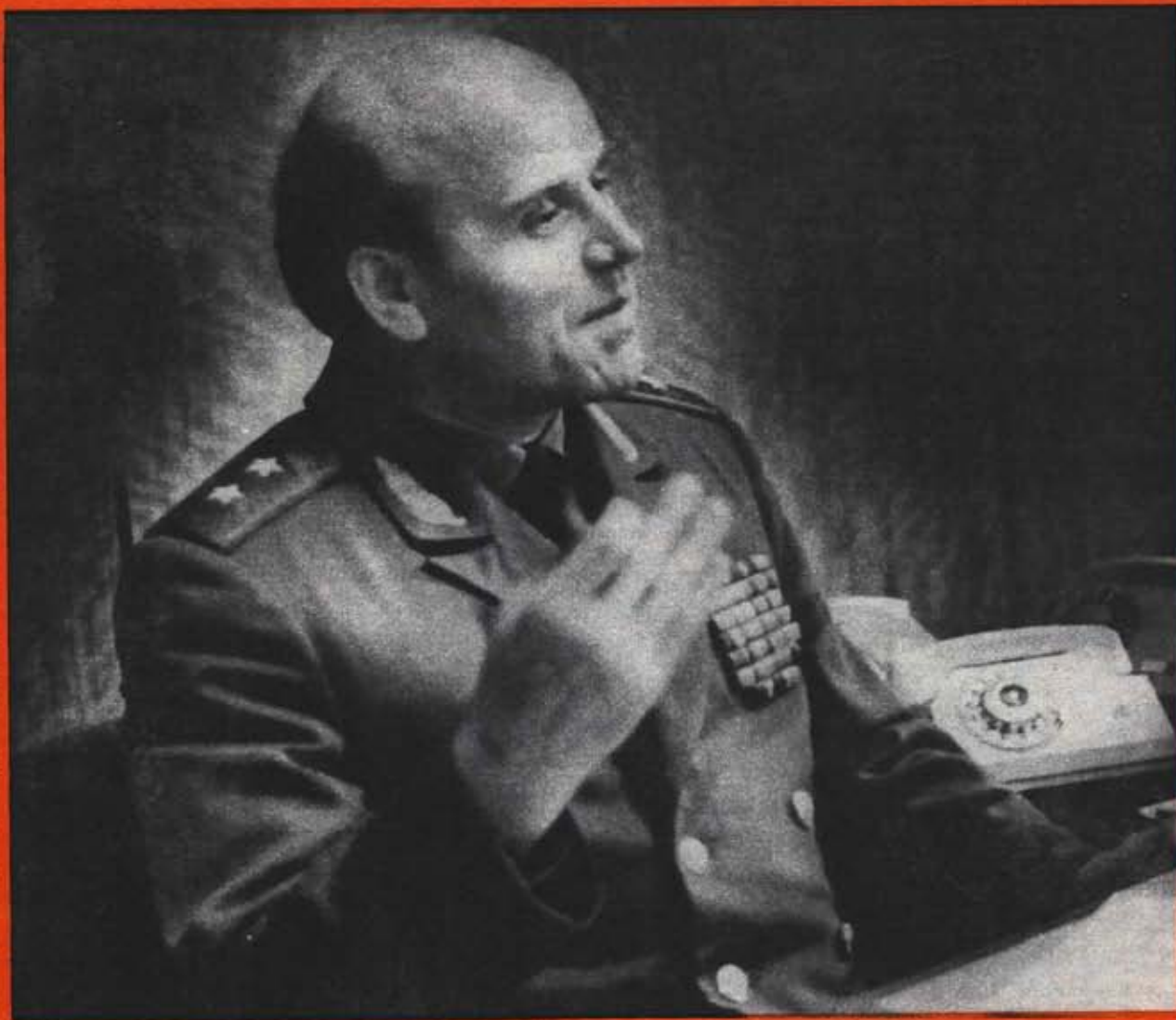
Когда показываются домики поселка на берегу, Бабек говорит:

— Слушай, сам понимаешь, сейчас идет обмен комсомольских билетов. Давай забежим на минутку в райком — и домой. Идет!

Чем обернулась минутка для Гаджиева! Из райкома он позвонил домой, сказал, чтобы обедать его не ждали. На том конце провода не стали возражать, привыкнув, видимо, к тому, что дел у мастера по горло и на земле.

МОЛОДЫЕ БУРОВИКИ ИЗ БРИГАДЫ БАБЕКА ГАДЖИЕВА В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ БИЛЕТОВ ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ — БОРЬБЫ ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС.

Беседуют
Сергей Михайлович КРЫЛОВ,
генерал-лейтенант,
начальник Академии МВД СССР и
Владимир Ильич АМЛИНСКИЙ,
писатель,
секретарь правления Московской
писательской организации.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

С. КРЫЛОВ. Вопрос о трудных подростках, мне думается, относится к категории тех, которые принято считать вечными. Он никогда не снимался с повестки дня. Актуален он и сегодня. **В. АМЛИНСКИЙ.** Я могу добавить следующее. Однажды один человек сказал, что они — молодые — хуже, чем были вчера, они более легкомысленны, более пусты, они гораздо хуже нас, вчерашних. Это был Сократ. Так что, как видите, эта проблема действительно не нова — «проблема» мнимого ухудшения каждого нового поколения.

Мы будем говорить о подростках, которых принято считать трудными. Но много ли их — трудных, по сравнению с обыкновенными 13—18-летними ребятами, которые и в школе неплохо учатся, и спортом занимаются, и в походы ходят, и конструируют модели самолетов и кораблей? Боюсь, что точной цифры не назову, но уверен, что их не так уж много. И, так сказать, степень их трудности очень различна. Я думаю, мы поговорим об этом...

Но «мало» не значит «нет совсем». А стало быть, вопрос о трудных подростках нельзя снимать с повестки дня.

С. КРЫЛОВ. Актуальность этого вопроса определяется целым рядом социальных, демографических, биологических, педагогических, психологических и многих других факторов, которые надо хорошо знать, но которые мы, к сожалению, мало и несвоевременно изучаем и очень часто имеем о них весьма смутное или искаженное представление. Именно поэтому очень часто проблема трудных подростков сводится к банальным рассуждениям о том, что раньше-де молодежь была хорошая, а сегодня она становится все хуже и хуже.

На самом деле трудные подростки были всегда. Я уверен, что их не стало больше. Скорее меньше. Если же мы говорим об актуальности проблемы трудных подростков, то это, на мой взгляд, определяется прежде всего растущей непереносимостью советских людей к различным антисоциальным проявлениям, нарушениям норм социалистического общежития. Повышается интеллектуальный и нравственный уровень населения, а вместе с этим и требовательность общества к поведению своих членов, в том числе и подростков. Поэтому каждое правонарушение получает значительный общественный резонанс.

В. АМЛИНСКИЙ. Хочу перебить вас, добавив, что не только правонарушение вызывает у нас общественный резонанс. Правонарушение, преступление — это, так сказать, «итог». А ведь трудный подросток чаще всего не правонарушитель. Или так: еще не правонарушитель. И задача общества, наша задача — не дать ему дойти до этого «итога», совершить преступление. Вот почему, по-моему, проблема трудных подростков столь заострена: она касается всех нас — ежедневно, всегда.

С. КРЫЛОВ. Вы правы. И значение ее определяется некоторыми очень важными обстоятельствами, с которыми мы не сталкивались в прошлом совсем или действие которых не имело такого размаха и такого влияния на развитие событий. Среди этих новых обстоятельств мне хотелось бы назвать в первую очередь бурный рост городского населения. За последние 15 лет численность городского населения увеличилась со 100 до 154 миллионов человек, то есть больше чем в полтора раза. Уже сейчас 60 процентов всего населения живет в городах. К 2000 году эта цифра увеличится до 75 процентов. Процесс урбанизации, который Маркс назвал в свое время «магистральной дорогой развития цивилизации», идет в нашей стране чрезвычайно быстрыми темпами. Исключительно быстрое развитие городов, рост городского населения влекут за собой целый ряд последствий, которые мы, к сожалению, слабо изучаем, и поэтому не имеем о них достаточно полного представления. Очевидно одно: повышается концентрация населения, растут психологические и, я бы сказал, нравственно-стрессовые нагрузки. По прогнозу к 1990 году численность молодежи от 14 до 25—27 лет в городах значительно вырастет по сравнению с 1973 годом. Проблема трудных подростков — это по преимуществу городская проблема.

В. АМЛИНСКИЙ. По преимуществу, согласен. Но разве нет трудных подростков в селах, в рабочих поселках?

С. КРЫЛОВ. Есть, конечно.

В. АМЛИНСКИЙ. И пусть в городах, особенно растущих, трудных подростков действительно больше, где-то в райгороде трудным труднее приходится, простите за каламбур. В городе

есть кинотеатры, театры, стадионы, дворцы спорта, дома пионеров, станции юных техников, да мало ли еще чего! А в селе? Или в далеком рабочем поселке? Кинотеатр? Есть. Библиотека? Есть, пожалуй, хотя и невеликая. А еще что? Да ничего. Они — эти трудные подростки — подчас лишены тех самых средств информации, которые сегодня во многом формируют подростков.

С. КРЫЛОВ. Вы правы, и это тоже одна из характерных черт урбанизации. И, говоря сейчас о проблеме трудных подростков, нельзя не остановиться на тех коренных изменениях, которые произошли в области средств массовой информации. Становится совершенно бесспорным, что средства массовой информации внесли много нового в формирование нравственного, социального облика гражданина. Молодые люди получают сейчас столько самой разнообразной информации, что она, можно сказать, «оглушает» их. Они далеко не всегда могут в ней разобраться, осмыслить ее и отобрать главное.

Сейчас информация поступает не только через многократно возросший поток книг, газет и журналов, но и при помощи радио, кино и телевидения. Нынешнее поколение молодежи — это первое поколение, выросшее перед экранами телевизоров.

Известно, что коммунистическая мораль не рождается из моральной проповеди. Она рождается жизнью, социальной практикой. Это положение не потеряло своего значения и сейчас. Но мощный печатный, устный, зрительно-образный поток информации, который обрушивается на неокрепшее сознание подростка каждый день, по своему влиянию на формирование его нравственных качеств становится очень часто сильнее, чем то, которое оказывает на подростка окружающая среда. И это происходит потому, что социальная практика подростка подчас сужена. Уже одно это обстоятельство делает необходимым чрезвычайно внимательный отбор информации и глубокую разработку методики информационного воздействия на подростка. Между тем сплошь и рядом при помощи средств массовой информации мы показываем нашей молодежи экзотические картины быта богачей, «красивую» жизнь великосветских бездельников за рубежом, где наряды, роскошные

УЖЕ НЕ ДЕТИ, ЕЩЕ НЕ ВЗРОСЛЫЕ

машины, особняки, великолепные сцены охоты, яхты и прочие атрибуты праздной и пустой жизни настолько ослепляют незрелое сознание подростка, что он порой принимает все это за настоящую жизнь.

Наше поколение воспитывалось, к примеру, на таких прекрасных фильмах, как «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Мы из Кронштадта», и других. Есть ли сейчас фильмы такого же уровня? Бесспорно, есть! Нынешнее поколение воспитывалось и воспитывается на прекрасных кинолентах — «Коммунист», «Как закалялась сталь», «Летят журавли», «Они сражались за Родину». Но, к сожалению, вместе с ними на наших экранах появляются низкопробные зарубежные (да, впрочем, и отечественные тоже...) фильмы. И подросток смотрит «Фантомаса» или «Золото Маккенны», где проповедуются идеалы, не имеющие ничего общего с советскими.

Конечно, смешно предполагать, что, посмотрев фильм про «сладкую жизнь» или прочитав несколько книг с убийствами и насилиями, подросток тут же начнет делать себе нож. Но если он будет читать такие книги систематически, и только их, то последствия, к сожалению, могут быть самыми печальными. Наше представление о том, что такое «хорошо» и «плохо», формировалось тогда, когда не было такого огромного потока информации. Но с тех пор произошли немалые количественные изменения, которые дали и совершенно новое качество. В этом состоит диалектика жизни, и с ней нельзя не считаться.

Не так давно были опубликованы материалы симпозиума в Ницце на тему «Насилие в современном мире». В этих материалах есть такая мысль: «...как это ни парадоксально, но насилье достигло такого размаха, приняло такие циничные, изощренные формы, что жестокость наиболее кровавых времен истории бледнеет по сравнению с нашими днями...» Это относится, разумеется, к капиталистическому миру. Речь идет не только о реальном насилии в буржуазном мире, но и об отражении этого насилия в средствах массовой информации. К сожалению, проповедь культа физического и психологического насилия, созданная кинематографистами Запада, находит дорогу и на экраны наших телевизоров и кинотеатров. А в этих вопросах — вопросах выбора зарубежной кинопродукции —

мы должны проявлять бескомпромиссную требовательность. Идеальная, нравственная всеядность здесь совершенно нетерпима.

В. АМЛИНСКИЙ. Мне кажется, что вы, Сергей Михайлович, очень интересно говорили, но говорили, как ученый, который с этой проблемой сталкивается ежедневно, ежечасно. Вы шли от общего. Я, как писатель, всегда обязан идти от частного, ибо цифры для меня никогда не заменят единственности человеческой судьбы.

Вы точно заметили, что одной из главных причин проблемы «трудных подростков» является урбанизация. Я хочу, повторю, посмотреть на эту проблему с другой стороны. Урбанизация урбанизацией, но ведь подросток-то — трудный он или нет — растет в семье, и семья в первую очередь формирует его как личность. Семья, школа, улица, коллектив — вот основы становления личности человека. Беда, если дети с малолетнего возраста видят только отрицательные стороны жизни, если они лишены нормального, здорового, как у всех остальных детей, детства, и душа их черствеет, не получая столь необходимой детям любви, ласки, родительской заботы. Эти дети — подчас! — лишены и нормального коллектива, потому что школа при всем добром, что она делает, все-таки не всегда борется за них, потому что они худшие, они мешают другим детям, они лишние в коллективе. И вот они начинают искать свой коллектив на улице, во дворе, а двор стихийен, здесь — свои кумиры, свои лидеры, и их влияние на подростка становится достаточно сильным. И с этим нельзя не считаться.

Конечно, легко искать причину морального падения человека лишь в том, что мы его-де не поняли однажды. Скажем, не пустили его родители в кино, а он обиделся и стекло выбил. Или не дали три рубля на костюмы для школьного спектакля, так он — ах, непонятый! — ночью взломал галантерейный ларек. Это из святочных историй, а отнюдь не из жизни.

Нормальный подросток никогда не пойдет на антиобщественный поступок (любого масштаба), если он, этот поступок, не подготовлен всей короткой жизнью подростка. Стоит ли выделять лишь преступившего закон подростка? По-моему, нет. Преступление — финал в длинной цепи событий, и если мы хотим спасти человека, спа-

сти подростка, то цепь надо рвать значительно раньше.

Вы правы, киноэкран весьма часто «дарит» нам фильмы с героями, для которых жестокость — основной критерий действий. Убить — раз плюнуть. Ударить — проще простого. И никаких последствий, никаких выводов! Но ведь действительно: не так уж и много подобных фильмов, и рядом идут превосходные ленты, вы их назвали, и список их можно продолжить. Почему тот же подросток пойдет все-таки не на «Они сражались за Родину», а на «Парижские тайны»? Только ли потому, что на «Парижских тайнах» не надо размышлять: все просто, все ясно, никаких тебе нюансов, черное — чернее не придумать, белое — белое ангельски? И поэтому тоже, согласен. Но ведь эта бездумность и, как следствие, бездумность — результат воспитания, результат того, что не оборвали мы с вами эту цепь. Тянется цепочка. Куда?

Конечно, подростку в тринадцать-четырнадцать лет хочется смотреть фильмы с острым сюжетом, с сильными и мужественными героями, если хотите, с традиционным добром, всегда побеждающим зло. Таков возраст, не очень склонный к философии, а предпочитающий действие. Но и наш кинематограф дает ему такие фильмы: «Белое солнце пустыни», «Новые приключения неуловимых», где герои борются за правое дело, за свободу, за счастье народа. Жаль только, что мало их — этих фильмов, что наперечет они. А как их смотрят? Взахлеб, по многу раз. И подражают героям, и хотят быть такими же честными и благородными. И хочется, чтобы наш кинематограф знакомил подростков чаще, много чаще именно с такими героями, памятуя об интересах возраста, и не заменял их сомнительными прототипами, схожими со звездами «Парижских тайн» или «Искателей приключений».

Я хотел бы сказать сейчас о людях, которые не терпят подобного положения, не мирятся с ним. Они собирают летом таких вот трудных подростков — взятых на учет в детской комнате милиции или просто рекомендованных школой, — собирают их в летние лагеря, где ребята живут в палатках, сами варят себе обед на костре, ходят в походы, устраивают военные игры, поют хорошие песни, которые пели их отцы, читают вслух отличные книги, а не переводные

детективы с трупами на каждой странице. И, вернувшись из такого лагеря, подросток чаще всего начинает задумываться. О чем? О себе, о своей жизни, о настоящих, а не поддельных ценностях. А ведь это главное в жизни — подумать, прежде чем совершить.

Конечно, лагеря эти не панацея от всех бед. Но это форма работы с трудными подростками, хорошая форма, удачная, часто дающая полезные плоды, а значит, приемлемая. Но главное — работают с ребятами в лагерях настоящие энтузиасты педагогики, любящие детей, умеющие говорить с ними, не сюсюкать и не кричать — говорить так, чтобы их понимали. Кто они? Педагоги, студенты, рабочие, поворсионисты. Очень часто это непрофессиональные педагоги, люди огромной души.

Но именно у них стоило бы поучиться многим профессионалам! Поучиться не методам воспитания (хотя и методам тоже...), а духу его, любви к подростку, вере в то, что «трудный» не значит «потерянный». Больше того: «трудный» — значит «интересный». В конце концов история советской педагогики помнит множество примеров, когда из трудных подростков вырастали настоящие люди: рабочие, воины, герои страны, писатели. Это Герой Советского Союза рядовой Александр Матросов, который стал примером для юных. У них были наставники, которые верили в них, сумели бездуховность, рожденную в подростке обстоятельствами жизни, заменить верой в себя, верой в людей, наполнить их жизнь содержанием.

С. КРЫЛОВ. Я с вами полностью согласен, Владимир Ильич, что в основе нравственной деформации лежит бездуховность или превратное, искаженное представление о духовных ценностях. Гете говорил: «Всякий, кто удаляется от идеи, в конце концов остается при одних ощущениях». Надо, следовательно, делать все для того, чтобы духовный мир человека был красочным и богатым. А этот духовный мир создается в процессе громадной работы над собой, в процессе целенаправленного трудового, идейно-политического и нравственного воспитания. Есть хорошее выражение: чем больше на руках мозолей, тем крепче в жизни человек. Труд создал человека, труд его облагородил, и отсутствие труда или недостаточная дозировка труда приводят к деформации человека.

Здесь мне хотелось бы более подробно остановиться на изменении соотношения между уровнем образованности и требованиями, предъявляемыми трудовыми процессами к человеку труда. В наш век тяжелый физический труд уходит в прошлое. У человека остается определенный избыток неистраченной энергии. Кроме того, у него значительно вырос баланс свободного времени. Из 365 дней в году человек трудится на производстве лишь около 200. Оставшиеся 165 дней включают выходные, отпуск, дни болезни. Из 168 часов недели он работает только 40 часов, или около 25 процентов времени. Следовательно, на работе человек находится в общей сложности 20—22 процента времени в году.

Видите, как выросла проблема свободного времени у занятого на производстве человека. А ведь подросток, как записано в трудовом законодательстве, работает меньше взрослого. И если его свободное время не заполнено осмысленной деятельностью, то тогда до антиобщественного поведения — один шаг.

И еще одно. В настоящее время социологи отмечают рост количества неспециализированных рабочих, то есть тех, кому не требуется высокая техническая подготовка, соответствующая технической подготовке. Это объясняется автоматизацией и специализацией производства, переводом промышленного производства на конвейер. Часто рабочий, стоящий у конвейера, выполняет самые простые операции, не требующие высоких технических знаний. Часто на эти операции ставят именно подростка, пришедшего на завод из школы. Это, в общем, объяснимо: чтобы ему доверить сложную операцию, его надо учить, а на обучение требуется время, и подчас немалое. Гораздо проще отмахнуться от него: пусть пока «гайки покрутит», а там видно будет. Вот поэтому у него появляется острая неудовлетворенность своим трудом. Происходит разлад между идеалом, к которому он готовился, участь в школе, и той реальностью, с которой он столкнулся на производстве.

В. АМЛИНСКИЙ. Это так. И если его вовремя не заинтересовать работой, не перевести его на более интересный участок, не учить его делу, короче, не обратить на него самого пристального внимания, то он будет потерян для произ-

водства. И хорошо, если только для производства...

И на заводе и на стройке подростку нужен внимательный и чуткий наставник — мастер, старший товарищ, который бы сделал из него человека, заинтересованного в деле. Сколько их сегодня — таких наставников, чутких педагогов, которые хотят, чтобы их воспитанники, их ученики стали настоящими людьми. Мы все знаем имена рабочих-педагогов, которые стали Героями Социалистического Труда именно за их вклад в дело воспитания рабочей смены. И помню, как поразила Ольга Павловна Вохмянина, прядильщица Реутовской фабрики, услышав свое имя в списке награжденных. «Да что ж я такого сделала?» — говорила она. Говорила так потому, что ее дело для нее обычно и отнюдь не героично: воспитывать молодежь.

И надо бы помнить, что наставничество полезно в первую очередь производству: меньше будет разговоров о текучести кадров. А ведь она происходит часто именно из-за равнодушия, безразличия к человеку. Пришел он на завод, поставили его на конвейер (хорошо, если сразу на конвейер, а то и в подсобники, и надолго!), и — работой, парень. И главное — план давай. А что за планом — не суть важно. И, конечно же, такой подросток не останется на заводе, уйдет потому, что коллектив не сумел найти к нему подхода, не сумел воспитать в нем рабочей гордости, не сумел втянуть в общественно полезный труд, заинтересовать его этим трудом. Да зачастую на таких предприятиях и коллектива-то настоящего, крепкого рабочего коллектива нет. Вот и теряют парня. А ведь эта потеря — потеря отнюдь не только в масштабах завода. У подростка появляется уверенность: меня не поняли (а его действительно не поняли или не захотели понять, времени не хватило, руки не дошли), я чужой. А это уже страшная мыслишка: я чужой всем. Значит, надо искать своих. А где их искать? На улице? Но неужели улица и ее герои — лучшие педагоги, чем те, кто по профессии своей призван заниматься воспитанием подростка? Не верю в это, не хочу верить!

Вот я помню, когда я учился в школе, в детской библиотеке работала женщина, выдавала книги. Однажды, прочитав мой отзыв на прочитанную книгу, она сказала: «У тебя слог хороший, тебе надо писать». Какое ей дело было до моего слога? А вот было... И я стал что-то сочинять и приносить ей, а она читала, что-то ругала, что-то хвалила. Она была настоящим педагогом, заинтересованным в человеке, в том, кем он станет. Вот такие очаги культуры, как эта старая библиотека, у нас должны быть везде, и очень важно, чтобы в них работали умные, думающие, любящие человека люди. У нас должны быть пединституты, которые бы выпускали отличных специалистов своего дела, настоящих педагогов, людей, осведомленных в различных областях науки, по-настоящему «больных» делом воспитания Человека.

Вы говорили о свободном времени. Да, его стало больше. Но правильно ли мы его используем? Нет, конечно. Мы даже термин себе придумали: убить время. (Заметьте: убить...) Мы много пишем о пресловутых подъездах, где подростки собираются по вечерам, о подворотнях, где можно «сообразить на троих». А ведь все это лишь звенья той цепи, о которой я уже говорил. Оборвать ее — занять подростка делом, заинтересовать его. Ведь тысячи его сверстников ходят во дворцы пионеров, на станции юных техников, в спортивные секции. Что мешает ему пойти с ними? Неумение? Взор! Отсутствие способностей? Не верю. Конечно, есть очень способные ребята, которые в четырнадцать лет заканчивают школу, поступают в институт, побеждают на олимпиадах по физике и математике. Но большинство подростков, занимающихся в кружках дворцов пионеров или в спортивных секциях, не обладают из ряда вон выходящими способностями.

Значит, не нашли мы подход к человеку, не сумели отыскать то, что его интересует. А ведь нет людей совсем без интересов. Возьмите хотя бы парня, играющего на гитаре в компании, прочно обосновавшейся где-нибудь в подворотне. Кто подумал о том, что он любит музыку, что гитара для него — средство самовыражения? Так помогите ему в этом, пригласите его в самодельный оркестр. И торопитесь, а то будет поздно. Или еще. Любят ребята кино. Прекрасно! Организуйте под эгидой райкомов комсомола кино клубы, где не просто «крутят киношку», а еще и рассказывают о фильмах, о режиссерах, об артистах, учат понимать кино. Можно это сделать? По-моему, нужно.

Ведь неисправимых нет. Вот, казалось бы, по-

знакомился я совсем уж с неисправимым парнем: и преступление совершил и в колонию попал. А посмотрел я его дневник. Чего там только нет! И блатные байки, услышанные от «корешей», и собственные мысли о «красивой жизни». А рядом — чистые стихи Есенина, вырезки из газет, фотографии космонавтов. Потерян он? Ни в коем случае! И вот тут-то (а можно было раньше) нужен умный педагог, который поможет ему отбросить пустую шелуху «блатного», найти себя, свою дорогу.

Есть возраст, которому противопоказаны наказания и наставления. Необходимо искать и найти индивидуальный подход к человеку, к каждому, пусть самому трудному подростку, понимать, что безнадежных людей нет.

Одним из главных вопросов педагогики является вопрос раскрытия возможностей, заложенных в человеке. Парень плохой, грубиян, плохо учится, дерзит взрослым, но в нем что-то есть и хорошее, его нужно только заинтересовать, найти в нем какое-то рациональное зерно и правильно взрастить его, чтобы оно дало добрые всходы. А мы этот момент часто упускаем. Сейчас, может быть, воспитывать настоящих, хороших, творческих педагогов важнее, чем физиков. Педагогика — главная наука, потому что она формирует и воспитывает настоящих людей, активных строителей будущего.

С. КРЫЛОВ. В нашей литературе, да и на практике, к трудным подросткам относят хулиганов, драчунов, скандалистов, лиц, которые вступили в серьезный конфликт с законом. Мне думается, что это слишком суженное толкование понятия «трудный подросток».

К трудным подросткам следует, безусловно, относить и равнодушных эгоистов, и молодых ставителей, и беспринципных приспособленцев, завистливых обывателей, и молодых тунеядцев. Трудно сказать, какая нравственная деформация является наиболее опасной: то ли та, которая выражается в хулиганстве, воровстве и других безобразиях подобного рода, то ли «тихая», в результате которой рождаются беспринципные приспособленцы, опасные карьеристы и социальные тунеядцы. Думается, что оба эти вида деформации представляют большую опасность для общества, и по этой причине лица, заболевшие этим вирусом, должны находиться под постоянным «лечебным» воздействием.

В. АМЛИНСКИЙ. Согласен с вами. Но, помимо лечебного воздействия, медицина знает и другой термин: «профилактика». Конечно, это только термин и, быть может, не самый удачный. А за ним — чуткое, внимательное отношение к человеку с раннего детства: в семье, в школе, на работе. В конце концов, может, и неверно то, что проблема «трудных подростков» вечная. В наших силах сделать так, чтобы будущие поколения не вспоминали о ней. А для этого каждый должен быть заинтересован в каждом. Помните, кто-то сказал, что нельзя признаваться в любви к человечеству, не любя человека. Каждого человека.

С. КРЫЛОВ. Каждый трудный подросток — это результат каких-то издержек воспитательной работы в целом, следствия каких-то нерешенных социальных задач. Вместе с тем это конкретная судьба, конкретный живой человек. Следовательно, занимаясь первой частью этих вопросов, нельзя забывать о второй их части. Это определяет конкретно-личностный подход к судьбе каждого трудного подростка. Эти судьбы неповторимы, но есть нечто общее, что лежит в основе этих судеб. Чаще всего — и вы правы в том — трудных подростков надо искать в первую очередь там, где мать одна воспитывает детей, или в семьях с искаженной моралью и недостойным образом жизни; наконец, в семьях, где из-за занятости родителей или их неумения воспитывать детей последние оказываются предоставленными самим себе. Можно сказать, что трудные дети появляются там, где есть трудные взрослые. Трудные подростки — это те, кому мы не уделили необходимого внимания, кого мы забыли или предали.

В. АМЛИНСКИЙ. Я добавлю только несколько слов. Я думаю, что в общем мы пришли к истине не новой, но острой всегда. Главное — духовная ценность жизни. И вот что я хочу сказать вашим, Сергей Михайлович, слушателям, которые свяжут свою жизнь с воспитанием и перевоспитанием людей: уважайте личность человека, находите для него добрые слова поддержки, всегда ищите необходимый ему индивидуальный подход. И подростки и взрослые, безусловно, нуждаются в понимании, в уважении, в поддержке.

НОВОЕ ИМЯ

Виктор СМИРНОВ-ФРОЛОВ,
экскаваторщик.

Сейчас, когда говорят о рабочем поэте, это не означает, что мы должны ожидать описаний технических процессов и работы машин. Рабочие поэты постоянно расширяют свои творческие горизонты. Они «выгадывают» — у них есть профессия, и потому, как ни парадоксально, у них более широкие творческие возможности.

Представляемый в «Смене» поэт Виктор Смирнов-Фролов работает экскаваторщиком на московских стройках. Поэзии Виктора свойственна доброта, но доброта не созерцательная, а действенная, созидательная, направленная на еще более глубокое осознание и преобразование жизни.

«Кому я жизнь продлю? В каком зажгусь окне? — говорит поэт и предупреждает: — Тише, тише. Второпях не расплескивай жизнь». Читая стихи его, замечаешь, что поэт более думает о других, чем о самом себе, и это вполне закономерно, ибо настоящий поэт никогда не может быть оторван от мира.

Внимательный читатель не пройдет мимо стихов этого своеобразного поэта.

Рюрик ИВНЕВ

Улыбка

В окна солнечных зайчики мечутся,
Расставаться приходит пора...
Уезжают девчата-отделочницы —
На веселье и труд мастера.
Если смех, то до самых до коликов,
Если труд — так уж с легкой руки.
Потому так светлы подоконники,
Потому так белы потолки.
...Уезжая, девчата оглянутся,
Улыбнется им празднично дом.
Та улыбка навечно останется,
Вечно смех будет слышаться в нем!

Стремление века

У мира есть профессия — строитель.
Леса эпох! Величествен их вид!
Вы только, люди, пристальной взгляните —
Какой он, век, когда он не дымит.
Уходят войны. Пусть уйдут тревоги,
Чтоб наш, Двадцатый, мог легко вздохнуть,
Построить к счастью прочные дороги
И проложить к векам грядущим путь.
Раздуйте, ветры, дым с его строений,
Пускай напалм не жжет его леса...
Бесстрашный век, строитель вдохновенный,
Смелей вздымай жилые корпуса!

Сосны

1

В Серебряном бору заливчик есть —
Он родственник Москвы-реки
старушки.
В нем сосны летом жарким прячут
тени,
А сами все пытаются раздеться
И бухнуться, смеясь, как будто дети.
Но им не удается это сделать,
Уж слишком много пуговиц-сучков
И «молний» смолянистых на рубашке:
Не хватит лета, чтобы обнажиться...

2

Откуда вдруг влетают холода!
То осень стать заметной пожелала.
Заливчик понадежней застеклился,
И с летом он прощается надолго.
Тут сосны скрип поднимут, разгоняя
На небе тучи, что сорят снегами.
Им временами это удается,
И вкатывается солнце, улыбаясь.
Оно им тихо говорит «спасибо».

*

Дорогой промчать столбовую
Не так-то легко для пера:
Грома громоздятся с утра
Над самой моей головою.
Кувшинкой застряну в реке,
Подкрашенной этим ненастьем...
Стихия спадет.
И напасти
Сползут по усталой руке.

Бульдозерист

Земля пластами с лезвия стекает,
Бульжный камень сыплется вразлет,
И каплей солидола солнце тает,
А парню не до солнечных высот.
«Глушн мотор!» — всю ему горланю.
Рукой на солнце: «Вон как высоко!»
Он из кабины выйдет, как из бани,
И встрече рад с глубинным холодком...
Не докурив, опять гремит капотом.
Подтянет траки, гайки подвернет.
И все сто сил взревет, уйдут в работу:
Она не ждет, ее — невпроворот.

Рабочий поселок

Подмосковный рабочий поселок.
Он, барачный, в кругу деревень,
По-военному невеселый,
Паровозом свистел целый день.
Шли с кирками на торфразработку
Торфяницы,
Десятник хромой...
Репродуктор простуженно сводку
Оглашал о боях под Москвой.
...Накалялись закатные дали,
В рельсах —
Солнечный луч, словно нить...
И составы, кряхтя, отъезжали
ТЭЦ Шатурскую торфом кормить.

Ручей

Что душа —
Ручеек-недотрога,
Камень бросишь — и сразу всплеснет.
Как в обихах, в зигзагах дорога...
Все ж — прозрачный,
И все же — вперед,
Тише, тише, ручей,
Тише, тише.
Второпях не расплескивай жизнь.
В твоей песне,
Еще не остывшей,
Вся надежда столпившейся ржи...

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

ХЛЕБ, ХЛЕБ

«Мы любим повторять старую народную поговорку: «Цыплят по осени считают».

А справедливее бы говорить так:

«Хлеб по осени считают».

Тот самый хлеб, без которого, между прочим, и цыпленок-то не станет курицей. Хлеб—он тогда хлеб, когда, выращенный, обмолоченный, просушенный, провяленный, упрятан в сусеки. И я хорошо понимаю поэта, когда он, где-то в середине пятидесятих годов, увидев на целине курганы гибнущей пшеницы, написал потрясающе трагические слова:

От хлеба пахнет солодом,

От хлеба пахнет голодом.

В праздничные дни россияне его пекут с капустой, с грибами, с калиной, с картошкой, с поздником, с черной и красной смородиной, с крыжовником, с вишней, с яблоками и брусникой — какая там еще ягода-малина не пришлась бы к лицу хлебу! Все перечисленные — а сколько их тут еще не названо! — великие земные благодати, однако пусть они и лакомые, но все же приложение к основному, к главному — воистину Его Величеству Хлебу. И как тут не согласиться со старым землепашцем, каковой в патетическую минуту воскликнул: «Хлеб!.. Что может быть важнее хлеба?! Хлеб — имя существительное, а весь остальной продукт — прилагательное!» Сказано весьма энергично, пожалуй, даже с какой-то излишней удалю, и все-таки слова эти не лишены определенного и при том глубокого смысла».

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
лауреат Государственной премии
РСФСР имени А. М. Горького.

Анатолий ИВАЩЕНКО.

Фото

Александра НАГРАЛЬЯНА
и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Вкаждодневных городских хлопотах редко думаешь, что сейчас где-то растут пшеницу, размалывают зерно и у жарких печей стоят белые пекари. Хлеб! Что ни год, людям его надо все больше и больше. Нас уже четверть миллиарда, а земля... земля не растет.

У нас такая просторная страна, но на каждого приходится уже меньше гектара пашни. Считается, что на человека надо производить тонну хлеба в год. Сюда входит не только тот хлеб, который мы едим за столом, не только макароны, печенье, пирожные, но еще и зерно, идущее на корм скоту, в переработку на пиво, спирты и многие другие продукты. Тонна в год... Но ведь берут с гек-

тара и по полторы тонны и больше. Значит, все хорошо и беспокоиться не о чем! Нет, оснований для беспокойства много. На том гектаре с минусом надо рядом с пшеницей посадить еще картошку, подсолнухи, свеклу, капусту, хлопок, лук, огурцы... И останется под зерно в лучшем случае полгектара. А они тонну хлеба пока не дают. К тому же раз в шесть-семь лет земле надо дать отдых.

И еще. Хлебная нива может быть тучной, под благодатными дождями и ярким солнцем способна налить могучий колос. И может оказаться скудной, когда на нее обрушиваются в бесснежные лютые морозы, когда тонкие, еще не окрепшие стебли терзает черная буря и листья сохнут от палящего зноя.

Человек пока не волен заказывать дожди, когда поля просят пить, пока нельзя отвратить бурю, укрыть нивы от зноя. Но сеятель ищет пути, как

БУ, ЖЛЕБОМ

возделывать нивы, чтобы были влага и пища, творит сорта, способные противостоять невзгодам. Человек умеет много, но еще немало «зеленых тайн» пока сокрыто от него.

Каждый год с первых июльских дней начинают стрекотать жатки по кубанским и донским берегам, в Херсонской степи, за Перекопом, под Киевом... Потом все выше, севернее — в Белоруссии, Прибалтике — и дальше на восток — в Поволжье, Казахстан, Сибирь. И еще догорают зори последних дней страды, когда не с юга на север, а обратном волном накатывается фронт новых забот — разворачивается осенний сев. Значит, начинается хлеб, который будет кормить нас через год, а пока докашивают этот. Докашивают, чтобы не осталось ни колоса в поле, не потерялось ни зерна в соломе. Да и солому стараются не отдать огню, не пустить под снег — сберечь всю, до охапки, для ферм.

Пишу и вспоминаю жатву 74-го. Да, она была трудной и во многом особен. Весной над старыми нашими житницами вновь кружили черные бури, пришлось много пересевать. Был май с теплыми фронтальными дождями «от моря до моря», и была у хлебороба радость: «Растет! Все хорошо растет». И выросло действительно на диво. А дожди... дожди «не отключались». Им бы лить в Казахстане, на Алтае, где всходы сохли, а земля трескалась. Лило же на Украине, в Поволжье, на Ставрополье, по всей Кубани, где надо было убирать. Не впервые это — льет не «когда просят, а когда косят».

Трудной была страда 74-го. А разве случалась она когда-нибудь легкой! Нет... Не бывает ни легкой жатвы, ни легкого хлеба. Потому-то не на праздник урожая, когда пекут из нового хлеба неподъемный караван и девочки плетут венки из золотистых колосьев и венчают ими героев козовицы и молотбы, а под раскаты грома и шум дождя радио несло на полевые станы вести: «За мужество и мастерство... высокие успехи... рекордные намолоты... наградить орденами и медалями... присвоить звание Героя Социалистического Труда».

Да, то был год небывалых рекордов. Высокие награды, приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева ростовским механизаторам вызвали массовый героизм тысяч и тысяч комбайнеров, шоферов, работников колхозных и совхозных токов, хлебоприемных пунктов. Хлеб надо было вырвать у непогоды, обмолотить и высушить сырым, поднять тот, который полет на корню, свалить просишки сорняками... Лавины комбайнов и колонны грузовиков уходили от дождя и штурмовали сухие массивы. Если можно было косить, косили по 20 часов, по 22, а случалось, работали и сутками. Когда это было, чтобы за сезон молотили на комбани по 20 тысяч центнеров! Даже по 25 тысяч!

Нет, такого еще никогда не было. Но повторилось еще с большим размахом этим летом. Повторилось по-

**УРОЖАЮ
ЗАВЕРШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ —
КОМСОМОЛЬСКУЮ ЗАБОТУ!**

тому, что процесс этот уже необратим. И еще потому, что темп, взятый на жатве-74, механизаторы подхватили на подготовке почвы к осеннему севу и подъеме зяби. Индикаторы этого движения, волгоградские земледельцы, к своему празднику — Дню работников сельского хозяйства всахали почти три миллиона гектаров зяби — вдвое больше, чем на ту же дату годом раньше. Пример показали В. Я. Стенковой и его друзья из совхоза «Волго-Дон».

В. Я. Стенковой вывел свой трактор на край загона, неторопливо осмотрелся, перекурнул, парой слов перекинулся с агрономом и остался с полем наедине. До конца смены.

Дед не поверил бы, что в тракторе, который сейчас движется пахать, рокошет огромный «табун лошадей». Даже не один, а несколько «табунов». Не поверил бы родителям, что отпорованное лемеха многокорпусного плуга способны обернуть хоть полуметровый пласт предельношей, прошитой корнями дернины. Стенковой вырезал пласт, как бритвой, и за плугом потянулся черный бурый.

Уже трудно зримо вообразить, что когда-то этими же, только бурьянистыми полями в сабельную атаку напали лавины конников в островерные краснозвездные шлемах, катились за землю, за волю, за лучшую долю. Трудно представить, что дорога к трактору этому легла через голод и разруху, через ленинскую мечту

о стотысячной железной армаде для утверждения социалистической деревни. Тогда так и говорились: «Чем больше в деревне железа, тем больше в ней социализма».

Молоденькому бедняку Петру Дьякову, о котором потом пелось «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околнца нас прокати», кулаки не могли простить, что он владеет «железным конем». Не могли простить потому, что с того коня начинается богатый хлеб. Петра Дьякова облили керосином и подожгли.

Первый трактор херсонского колхоза «Новая жизнь» пахал, саял, ставил рекорды... Воевал, когда началась война, был ранен, горел и снова пахал, пока вознесли его, будто геройский танк, на торжественный пьедестал памятником первым трактористам.

18-летний рязанский механизатор Анатолий Мерзлов сгорел на поле, спасая хлеб уже в наши дни. Сгорел потому, что хлеб, взращенный такими большими трудами, не должен гибнуть, должен доставаться людям.

Хлеб и металл. Хлеб был первым и самым большим богатством Страны Советов после разрухи. Он помогал поднять из развалин мертвые заводы и фабрики, шахты и рудники. А промышленность, в свою очередь, создала большую индустрию хлеба. Металл, как известно, начинается с руды. Ее надо перевозить, выплавить чугуна, стали, прокатить лист, сделать

КАЖДЫЙ МОЛОДОЙ ХЛЕБОРОБ — РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН ПОЛЯ

отливки... И только потом создать машину. Так и хлеб.

Он начинается с земли. Для непосвященного она прах, который ничего не стоит. А ей нет цены! Можно затратить огромные средства и построить звездолеты, способные облететь ближний и дальний космос. А создать рукотворную горсть земли нельзя никакими миллиардными вложениями даже в крохотной пробирке. Нельзя потому, что над тоненьким слоем, покрывшим планету Земля, природа трудилась миллионами и миллионами лет.

Здесь свершается то сокровенное и величайшее из таинств, когда маляре семя выбрасывает и свету зеленый росток, разбившись о который луч солнца дает начало всему живому. И вот это-то бесценное богатст-

во вверено человеку, чья должность в обществе — земледелец. От того, как работает он, во многом зависит жизнь народа, экономика государства.

Можно подготовить ниву и посею отлично, можно хорошо, примут ее и с оценкой «удовлетворительно». Можно по-разному посеять и по-разному убрать. Но разница в урожае на поле, где все операции выполнялись с высшим старанием, и на том, где ставились «тройки», будет разительной. Брак ни на обработке, ни на уходе переделывать практически невозможно. А начнешь переделывать — еще больше иссушишь почву, распылишь... Вот почему самым строгим судьей человека, работающего с землей является, всегда была и будет его совесть, его трудовая честь.

Есть два принципа работы на поле. Первый, когда механизатору дается задание сначала столько-то вспахать, потом провести уход и, наконец, посеять. В другом случае все определяется конечным продуктом. Один получает оплату за выполнение операций, другие — за урожай. О том, какой подход лучше, споры не стихают до сих пор. Но у аккордно-премиальной оплаты за готовую продукцию сторонников становится все больше.

Рассуждают так. При добросовестном отношении к делу не каждый день выполняешь норму, добившись высокого качества. В выигрыше поэтому тот, кто прежде всего стремится «прокрутить» побольше гектаров, работает «с колеса». Добросовестный труженик при этом остается как бы в тени, хотя он-то и делает урожай. У спорщиков же выше шансы получить больше заработок, пре-

ми, выплыв... Но не лучше ли «ехать тише», выполнять каждую работу добросовестно и, самое главное, тогда, когда этого требуют интересы урожая! Даже если придется вставать на заре, работать в выходной, в праздничный день... Она является, лучше.

Раньше всех к такому выводу пришел тогда еще безвестный, а теперь знаменитый звеньевой Герой Социалистического Труда Владимир Первицкий из опытного хозяйства Кубанского научно-исследовательского института по испытанию тракторов и сельскохозяйственных машин. Это здесь разработали прогрессивную технологию возделывания кукурузы без применения ручного труда. Если раньше механизаторы звена прекращали владеть только техникой, то теперь они на уровне агрономов знают землю и растения.

Десять лет назад в звене едва собирали по 40 центнеров пшеницы. Потом взяли рубеж 50, 60 центнеров и поднялись в среднем урожае почти до 70. А на одном из полей получили даже по 80 центнеров. Восхищение поистине воспитательное!

Примечательно и другое. В звене пересмотрели взгляды на нынешнюю мощную технику. При интенсивном использовании она не только создает урожай, но и разрушает почву. После черных бурь 1969 года Первицкий перестал пахать поля под пшеницу совсем и поддал этим дерзновенный пример, который тоже широко подхвачен. На республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины приводился такой факт. В Полтавской области, в колхозе имени Петровского, находившемся в эпицентре засухи, всходы появились и развились замечательно. Эти поля не пахали. Их взрыхлили лишь на глубину заделки семян.

Такие примеры знаменуют собой новую страницу нашего земледелия. И вопрос — пахать или не пахать! — занимает сегодня не только специалистов и механизаторов. Дело в том, что от системы обработки зависят не только урожай, но и состояние окружающей среды, природы. А это волнует всех.

Каждую осень и каждую весну набухшие семки выбрасывают ростки, и кажутся они свету крохотными зелеными огоньками, пока колосовую радость, то травоты. В марте хотелось, чтобы восток скорее укрыли поле и его не выдуло бурей. Потом, чтобы не ударили заморозки, не вымогло, не опалилось ранней засухой. И редко бывает, чтобы на огромной нашей территории погода везде складывалась благоприятно. Нынчешняя весна начиналась хорошо, а потом — бездонье. Опалило суховьями часть Ставрополя и Дона, Поволжья, центральные районы. Дожди запоздали, но хотелось: скорей бы жата, пусть опят грудная, но скорей. С немолчными гулом моторов до самого рассвета, вереницами грузовиков на до-

рогах, вереницами зерна на токах, скоростными хлебными маршрутами по шоссейным дорогам.

И какою бы щедрой в целом по стране ни оказалась жата, все равно нам вновь дороги и каждый колос и каждое зерно в колосе. Хлеб надо беречь.

Улаженно к нему всегда было у нас традицией, его принимали человеком с детства. И хотя сегодня уже немало тех стариков, которые старательно смазывают со стола обретенные крошки и, перекрестясь, отправляют в рот, хотя внукам за недоделанную корку сегодня деды не дают по лбу пощечой, тем не менее о традиции стоит напоминать. Напоминать потому, что далеко не всем приходилось быть в Музее обороны

Ленинграда и видеть крохотный брусок замятого суррогата — деревянную норму человека. Не все знают, что первый советский комиссар продовольствия товарищ Цюрупя систематически недодал и на одном из заседаний Совнаркома упал в голодный обморок. А тот факт, что хлеб у нас в магазинах дешев, но у кого создается неверное представление о подлинной ценности самого значительного нашего богатства.

Горестно, конечно, видеть, как у школьного буфета вместо мяча мальчишки гоняют булку. И не только мальчишки, но и парни из студенческих отрядов, хотя потом сами же берутся за работу и до немоты в спинах лопатят цельное зерно, и знают они и про блокадный хлеб,

и про Цюрупя, и про Петра Дыкова, и про Мерзлова.

Как объяснить такое? У меня все это не укладывается в голову. Знаю одно — умирающая дедова почка уходит в прошлое без возврата. Здесь нужно что-то другое. Известно, сколько металла идет в струнку, но неизвестно, какая часть готового, уже испеченного хлеба выбрасывается недоделанной с наших столов. Решение этой проблемы дальше ведер для пылевых отходов, выставленных на лестничных площадках — и то далеко не везде, — не идет. Хотя пора даже самые прогнившие слова о бережном отношении к хлебу подкрепить практическими мерами.

Батон, нарезанный в столовой небольшими ломтиками и завернутый

СЖАТЫЕ СРОКИ И ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО УБОРКИ — ГЛАВНЫЕ ПРИМЕТЫ «ЖАТВЫ-75»

в салфетку, свидетельствует не только о гнущем. В салфетке хлеб дольше не черствеет, а это значит, что весь он будет съеден. В булочных не так давно появились совсем маленькие, ценою в три копейки, булочки. Однако рядом, в тех же булочных эдакие гигантские батаны, калачи, пельмени. Выглядят они эффектно, но покупатели берут их половинками, даже разрезанные на четвертушки. Почему и здесь не пойти на уменьшение форм! Во многих столовых, кафе, ресторанах даже одиночному посетителю приносят хлеба столько, что его хватит вполне на двоих, а то и на троих. Потом нетронутые ломти уносят вместе с грязной посудой. Почему!

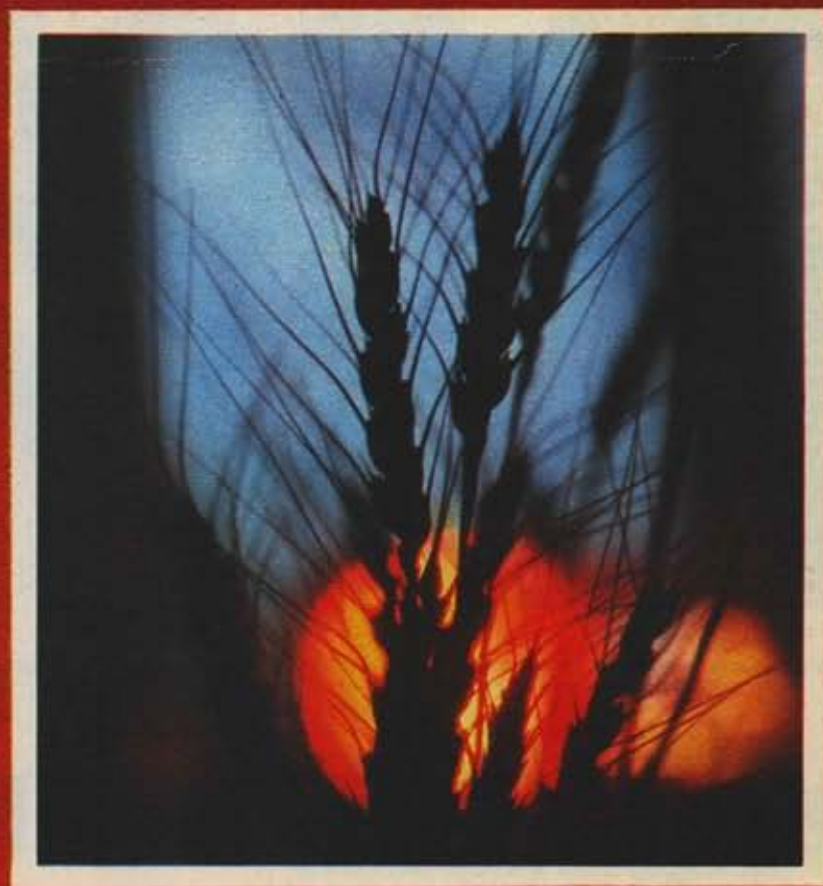
Петерова бережного отношения к

хлебу много. Искать их нужно не из скардности, а из разумного отношения к труду, который вложен в него.

...Нынешней весной на Кубани, на Дону и Украине озимые уже в мае выжило в колесо, и ветер гнал по ним веселую зеленую зыбь. А потом пшеница на тех полях зацвела, лист стал широким, упругим и покрылся сизоватым налетом. В лунную ночь такие поля казались белыми и колыхались под ветром, как море.

И день ото дня становилось все меньше волнений. Пшеница налилась, золотилась, не легла... Кубанские, донские и украинские механизаторы объявили, что уберут хлеба быстро. Слово их с делом не разошлось.

...А сейчас жатву ведет уже Восток.

ЗАВОДСКОЙ РАДИОН

Николай и Галя решили пожениться. Неожиданного в этом ничего не было: дружили они давно, работали вместе и даже жили рядом — Галя в женском общежитии Калужского комбината синтетических душистых веществ, а Николай — в мужском. Друзья поздравили молодоженов и стали думать, как помочь им лучше устроить свадьбу. Вроде бы о чем разговор? Надо договориться с кафе или рестораном, и, пожалуй, ичи себе из загса на «Волге» с переплетенными обручальными кольцами прямо к накрытому столу... Но в данном случае вариант с рестораном не годился. Галя помогала родителям поднимать на ноги младших братишек, и сбережений у нее не было. Николай воспитывался в детском доме, пришел на комбинат после службы в армии, и с деньгами у него тоже было не густо.

Нина Алексеевна Харчевникова, воспитатель общежития, в котором жила Галя, сказала девушкам, которые пришли к ней посоветоваться: «Вот что, попробую-ка я поговорить с комендантом. И Галю и Николая она знает не первый день, возможно, разрешит отметить торжество в общежитии...»

Воспитатель говорила так осторожно потому, что комендант всегда резко возражала против «незапланированных мероприятий». Так она называла дни рождения, проводы в армию и другие события человеческой жизни.

Нина Алексеевна рассказала коменданту о просьбе девчат, та выслушала Харчевникову, подумала и отказала: «Не положено». — И добавила, покачивая головой: «Только согласи, и тогда... А если что случится? Кому отвечать?...»

Сейчас, когда это событие давно позади, можно выдать «тайну»: Нина Алексеевна все-таки на свой страх и риск разрешила ребятам провести свадьбу в общежитии в тот день, когда комендант не было на службе. И ничего — кроме свадьбы! — не случилось. Пришли друзья невесты и жениха, и, хотя их было немного, веселье было через край. И были тосты, и «горько», и поцелуй, и все, что положено по свадебному обряду.

И, конечно, нет ничего удивительного в том, что Галя и Николай хотя и живут уже вполне самостоятельно, но нет-нет да и зайдут в свой бывший дом — общежитие, чтобы поговорить с Ниной Алексеевной. Так и должно быть: воспитатель для молодых рабочих — настоящий и верный старший друг.

Удивительно другое: шло время, сменялись коменданты и воспитатели, а порядок в общежитиях комбината оставался неизменным. Захочет комендант — разрешит пригласить друзей на день рождения. Не захочет — не разрешит.

— Прямо тоска какая-то в наших общежитиях, — говорит Галя Мирошникова — одна из лучших аппаратчиц комбината. — Живу и здесь не один год и все под запретом. На днях парень в армию уходил, так прощались с ним «подпольно». Вахтер добрый дежурил — пропустил меня и подруг. А если бы другой на вахте стоял, только изругал бы всячески. Будто мы преступники какие...

Коменданты общежитий уверены в своей правоте: «Надо по всей строгости действовать. Когда два назад разрешили день рождения справить, так драка случилась. Разве это хорошо?»

3. ГОСТИ В СВОЕМ ДОМЕ

Сергей СМОРОДКИН,
специальный корреспондент «Смены».

Нет, без строгости порядка не будет. Кому не нравиться — не держим. Пусть идут на частные квартиры...»

Итак, две точки зрения. Молодых рабочих сконнывает и порой просто унижает установленный порядок. А коменданты общежитий убеждены в необходимости такого порядка и действуют как будто даже в интересах ребят: хотят создать спокойную обстановку для жизни и отдыха.

Достижение оптимального соотношения между административной регламентацией жизни в общежитии и самостоятельностью юношей и девушек — проблема не такая простая, как кажется на первый взгляд. Около десяти тысяч молодых рабочих — почти каждый третий — живут в общежитиях Калуги. Большинство из них приехало в город из села. Там у них остались родители и друзья, учителя и наставники... Знакомое с детства окружение — немаловажный фактор в развитии и становлении личности.

Социологи, специально занимавшиеся изучением «механизма поведения» молодых людей в условиях села и крупного города, установили, что механизм этот существенно различен. В незнакомом большом городе, куда приезжает работать или учиться молодой человек, его совсем или почти совсем никто не знает, тогда как в селе, «дома» он был у всех на виду с малых лет. Нередко бывает, что у молодого человека еще не выработалось чувство подконтрольности самому себе, он не стал еще носителем общественных требований и общественных идеалов. Поэтому, по словам видного социолога профессора А. Харчева, он «воспринимает анонимность отношений в городах как вседозволенность». Эту «вседозволенность» он и приносит с собой, в частности, в общежития. И вот тут-то воспитатели, комитеты комсомола, советы общежитий, администрация цехов и предприятий должны помочь юношам и девушкам приспособиться к непривычной и новой для них жизни, суметь привить молодым рабочим высокую культуру поведения. Работа эта нелегкая, результаты видны не сразу. Искусство воспитания — труднейшее искусство, потому что в каждом конкретном случае нужно безошибочно найти единственное решение, учитывающее психологию человека, его характер, обстоятельства и многое другое. Но как,

к примеру, решают эту же проблему в других рабочих общежитиях? Запрет на «дни рождения» у соседней комбината синтетических душистых веществ — на Калужском турбинном заводе — не действует. Там пошли по другому пути: «Если мы доверили ребятам прекрасные новые здания, если в цехах мы доверяем им станки и другое ценное, а подчас уникальное оборудование, почему мы не можем им доверить самостоятельно провести свой праздник?» Почти тысяча молодых рабочих живут в общежитиях турбинного завода, и никто им не запрещает приглашать друзей. Наоборот, выделены самые светлые, большие и лучше обставленные комнаты для приема гостей.

Токарь Федор Васильченко закончил школу рабочей молодежи, получил аттестат зрелости и захотел пригласить ребят, с которыми вместе учился, преподавателей, друзей из цеха. За несколько дней он предупредил коменданта, что ждет гостей. Ребята из совета общежития помогли Федору оформить комнату шутивыми плакатами, вместе с ним сочинили забавные частушки, договорились с балетистом, который тоже живет в общежитии, чтобы он поиграл на «выпускном вечере» Федора Васильченко.

Вечер прошел весело, непринужденно, запомнился и гостям и хозяевам.

— Мне кажется, что в наших гостевых комнатах — особый микроклимат, — рассказывает воспитатель Валентина Петровна Беликова. — Подчеркнутая чистота, красивая посуда, свежие цветы — все это не может не действовать на ребят. Веселятся юноши и девушки от души, а вот никаких ЧП не случается. Хотя, скажу по правде, сначала мы тоже опасались: как бы чего не вышло. Теперь за своих ребят мы спокойны, а вот гости могут прийти разные. Но все равно лучше доверие, чем окрик или запрет...

Дело, наверное, не в особом микроклимате гостевых комнат, а в самом микроклимате общежитий турбинного завода. Как и на комбинате синтетических душистых веществ, в общежитиях турбинистов живут в основном ребята из села. И проблемы, стоящие перед комитетами комсомола, воспитателями и администрацией, сходные. Вот несколько отрывков из рабочего дневника воспитателя общежития № 8 турбинного завода Валентины Петровны Беликовой. Ведет она его не первый год. Ведет для себя, стараясь проанализировать свою работу. По просьбе Валентины Петровны, фамилии ребят, упомянутые в этих отрывках, не привожу.

20 марта. Все эти дни приходила в цех, где работают трое моих ребят: Валентин К., Николай А., Виктор Д. Смотрю, как они работают, и стараюсь понять, почему так некультурно ведут себя в общежитии. Валентин флегматичен, рабочее место грязное, сам одет неряшливо. Николай старается работать получше, это заметно. Но у него не все получается, и он сердится. Наверное, поэтому с товарищами по работе несдержан, а иногда и просто груб. Виктор работает весело, но под настроение. То все горит в руках, то еле-еле двигается. Беседовала с комсоргом, с начальником цеха о ребятах, рассказала об их поведении в общежитии. Решили откровенно и вместе с тем дружески поговорить с ними на ближайшем общецеховом собрании.

3 апреля. С ребятами из культурно-массового сектора выясняли, какие спектакли хотели бы посмотреть в театре драмы наши по-

вички. Многие встретили предложение пойти в театр откровенно скептически, отговариваясь тем, что в театре скучно. Причем некоторые были в театре всего раз или два, а кое-кто и вообще ни разу. Попутно выясняли, кто чем интересуется. На первом месте телевизор, потом игра в карты и домино. Любят встречаться с друзьями, предпочитают общаться с ребятами из своего села или района. А ведь ехали в город, «чтобы интересно жить», и... проводят время за домино.

17 апреля. Новички все, как один, вышли на воскресник. Работали старательно. К 30-летию Победы посадили цветы, разбили клумбы. Вечером был КВН «А ну-ка, парни!». Наши ребята, на мой взгляд, выступили интересно, ответы давали правильные: и умные и остроумные. Команда заняла 1-е место. Нетрезвыми на вечер пришли Г. и П. Не шумели, но девушки их сторонились. Надо зайти к ребятам, выяснить, что случилось... Раньше за ними такого не водилось.

23 апреля. Трое друзей, которых я наблюдала в цехе, — Валентин, Николай и Виктор — приняли активное участие в рейде по борьбе с шумом. Даже немного неожиданно для меня. Оказывается, Валентин уже начал готовиться к экзаменам в техникум, а магнитофоны в соседних комнатах ему мешают. Ну, конечно, Николай и Виктор его поддерживали. А ведь я помню, как Николай бродил по этажам с транзистором в руках, включенным на полную мощность. В цехе у них тоже дела немного получше. Норму перевыполняют. Написала родителям ребят письма, в которых похвалила их...

30 апреля. За последнюю неделю нарушений не было. Только обрадовалась и — как нарочно: П. опоздал на работу, А. опять прогулял. Для П. — первый случай. А вот с А. надо поговорить на бытовом совете. Пригласим начальника цеха, комсорга и наставников. К разговору надо хорошо подготовиться, выяснить настоящие причины нарушений, потолковать с товарищами ребят...

Даже несколько коротких записей из рабочего дневника ясно показывают, сколь сложны и многогранны задачи, стоящие перед воспитателями. Порядок в общежитии, организация досуга, вся психологическая атмосфера, господствующая в нем, должны помочь молодому человеку в самовоспитании и в самоконтроле, в культурном росте и т. д.

Мало поселить рабочих в современное, сверкающее большими окнами здание, в котором есть все удобства для жизни и отдыха. Нужно, чтобы жизнь в этом доме всячески способствовала гражданскому взрослению юноши или девушки. И тут на первый план выступают воспитатель, комитет комсомола, совет общежития. Попытка подменить их административным нажимом не приводит ни к чему.

В Туле оружейный завод около года назад построил прекрасное общежитие для молодых рабочих. Была закуплена удобная мягкая мебель и в тон к ней шторы; холодильники и телевизоры; спортивный инвентарь и книги. Не позаботились только об одном: подобрать квалифицированных воспитателей. Пенсионеры, пришедшие работать в это общежитие, в основном беспокоились о том, чтобы им вовремя сдавали ключи от холлов, где стоят телевизоры, да исполняли функции санитарных надзирателей, проверяя чистоту в комнатах. За малейшее нарушение ребятам грозили выселением. Не раз проводились собрания, на которых устраивались разносы нарушителей. На одно из них случайно попал. Начальник ЖКО завода, не очень стеснялся в выражениях, кричал: «Воспитывать вас не будем! Выселять вас будем!» Ребята из совета общежития пытались робко возражать, хотели рассказать о нерешенных вопросах: не работают ни буфет, ни столовая; нужна помощь в сооружении рядом с общежитием спортивной площадки; неудобно время работы камеры хранения...

— Никакие советы общежития нам не нужны, — перебил начальник ЖКО. — Мы здесь хозяева...

— А мы тогда кто же? — спросил рабочий парень, член совета общежития. — Выходит, гости в своем доме... Так, что ли?

И опять вспоминается общежитие турбинного завода в Калуге. Здесь совет — полномочный хозяин в своем доме. Вся работа направляет комитет комсомола завода совместно с руководителями общежития.

Каждый месяц составляется план работы. В нем учитываются пожелания жильцов. Так что никто не в обиде. Для всех находится интересное занятие: для любителей потанцевать и туристов, спортсменов и самодеятельных художни-

ков, фотолюбителей и музыкантов... В один из обычных воскресных дней можно было принять участие в конкурсе «Песня военных лет» и пойти в однодневный туристский поход, поспорить на персональной выставке художника-любителя Владимира Ковалева, который живет в этом общежитии, и послушать лекцию о международном положении, сопровождающуюся показом документальных лент из жизни молодежи за рубежом. Не забывали и о насущных делах: электрики и слесари в этот день продолжали совершенствовать сушилки и систему вентиляции в них. И все это организовал совет общежития под руководством своего энергичного и бесценного председателя Виктора Барсукова, который к тому же секретарь комсомольской организации в своем цехе и член комитета комсомола завода. У Виктора и его товарищей интересные планы по дальнейшей организации всей жизни и работы в общежитиях. Тут и устройство современных радиопультов в каждом здании; и соединение двух общежитий стеклянным переходом; и организация постоянного консультативного пункта для тех, кто учиться, и многое другое.

— Как известно, лучше — враг хорошего, — улыбается Виктор Барсуков. — Мы хотим жить в своем доме с каждым днем лучше, интереснее, содержательнее. И кажется мне, что зависит это во многом от нас самих...

Да, от совета общежития, от самих ребят зависит многое. Но и от комитета комсомола, который всегда держит руку на пульсе жизни в общежитии, тоже немало зависит. От руководителей завода, которые постоянно приходят к ребятам в общежитие, чтобы потолковать о насущных проблемах, тоже зависит многое. И, наверное, даже от такой «мелочи», о которой вскользь упомянул Виктор Барсуков: «Активисты общежития по представлению совета и комитета комсомола не раз награждались грамотами и премировались», — тоже кое-что зависит.

А в тот же самый выходной день совет общежития комбината синтетических душистых веществ мог предложить жильцам только вечер отдыха. Проще сказать, танцы под радио, которые успехом, надо признать, не пользуются. План работы составляется сразу на несколько месяцев и рассчитан не на конкретного Ивана или Петрова, а на усредненную «отдыхающую после работы единицу». Из месяца в месяц, из плана в план переходят дежурные мероприятия: лекция, вечер отдыха, беседа, культурный поход. Почему-то именно в воскресенье в читальном зале — выходной. Специальной комнаты, где могли бы заниматься те, кто учится в школах, техникумах и институтах, во всем общежитии не нашлось. Нет близости и спортивной площадки.

— В субботу и воскресенье, — рассказывают девушки, — не знаем, куда деваться от скуки. Прямо сонное царство. И отдыхать в своем общежитии не хочется.

Наверное, поэтому юноши и девушки стремятся из общежития, где у них только «койко-место», уехать в пятницу домой, несмотря на то, что до «дома» того не один час езды на электричке или автобусе, а потом еще многим и на попутных машинах надо добираться...

Комитет комсомола комбината знает, как весело и неутоливо живут молодые рабочие в общежитиях. Знает... и ничего не предпринимает. Секретарь комитета комсомола даже оправдывает собственную бездеятельность. «В общежитиях есть воспитатели, — рассуждает А. Федотов, — они и обязаны наладить дело».

Как же так равнодушно можно говорить о шестистах молодых рабочих, живущих в общежитиях, об их нуждах и проблемах?

Странную, мягко выражаясь, позицию занял заводской комитет профсоюза. Отвечая на постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных условий и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих, проживающих в общежитиях», завком провел очередное заседание комиссии по борьбе с пьянством в общежитиях, предупредил нескольких человек и этим ограничился.

— Нам известно, что у молодых рабочих есть претензии к дому, в котором они живут, — говорит председатель завкома Алевтина Алексеевна Хромушкина, — да вот все как-то руки не доходят...

Не доходят руки, чтобы наладить работу единственного на два общежития буфета, оборудовать комнаты быта, расширить сушилки, выделить комнаты для учебных занятий, — по меньшей мере не очень серьезное заявление.

А ведь за положительным опытом-то и ехать за тридевять земель не надо. Рядом, через не-

сколько улиц, — общежитие турбинного завода, занявшее первое место в смотре-конкурсе рабочих общежитий Калуги, и, конечно же, в организации работы здесь много можно поучиться. Надо только, чтобы городской комитет комсомола совместно с городским советом профессиональных союзов организовал регулярный обмен опытом работников общежитий. В свое время в Калуге работал «Совет воспитателей рабочих общежитий», но за последнее время он распался, а ведь именно такой координирующий и методический центр мог бы во многом помочь как воспитателям общежитий, так и комитетам комсомола в решении конкретных проблем.

«Живем и зачастую не знаем, как работают другие общежития, — в один голос говорили комеданты, и воспитатели, и председатели советов общежитий. — Литературы методической, которая могла бы нам помочь, почти нет, а специально воспитателей рабочих общежитий ведь нигде не готовят. Так что каждый как бы действует на свой страх и риск».

Все это верно. Действительно, почти нет методической литературы в помощь воспитателям общежитий, и этот справедливый упрек надо в первую очередь адресовать молодежным и профсоюзным издательствам страны. Толковые методические разработки, рассказы об интересном опыте работы стали бы немалым подспорьем для воспитателей, для советов общежитий и комитетов комсомола.

Пока ни в одном педагогическом институте страны, ни в одной профсоюзной школе воспитателей общежитий специально не готовят, а создать в вузах такие отделения, а быть может, даже и факультеты нам кажется необходимо.

Если посмотреть личные дела калужских воспитателей, то выяснится, что людей со специальным высшим образованием среди них немного. Из двадцати пяти взятых наугад личных дел запись «высшее педагогическое» оказалась только у семи человек. В остальных случаях на должности воспитателей в рабочих общежитиях были приняты повар, зоотехник, секретарь-машинистка и т. д. Квалифицированные воспитатели неохотно идут работать в общежития как из-за невысокой зарплаты, так и в значительной степени из-за того, что требования к ним в большинстве своем ориентированы на специалистов. От них требуют меньшей отдачи, чем они бы могли дать, и зачастую вся «работа» сводится к отбыванию положенных часов. За короткое время в рабочих общежитиях Калуги, Тулы, Новокузнецка и некоторых других городов состав воспитателей обновился наполовину. Это тревожные факты. О какой работе может идти речь, если налицо явная «воспитательская чехарда»?

На Калужском турбинном заводе смогли подобрать постоянных воспитателей, зачислив их на должности... инженеров. Это, конечно же, не выход из положения. Вопросы оплаты нелегкого, но крайне нужного и благородного труда воспитателей, как и вопросы их профессиональной подготовки, требуют неотложного решения.

Сегодня в общежитиях страны живут почти девять миллионов молодых рабочих. Чем станет для них этот дом: «гостиницей», где есть положение койка и постельные принадлежности, выданные завхозом, или подлинной школой жизни, школой воспитания, школой культуры?

Ответ на этот вопрос в огромной степени зависит от того, как комитеты комсомола, воспитатели и советы общежитий сумеют наладить и организовать быт и досуг юношей и девушек. Душа всей жизни в этом огромном девятиэтажном доме — воспитатели и советы общежитий. Заменить в какой-то степени родителей, семью, школьных друзей и педагогов смогут только образованные люди, овладевшие широкими знаниями, в том числе по психологии, социологии, эстетике, и умеющие применить эти знания при «неформальном общении». Подобрать таких людей — общая задача комсомольских комитетов, администрации предприятий, советов и комитетов профсоюзов. В молодежные общежития должны прийти люди высокой культуры, щедрого сердца и того неуловимого таланта, который зовется «талантом быть человеком».

И сколько бы сил и средств ни было затрачено на организацию интересной, полноценной жизни в общежитиях, на подбор воспитателей и членов советов общежитий, все усилится и затраты через короткое время окупятся во сто крат, дадут не только моральный, но и осязаемый материальный эффект. Ведь оттого, насколько прочны гражданские устои молодых рабочих, разнообразны их интересы, высока культура и нравственность, зависят в конечном итоге результаты их труда на производстве.

Самолет был еще в своем коридоре, когда все это началось. «Отказал двигатель, идем на аварийную посадку», — передали с борта ТУ-154. Ему предложили садиться во Внукове, предварительно отработав сколько можно горючего, чтобы уменьшить силу вероятного взрыва. «Центральная» приняла сигнал тревоги почти одновременно с диспетчерской аэропорта. Через сорок секунд последняя из названных дежурных машин вырвалась из гаража.

По графику руководителем резервного штаба пожаротушения был подполковник Николай Александрович Сорокин. 29 лет службы в пожарных частях столицы приучили его к спокойной сосредоточенности и умению не терять хладнокровия в самых сложных ситуациях. Затягиваясь в боевку, он отдавал необходимые распоряжения... Колонну он возглавил у выхода из города.

И пока пожарная команда аэродрома обрабатывала резервную дорожку пеной, готовя для самолета «подушку» почти километровой длины, к Внукову мчались из близлежащих районов Москвы десятки красных машин. Миновав ворота аэропорта, в точности следуя заранее продуманной схеме, они описали полукруг и выстроились вдоль бетонной полосы. Никто не может предугадать, где коснутся земли шасси терпящего бедствие самолета, поэтому его ждут в любой точке, чтобы первая помощь была оказана мгновенно.

Отдельная группа разместилась метрах в пятистах от штаба пожаротушения. Пламя может перекинуться на постройки, лес, машины, оборудование — для этого существует резерв, готовый ликвидировать загорание любого другого объекта. Таковы необходимые меры предосторожности.

Еще нужно было протянуть триста метров магистральной линии водопровода от водоема до полосы. Триста метров — это 15 рукавов, змеящихся через высокую ограду и площадку, забитую железным хламом, крыши мастерских и путаницу складских строений. Триста метров основной магистрали и примерно столько же резервной. Тянули линии ребята первой из прибывших команд, которой руководил офицер Николай Дмитриевич Лапов. Они уложились в три минуты и не забыли даже о мостках через рукава, хотя о них можно было забыть: речь-то шла о несравненно более важных вещах. Лапов успел все проверить самолично, хотя мог оставаться на своем месте командира, потому что доверял тем, с кем каждый день шел в огонь. Не мог не доверять, без этого немислима его работа. Проверил же потому, что было время. А еще через три минуты времени не стало. Самолет уже катился прямо на Лапова и его ребят, волоча за собой неестественно серый хвост дыма.

Он еще не успел остановиться, а несколько пенных стволов ударили ему в нос, отрезая пламя от кабины. Развернувшись на ходу, заработал главный калибр — мощная пушка пеноподающей машины. Тем временем подтянулись остальные и, блокировав ТУ-154 со всех сторон, начали обрабатывать накалившиеся плоскости и двигатели.

Теперь во что бы то ни стало надо проникнуть в самолет и эвакуировать пассажиров: в салоне с каждым мгновением все тяжелее дышать. Нагото-

ДЕЛО РЕШАЛИ СЕКУНДЫ.

Репортаж об интересном

ЧЕТЬ ВРЕ МИНУТ

ОГОНЬ БЛОКИРОВАН.

ОТТЫ РИСКА

ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЭВАКУАЦИИ

ПОСЛЕ «БОЯ» НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ

ве «Скорая», врачи, санитары. Все зависит от тех, кто идут в самолет первыми. В жарооталкивающих серебристых костюмах они кажутся пришельцами из другого мира. Если точнее — они идут в другой мир, еще точнее — в риск, в непредвиденность, в бесконечную опасность. Только после того, как все кончилось, я записал фамилии этих четверых: Владимир Новиков, Евгений Ястребов, Григорий Тимошенко, Владимир Толчеев. Но тогда мы еще не знали, чем закончится их прорыв, тогда они еще только шли к переднему люку самолета.

Но прежде они попробовали открыть дверь в пассажирский салон, которую заклинило при посадке, снаружи. Не получилось. Теперь надо попробовать изнутри. У тех четверых были с собой необходимые для этого инструменты, телефон, чтобы связаться со штабом, за плечами у каждого кислородный баллон. В спину им били струи пены, не давая перегреться костюмам.

Втянув за собой рукав, Ястребов первым исчез в проеме люка. За ним — Новиков с телефоном, остальные. Мы ждали... Наконец Сорокин услышал голос Ястребова: «В салоне дым, пламени нет, нашли дверь, начали работу». Глухие удары и скрежет, раздавшиеся изнутри салона, подтверждали его доклад. Дверь распахнулась, выпустив наружу черный, спрессованный ограниченным пространством дым. Через мгновение по аварийному трапу съехал вниз первый спасенный. Потом второй, третий. Пока Ястребов и Новиков «проводжали» пассажиров первого салона, Тимошенко и Толчеев открыли запасной люк над левой плоскостью и, подав вниз концы веревок, начали спускать остальных пассажиров.

В салоне уже работали те, кто пришел в составе второй группы. Ликвидированы очаги пожара, перекрыты пути проникновения пламени в топливные баки, медленно, будто не желая отпускать добычу, дым уходит от спасенной машины в поле, провожаемый хлопьями пены. Когда, казалось, уже все кончено, неподалеку от нас вспыхнуло небольшое деревянное строение. Вот и понадобилась та самая, резервная группа, стоявшая наготове. Прежде, чем руководитель ликвидировать новый очаг, машины сделали бросок через поле, и три тугих белых струн скрестились на горячей крыше строения, подавив пламя, так и не успевшее набрать силы. Это был пустяк по сравнению с тем, что сделали пожарные у самолета, лишь отзвук настоящего боя.

Спасенным мерила пульс врач Галина Владимировна Неводчикова. «В норме, — констатировала она, помоему, уже в двадцатый раз. — Дыхание тоже». «Пассажиры» построились в шеренгу по три и следом за старшим сержантом бодро зашагали к автобусу. Это были товарищи тех, что сегодня шел с ним на выручку через огонь. Таково было условие учений. Если они и рисковали, то в самой незначительной степени: два запасных люка могли быть открыты по первому сигналу настоящей опасности. В том случае, если спасатели не уложатся в четыре минуты. Они уложились.

— Это были совместные учения подразделения пожарной охраны столицы и аварийно-спасательной службы аэропорта. Тщательно продуманная система взаимодействия всех необходимых служб показала свою надежность. Люди и техника готовы в любую минуту прийти на помощь пассажирам и экипажу самолета, попавшего в аварийную ситуацию. Она не возникла, но тем, кому это положено, обязаны ее предусматривать. Такая у них работа.

ВСЛЕПУЮ МЧАТСЯ В ЗАВТРА...

Владислав ХОРХОРДИН

...Никак не вспомню, как он называется, этот расплывающийся на белые волокна след сверхзвукового самолета, ослепительно-белой линией... Вот он и растаял, этот след, проживший так немного на границе между жуткой, черной пустотой вселенной и хрупким пузырьком земной атмосферы, в которой, будто в шарике-батискафе, живу я, человек...

...Спускаюсь по трапу, переброшенному с борта катера на берег Москвы-реки, и вслушиваюсь потом в ритмично заглушающие вздохи воли, вначале бурно, а затем все более устало и лениво, будто нехотя, накатывающихся на гранит набережной.

В такие минуты невольно думаешь что-то вроде: «Вот так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова...»

Неужели же действительно вот так? Бесследно растаяв, как след реактивного самолета, стихнув, как волны, уставшие биться о гранит?

Невольно задумываешься о времени, о будущем, о том, что ждет всех нас впереди, «там», как говорится, «за горизонтом»...

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Сначала придется убить всех собак и кошек: они слишком много едят... Затем под угрозой наказания будет введена обязательная вегетарианская пятница. Каждого, кто вздумает в этот день съесть бифштекс или сосиску, бросят в тюрьму. Потом настанет черед строжайшего рационирования питания для детей. И, наконец, в силу вступит закон поля боя: если врач не может оказать помощь всем раненым, он заботится только о тех, у кого есть шансы выжить. Обреченных на смерть оставят на произвол судьбы. В соответствии с этим законом во власть годной смерти будут отданы целые народы.

Так повествует о будущем, ожидающем человечество, журнал «Штерн» (ноябрь 1974 года).

Американский писатель Гарри Гаррисон видит Нью-Йорк в 2022 году грандиозным, перенаселенным, грязным муравейником, в котором теснятся замученные, усталые и очень похожие друг на друга люди. Питаются они зелеными лепешками «сойлента», которые, по официальной версии, изготавливаются из океанских водорослей. Но одному предприимчивому полицейскому инспектору удается, спрятавшись в машине, вывозящей трупы людей, проникнуть на фабрику этих лепешек. И ему открывается жуткая тайна «сойлента» — их изготавливают из человечины: уже давно нигде не осталось ни единой водоросли, все съедено неудержимо расплодившимся человечеством. Не в меру любознательного полицейского убивает агент, нанятый губернатором Нью-Йорка (он получает чудовищные взятки от владельцев фабрики по производству «сойлента»).

Эта книга пользовалась таким успехом, что по ней был снят фильм, который триумфально прокатился по экранам многих стран мира.

Массовым тиражом в последнее время публикуются и переиздаются на Западе книги всякого рода предсказателей будущего, спиритов-теософов, цитируемых впоследствии от Калиostro до Распутина. В библиографическом списке, помещенном в недавно попавшейся мне на глаза книге Коллина Уилсона «Оккультные науки» (Нью-Йорк, «Рэндомхаус», 1971 год), фигурируют такие «труды», как «Магия: теория и практика», «Колдовство сегодня», «Энциклопедия оккульт-

Статья первая.

Тревожное, мрачное, давящее слово. Иссушающее души сотен миллионов людей. Пугающее слово «кризис».

Экономический спад. Безработица. Сломанные судьбы.

В завтрашний день не верят не только мелкий лавочник или утративший все надежды найти работу вчерашний шахтер.

Страшный этот недуг валит с ног целые государства.

Безверие, отчаяние, потеря перспектив, отсутствие верного политического компаса — вирусы эти в равной мере поразили как обывателя, так и теоретиков западного образа жизни. Потому мы так и назвали — «Мир без будущего» — цикл статей, начинаемый в этом номере.

У нас есть что противопоставить пессимизму, возведенному в абсолют. «Наша философия мира — это философия исторического оптимизма», — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Мы знаем, к чему стремимся, ради чего живем. И мы придем к своей цели.

ных наук»... Целых шесть страниц убористого текста. Сам автор особое предпочтение отдает средневековому магу и алхимику Нострадамусу и некоему Эдгару Кейси.

«Подобно великому властелину анголмов, В седьмом месяце 1999 года Великий властитель ужаса сойдет с небес, И Марс вступит на трон» —

так звучат строки из предсказаний Нострадамуса, которые заставляют шевелиться от ужаса шевелюру автора. И он растолковывает невеждам, что «анголмы» — это анаграмма от слова «монголы» (под «властелином монголов» подразумевается Чингисхан), а «сходящий с небес властитель ужаса» — водородная бомба.

Другой предсказатель, также исторгающий у автора вопли благоговейного ужаса, — Кейси — более осторожен насчет даты. Он просто предсказывает, что мир (заметьте, весь мир!) вступит в полосу чудовищных катаклизмов в период между 1958 и 1998 годами. В это время, вещает Кейси, будет превращено в пустыню все западное побережье США, включая Лос-Анджелес и Сан-Франциско...

Все это было бы забавно (мало ли чем тешился дитя!), если бы в хор кликушствующих и одержимых не включились представители — и видимые представители! — американской научной мысли, социологи и экономисты, которым предоставляют страницы даже такие официозы, как издающийся на русском языке орган правитель-

ственного Информационного агентства США журнал «Америка», такие солидные издания, как «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и другие. Так, в качестве «серьезного исследования бурных перемен, которые сейчас нередко приводят людей в отчаяние» (я цитирую редакционную врезку), журнал «Америка» опубликовал статью известного на Западе ученого Олвина Тоффлера.

Автор ужасается сам и ужасает читателя своим грандиозным открытием: человечеству угрожает гибель от болезни, неизмеримо более страшной, чем рак. «Ни в медицинских справочниках, ни в справочниках по психотерапии пока нет описания этой болезни... Безотчетная тревога, массовые неврозы, иррациональные поступки, необузданные акты насилия — все это лишь намеки на то, что нас ожидает впереди», — пишет Тоффлер. Название болезни — «футурошок». «Можно ли жить в обществе, которое не повинуется человеку?» — трагически спрашивает он. По его убеждению, это «именно то положение, в котором мы находимся. Если бы только одна техника сорвалась с цепи, то и тогда наше положение было бы достаточно сложным. Смертельная опасность состоит, однако, в том, что и другие социальные процессы сбросили с себя узду и бешено мчатся в неизвестном направлении, отказываясь подчиняться всем нашим попыткам управлять ими... На грани нового тысячелетия и нового этапа истории мы вслепую мчимся в будущее...»

К подобным же, леденящим душу заключенным пришли и ученые из так называемого «Римского клуба» — 75 исследователей, промышленников, экономистов и педагогов, которым журнал «Америка» предоставил свои страницы. «Непомерный рост современной цивилизации может превысить рост возможностей нашей планеты если не в период жизни нынешнего поколения, то в период жизни наших детей».

Исследователи «Римского клуба» во главе с Д. Медоузом при этом особо напевают на то, что этот прогноз выдала электронно-счетная машина (подразумевается, что компьютеры не могут врать).

Итак, круг замкнулся. От гадалок до Нострадамуса, от ученых-социологов до ЭВМ — все предвещает миру грандиозную катастрофу в ближайшее время, более того, пророки утверждают, что мир уже вошел в полосу катастрофы и неминуемо движется к эпицентру потрясений, масштабы которых трудно осознать нормальному человеческому уму...

ВИДИМОСТЬ — ПОЛЬ

Запутывая факты, запугивая себя и людей, экономисты, публицисты, философы — идеологи буржуазного общества создают «апокалиптическую картину» всеобщего хаоса, грядущей гибели всего человечества, всей цивилизации. Внушаются мысли о безысходности, отчаянии, о бессмысленности борьбы за изменение существующего порядка вещей.

«Люди плывут по безграничному и бездонному морю», — так формулирует результат смятенного состояния души жителя нынешнего общества профессор политических наук Лондонского университета М. Оукшот. — Здесь нет ни гавани, ни укрытия, ни дна, чтобы бросить якорь. Все дело в том, чтобы держаться на плаву и избежать крена...» Однако как это сделать? Оукшот, как и его коллеги и единомышленники, лишенные верного компаса — научно-учения марксизма-ленинизма, не знает.

И они, подобно лисе из мудрой басни, начинают утешать себя тем, что «виноград, дескать, зелен», что раз им самим не удалось открыть истину, выход из тупика, то искать его вообще бессмысленно. Это, например, утверждают авторы многих учебных социологии, по которым обучаются студенты США, Англии и других капиталистических стран. «Социология просто не имеет решения для множества сложных проблем, связанных с общественными переменами», — пишет автор учебника «Современная социологическая наука» Бишштедт. «Общая теория изменения социальной системы на нынешнем уровне развития научного знания существовать не может», — вторит ему Т. Парсонс («Современные социологические теории»).

Таким образом, эта группа буржуазных идеологов рекомендует перестать ломать голову над проблемами, терзающими нынешний мир, поскольку все равно решения в пределах человеческих возможностей не существует. Одним словом, «не трать, кум, силы, и иди на дно».

Правда, некоторые буржуазные исследователи все-таки предлагают ряд мер, которые способны если и не полностью спасти человечество, то хотя бы смягчить удар.

Скажем, ученые из «Римского клуба» предлагают — не больше и не меньше! — «стабилизировать развитие человечества», «избрать в качестве оптимального уровня роста населения, уровня производства и т. д. — нулевой». В переводе на человеческий язык термины «нулевой рост» и «стабилизация» означают что-то вроде «Остановим прогресс!». «Покончим с научно-технической революцией!», «Будем жить тем, что у нас есть, не будем мудрствовать лукаво, в костер смутьянов-изобретателей, эйнштейнов и коперников сегодняшнего дня — от них, от умников, все зло!»

Но в XX веке это вряд ли выполнимо. Мало места в наших городах для аутодафе, и времена «луддитов», разрушителей машин, ушли в историю.

Олвин Тоффлер, автор гипотезы о страшном «футурошоке», рекомендует другое. Цитирую дословно: «Давайте создадим в каждой стране, в каждом районе демократические учредительные собрания (которые я называю «ассамблеями социального будущего»), и пусть эти собрания произведут социальный переучет, определяют свои же специфические задачи на остаток века и очередность их осуществления...» По мнению Тоффлера, на таких «ассамблеях» люди проголодают, счетные комиссии подсчитают, кто «за», кто «против», кто «воздержался», и судьбы мира

большинством голосов будут решены... Какой великоленной фантазией блеснул Тоффлер, описывая страсти-мордасти будущего, и как поблекла его фантазия, когда он попытался нащупать возможности для человека (в рамках существующего капиталистического общества) превратиться в «штурмана эволюции»...

Есть предложения еще более — как бы это выразиться помягче? — радикального, что ли, свойства...

Тот же журнал «Америка» публикует на своих страницах рекомендации исследователя Роберта Ардри, к которым, по словам редакции, «внимательно прислушиваются как несведущие, так и сведущие в этом вопросе».

Ход рассуждений Ардри прост.

«Чтобы восстановить лимит численности, животные идут на крайнюю меру — циклическое самоистребление», — пишет он. Целесообразны были, согласно исследованиям высокоученого автора, и некоторые специфические меры, к которым прибегали примитивные народы: убийство младенцев, принудительные аборты, каннибализм, человеческие жертвоприношения, ритуальные убийства и т. д.

Автор в глубине души (и не без оснований!) сомневается в практической ценности своих советов: вряд ли современный человек при всем уважении к научному авторитету Ардри прибегнет к этим методам. И в качестве одной из альтернатив Ардри предлагает — правда, с оговоркой, что это было бы «безумным» решением, — такой выход: полностью учитывая условия нашего механизированного века, использовать для уменьшения количества населения... автомобильные катастрофы(!). Представляете? Выходит на маршрут этакая «санитарная машина наоборот» и гоняется по улицам за людьми с тем, чтобы сократить род человеческий в «социально-гигиенических целях»... А чего с ним церемониться в самом деле? Ведь, по убеждению Ардри, «HOMO SAPIENS — это существо более дикое, чем заяц, более безумное, чем все лемминги, вместе взятые».

Просто диву даешься, как извращена вся система мышления буржуазных ученых, бьющихся над поисками выхода из социального, экономического и духовного кризиса, который переживает капиталистическое общество сегодня. «Нужно разработать единую программу противостояния грозящей опасности — приближающемуся краху цивилизации», — призывает видный американский обозреватель Леонард Силк в газете «Нью-Йорк таймс». Но «трудно представить, какими будут формы такой программы, кто ее организует и возглавит»...

Да полноте, господин Силк! Так ли уж на самом деле трудно? Такой ли это уж в самом деле неразрешимый «бином Ньютона», выражаясь языком известного литературного героя?

РУКОТВОРНОЕ БУДУЩЕЕ

Почти в тот же день, когда вышла в свет газета с пессимистическим прогнозом Л. Силка, в Софии началась очередная сессия стран-участниц Совета Экономической Взаимопомощи. Ни словом не упомянула о ней «Нью-Йорк таймс». «Не заметили» ее и другие органы печати западных стран. А напрасно! Потому что и на этой сессии, как и на последующих международных форумах представителей стран социалистического сотрудничества, выработывалась, между прочим, программа будущего, согласовывались планы развития стран, в которых у штурвала истории стоит народ... При прокладывании курса они основываются на объективных законах развития общества, открытых Карлом Марксом и Владимиром Ильичем Лениным и лежащих в основе деятельности нашей Коммунистической партии и других братских партий.

Может быть, задумайся над этим незадачливые «футурологи», мысль их потекла бы совсем в другом направлении...

Истину ради следует признать, что кое у кого мужества хватило хотя бы на полупризнание этой истины.

«Никто не осмеливается произнести слово, которое точно охарактеризует происходящее потрясение: кризис «системы», — так писал недавно французский еженедельник «Монд дипломатик», вполне респектабельный буржуазный орган. — А между тем именно в этом суть дела. И дальше: нужно «признать новую точку зрения на экономическое развитие, которое, наконец, послужит на пользу тем, кого оно раньше обходило. Правда, это называлось бы революцией». А английский ученый Джеффри Барраклу пришел к такому, весьма симптоматичному вы-

воду: «Мы живем в конце эпохи, которая продолжалась 50 лет, эпохи неокapиализма. Мы вступаем в период радикальных изменений... В рамках существующей системы выхода нет».

Вот именно: в рамках существующей системы; системы эксплуатации человека человеком; системы, основанной на хищническом разграблении природных ресурсов монополиями; системы, в которой главным принципом является посылка «человек человеку — волк»; системы, в которой главным законом является извлечение прибыли, погоня за чистоганом, — в рамках такой системы выхода нет.

Этот мир обречен. Симптомы конца именно этого мира — мира империализма — в страхе ощутили его идеологи, на этом страхе играют в поисках клиента всякого рода ясновидцы...

Сущность империализма, писал за год до свершения Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич Ленин, в том, что это «переходный или, вернее, умирающий капитализм». «Империализм есть канун социалистической революции».

Так что «слепота» и «глухота» буржуазных футурологов, которые «не замечают» успехов нашей страны, стран социалистического содружества в создании нового общества, их панические попытки перенести, транспонировать крах собственного «мира» на все континенты, на всю планету, в конечном счете чуть ли не на всю вселенную, — это только сознательные или бессознательные усилия, направленные на то, чтобы скрыть социально-экономические корни нынешнего кризиса «западной цивилизации», своего рода «дымовая завеса»...

Не все буржуазные футурологи, правда, открыто относят себя к лагерю «пессимистов». Но, как остроумно заметил советский ученый Э. Араб-оглы, смысл спора между учеными этого лагеря напоминает бесплодный спор на тему, пуста ли наполненная бутылка или же она наполнена полна (о теориях так называемых «оптимистов» мы поговорим в следующей статье, специально посвященной Соединенным Штатам Америки, тому, что кроется за фасадом этой самой развитой империалистической державы).

Система империализма изжила себя. Симптомы гибели проявляются в крушении колониальных и неоколониальных империй на всех континентах, в непрерывных экономических (инфляция, спад, общий кризис производства) и социальных (забастовки, например) потрясениях. В нынешнем, бурно меняющемся мире лишь одна тенденция остается неизменной — соотношение сил все больше складывается в пользу социализма...

Грозные симптомы! Они действительно предвещают гибель миру, но лишь тому, в котором: — 66 семей миллионеров и миллиардеров владеют состоянием, которое в общей сложности соответствует состоянию 60 миллионов жителей латиноамериканских стран;

— семь разбойничьих нефтяных концернов могут организовать в собственных корыстных целях грандиозный «энергетический кризис», положив в карман в восемь раз больше доходов на каждые полторы сотни литров нефти и заставив простого трудящегося — рядового налогоплательщика — страдать от холода и нехватки света;

— около десяти миллионов жителей только одной страны — США — обречены на полудицкое существование из-за безработицы;

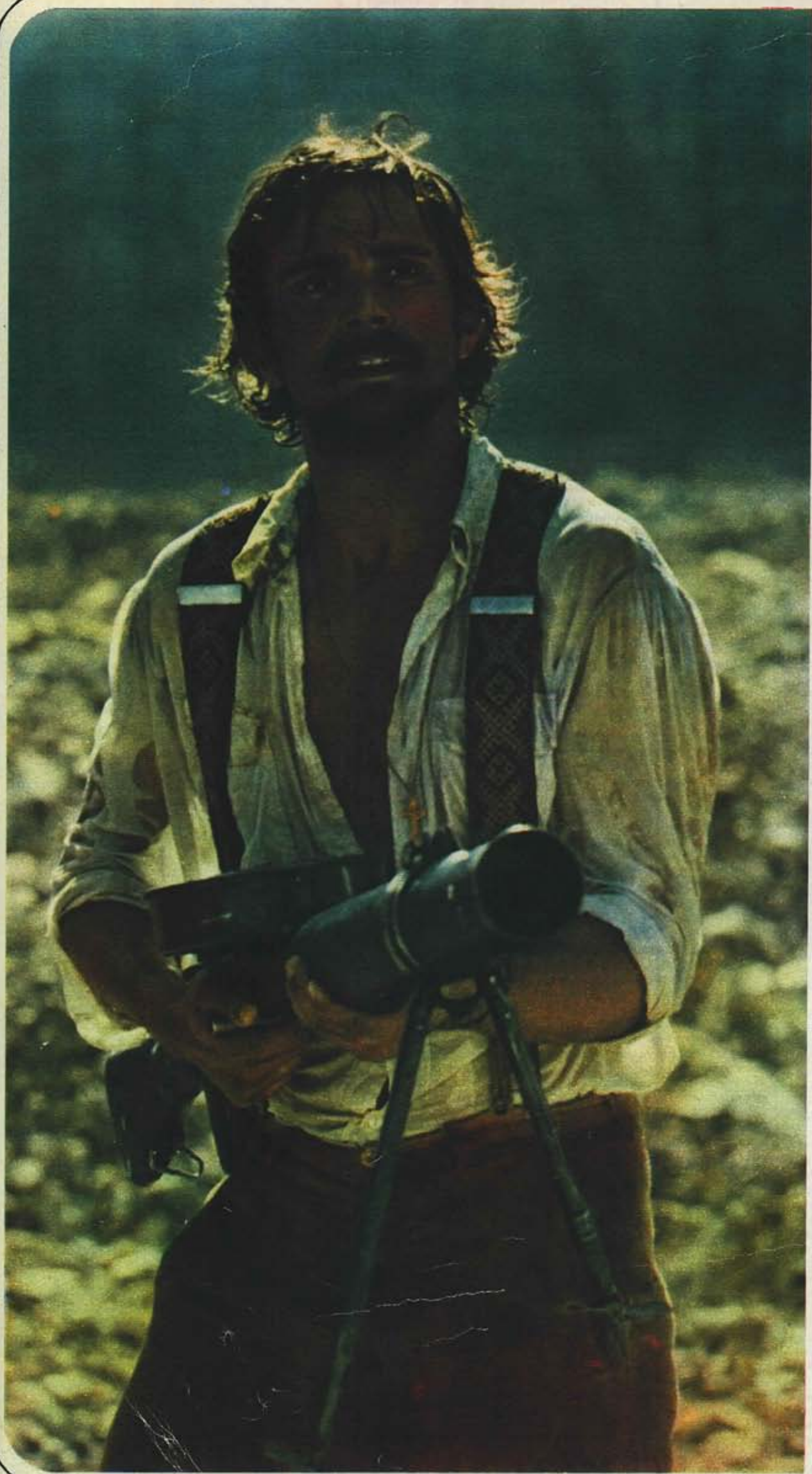
— богачи только одной страны — США — используют на удобрение газонов и лужаек для игры в гольф больше удобрений, чем все индийские крестьяне, вместе взятые;

— только в странах — членах Европейского экономического сообщества за время с 1967 по 1972 год было уничтожено 2 674 887 тонн фруктов и овощей ради сохранения высоких прибылей для монополий;

— не хватает средств для осуществления помощи бедным, на голодном пайке находится социальное и медицинское обеспечение, хиреет образование, а на военные расходы выкладываются десятки миллиардов долларов ежегодно (страны НАТО израсходовали на военные цели 132 миллиарда долларов, США запланировали на 1975 бюджетный год свыше 90 миллиардов долларов!)

Близится конец такого общества. Только это будет совсем не «конец света», как вещают теребящие рассудок от паники и отчаяния апологеты буржуазного общества.

Грядет конец IX мира. Мира социальной несправедливости. Мира эксплуатации человека человеком.

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ
МОЛОДОГО АКТЕРА
И КИНОРЕЖИССЕРА
НИКИТЫ МИХАЛКОВА

Георгий ДАНЕЛИЯ,
кинорежиссер, народный
артист РСФСР.

Фото Ивана НАЗАРОВА.

В детстве мы беззащитны. Но в беззащитности этой не только слабость, не только уязвимость. В ней есть еще и вдохновенная незащищенность детской души перед будущим, перед познанием. Фантастична скорость, с которой ребенок учится мыслить и чувствовать. Но это происходит только в том случае, когда опыт жизни приходит к нему как проявление любви, как форма добра.

ЧУВСТВУЮ ВЗГЛЯД

ДРУГА...

В детстве мы бессмертны. Мы всегда рядом с добрыми героями, которые словно бы вышли из живой воды. В каждом из них живет детская душа — бескорыстная, верная, любящая. И нет преград временных и географических, которые помешали бы нам спасти, выручить того, кому нужна помощь.

Для любого человека крайне важна связь с суверенной областью своего детства. Но особенно необходима она художнику...

*Лодку большую прадед наш
Решил построить для внуков,
Строил всю жизнь...*

Это строки из «Баллады о корабле», которые звучат в начале фильма Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Я вспоминаю эти кадры и вновь думаю о том времени, когда мы были беззащитны и бессмертны и когда даже с закрытыми глазами чувствовали взгляд друга...

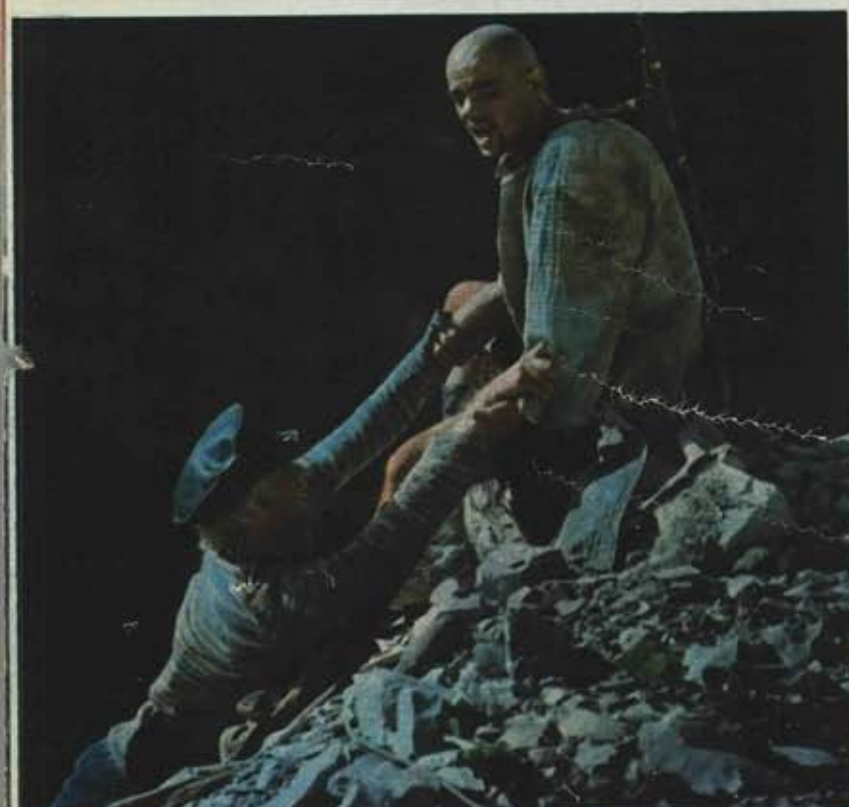
— Победа! — врывается в эту песню самозабвенно счастливый голос солдата. — Братство! Равенство! Мир!

Персонажи фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» чуть-чуть нереальны, чуть-чуть не такие, какими были или должны были быть в действительности... Потому что взгляд наш, проникая из настоящего в прошлое, проходя сквозь различные временные среды, видит все в несколько измененном, романтическом виде. Ибо взгляд этот нежный и благодарный... Вместе с авторами картины мы всматриваемся в героев, которые вышли из живой воды революции и которые давно стали бессмертными героями нашего детства.

И когда в финале обессиленный чекист Егор Шилов (артист Юрий

СЦЕНЫ ИЗ ФИЛЬМА «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ».

АТАМАН БРЫЛОВ — НИКИТА МИХАЛКОВ, ЕГОР ШИЛОВ — ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ, КАЮМ — КОНСТАНТИН РАЙКИН, ЛЕМКЕ — АЛЕКСАНДР КЛАЙДАНОВСКИЙ.

Вогатырев), который прошел тяжелый путь, чтобы вернуть похищенное врагами золото, когда он вдруг увидел впереди своих, увидел всадников с красными звездами, он лишь еле слышно прошептал: «Братцы...» Потому что крикнуть у него не хватило сил...

Он только смотрел им вслед, но они услышали! Потому что при всей своей почти сказочной неуязвимости обладали той самой незащищенностью души, когда даже с закрытыми глазами мы чувствуем взгляд друга.

В основе сюжета фильма — предательство. Чекистов предал враг, проникший в ЧК, «чужой среди своих».

Предательство. Оно, словно черная тень, бегущая по земле, словно вестник трагедии, ее пролог...

— Первое предательство я запомнил на всю жизнь, — рассказывал мне как-то Никита Михалков, — хотя встретился с ним в самом раннем детстве. Я совершил плохой поступок, и мне было очень тяжело. И я пришел со своей тайной к взрослому человеку. Но для него, взрослого, мои детские проблемы были всего лишь микропереживаниями. Он посчитал, что мой проступок настолько малозначителен, что о нем можно рассказать всем. И рассказал. Весело, с юмором... В его рассказе была даже некоторая трогательность. Но он не понял, что публично уничтожение моей тайны было для меня трагическим потрясением, не понял, что совершил предательство...

Да, в детстве мы все бессмертны. В детстве нет невозможных утрат. Но предательство — это образ смерти. И встреча с ним — это встреча с подлинной трагедией. Ведь предательство стремится уничтожить доверие и, установив дистанцию подозрительности между нами и миром, обеднить наше ощущение жизни, лишит любви...

Предательство... С его помощью зло врывается даже в детскую сказку. Я думаю о «Золушке» и понимаю, что, когда мачехины дочка пыталась напялить на свои ноги чужой башмачок, они предавали его истинную владелицу. Стараюсь обмануть принца, они хотели, чтобы он предал свою любовь, предал Золушку. И если бы это предательство удалось, принцу пришлось бы потом постоянно предавать себя, имитируя любовь, которой он не мог испытывать.

Все авторы сказок, наверное, были очень добрыми, очень справедливыми людьми, потому что в сказках измена никогда не остается безнаказанной. Думаю, что и в жизни тоже. Предательство уничтожает истинные связи между людьми. Утратив подлинность чувств, предатель обречен жить в бутафорском мире, где все непрочное, зыбкое, обманчиво, жить под вечной угрозой разоблачения...

Искусство — это всегда победа над предательством. Потому что живет оно любовью к истине.

Я познакомился с Никитой Михалковым более десяти лет назад. Мы снимали фильм «Я шагаю по Москве». И на главную роль я по рекомендации сценариста Геннадия Шпаликова пригласил Никиту.

Я опасался, что он, младший представитель знаменитой семьи, окажется капризным, избалованным. Но я ошибся. Никита был очень дисциплинированным и работоспособным. И еще было в нем обостренное чувство правды. Уверен, что это взрослое чувство вырастает из той самой детской незащищенности души...

Никита никогда не снимался

бездумно. Предлагал свои варианты, спорил со мной. Возможно, бывали даже случаи, когда он побеждал, хотя я этого не помню: такова уж наша режиссерская память. Потом я дал Никите Михалкову рекомендацию во ВГИК. Прочтя ее, Михаил Ильич Ромм сказал мне:

— Послушай, я думал, что это ты снял «Я шагаю по Москве», а оказывается, все сделал Михалков. При чем же здесь ты?

Что ж, вероятно, я написал эту рекомендацию чуть-чуть более комплиментарно, чем следовало, но я действительно очень верил в Михалкова-режиссера. И вот почему.

В творчестве вообще и в актерском в частности всегда есть элемент тайны. Свою тайну актер доверяет режиссеру. Поэтому, если тот не поймет движения души актера и при всех колыхает его остротой в тот миг, когда исполнитель творит, а значит, совершенно открыт и незащищен, он, режиссер, совершит поступок, находящийся в самом близком родстве с предательством.

Я сознательно провожу здесь аналогию с предательством, о котором рассказывал Михалков, когда взрослый «публично» уничтожил детскую тайну. Потому что природа взаимоотношений в том и в другом случае схожа.

Так вот, в Никите Михалкове есть то, что вызывает доверие, есть уважение к чужой тайне, есть понимание беспредельности и бесценности внутреннего мира другого человека. В общении с такими людьми легко быть самим собой, потому что не опасаться непонимания, скептицизма, насмешки...

Когда вышел фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих», мой 14-летний сын сказал, что лучше этого фильма он ничего не видел и никогда не увидит. О моих фильмах он, кстати, никогда так не отзывался... Мне немножко жаль, что я не могу оценить эту картину с той же категоричностью. Хотя мне тоже многое в ней понравилось. Во всем чувствуется твердая рука режиссера, его острый взгляд, энергия. Но самое привлекательное здесь — это явное ощущение того, что актеры снимались с удовольствием.

...Однажды, пытаясь рассказать о начале и финале этого фильма, я поймал себя на том, что, закрыв глаза, провел ладонью по лицу. Точно так же, как один из персонажей, когда отзвучало уже восторженное, вдохновенно-радостное: «Победа!» И когда весь мир сразу стал настоящим, цельным, не угрожающим, проникнутым любовью... В этом движении ладони по лицу была та нежная бережность, когда даже травинку с лица стараешься снять так, чтобы не смять, не повредить ее, чтобы даже этой малостью не нарушить всеобщего ощущения счастья.

Авторы фильма сумели очень точно передать это настроение. И в этом, по-моему, одно из самых больших достоинств картины.

— Победа! — срывающимся голосом кричит солдат. — Братство! Равенство! Мир!

Мгновения счастья. С них начинается лента. И ими заканчивается. Бегут, бегут к Егору Шилону его товарищи, чтобы обнять, чтобы засмеяться, чтобы заплакать...

В ткань реального действия естественно и органично вмонтированы кадры, в которых запечатлен образ счастья, кадры, в которых мы видим всех, кто боролся, дожил или не дожил он до победы. В нашем сознании эти бойцы будут жить вечно, потому что они бессмертны, потому что они вышли из живой воды революции...

Несчастливые люди не могут создать такой образ счастья. Я убежден, что все создатели этого фильма были счастливыми. Были единомышленниками, которые, переступая порог студии, с восторгом и нежностью отдавали себя своим героям.

Недавно я спросил у Никиты Михалкова, есть ли у него какая-либо система работы с актером. А услышав ответ, подумал, что не очень-то погрешил против истины, когда давал ему рекомендацию во ВГИК.

— У меня нет достаточного опыта, чтобы четкими формулами определить свой метод, — сказал Никита. — И я не уверен, сумею ли в будущем отыскать эти формулы. Но есть одна заповедь, о которой лучшие режиссеры мира говорят неустанно и которая близка мне: режиссер должен бесконечно любить актера. Это не значит, что режиссер должен постоянно гладить актера по головке. Нет. Если такая любовь существует, ее нельзя уничтожить резкостью, которая порой может возникнуть в работе. Так же, как нельзя замаскировать равнодушные к актеру ласковыми словами. Если актер не будет получать наслаждения от работы, не будет чувствовать твоей признательности, он никогда не выполнит до конца то, чего ты от него добиваешься.

Актер... Как часто он компенсирует слабость драматургии, режиссуры. Ведь именно ему быть на экране. Поэтому актер достоин самого большого уважения, почтения и любви. Актер не пленку тратит. Себя...

Когда только что был написан сценарий «Свой среди чужих, чужой среди своих», Никиту Михалкова призывали в армию. Он служил на Камчатке. Сначала на берегу, потом матросом на тральщике. Выполнив задание командования, в составе группы из четырех человек совершил 117-дневный поход по Камчатке на собаках. Никиту ничего не стоит «завести», и он с удовольствием будет рассказывать о Тихом океане и вулканах, о камчатских травах и ягодах, о медведях и птицах...

И если Никита Михалков умеет смотреть в детство из своего сегодня, то на свою Камчатку он, как мне кажется, смотрит еще и из своего детства. И когда, рассказывая о своих друзьях-моряхах, он говорит, что там, на Камчатке, во взаимоотношениях ощущаю какая-то особая трепетность, мне это слово в его устах не кажется высокопарным. Эта трепетность — атрибут все того же беззащитного и бессмертного детства...

Однажды во время съемок фильма «Я шагаю по Москве» мы с Никитой ехали в метро. И он сказал мне:

— Видите, вон ребенок? Сейчас он посмотрит на меня, а потом будет смотреть часто.

И действительно, мальчик то и дело на него поглядывал. И Никита с гордостью сказал:

— Вот! Я счастлив, что дети чувствуют, как я к ним отношусь, и что я вызываю у них интерес.

Мне кажется, что режиссер Никита Михалков постоянно ощущает на себе внимательный детский взгляд, в котором есть доверчивое ожидание любви и добра. Этот взгляд словно бы освобождает его от защитных оболочек, так мешающих творчеству. Этот детский взгляд помогает Никите Михалкову оставаться верным себе и неустанно идти к тому, чтобы каждый отснятый им кадр был уникален и неповторим, как сам художник.

Ленинский комсомол, рассматривающий пропаганду и внедрение ГТО как одну из своих важнейших задач, активно участвует в развитии массового физкультурного движения в нашей стране. Около 40 миллионов человек, среди которых 33,4 миллиона комсомольцев и молодежь, стали уже обладателями золотых или серебряных значков ГТО.

Важную роль в приобщении юношей и девушек к активным занятиям физкультурой и спортом призваны сыграть Всесоюзные соревнования по многоборью ГТО на призы газеты «Комсомольская правда». С трибуны XVII съезда ВЛКСМ была высказана уверенность, что эти состязания привлекут самые широкие слои молодежи, станут ярким праздником массового спорта. Как известно, нынешнее первенство по многоборью ГТО посвящено 30-летию Победы и является важной составной частью VI летней Спартакиады народов СССР. «Стань участником самых массовых соревнований! Будь чемпионом ГТО» — таков сегодня боевой комсомольский наказ советской молодежи. На пути к достижению этой цели мы

Занятия ведет
заслуженный мастер спорта
Александр КОЛТАНОВСКИЙ.

Как известно, у здоровых людей физическая работа вызывает такую реакцию сердца и сосудов, благодаря которой кровь поступает преимущественно в интенсивно работающие органы и мышцы. Иными словами, кровообращение осуществляется строго пропорционально потребности органов и тканей в кислороде. Следовательно, для нормальной тренировки сердечно-сосудистой системы нужны упражнения, которые могут одновременно воздействовать на большинство мышц тела, вызывая равномерное расширение всех кровеносных сосудов. Нельзя при этом забывать и о развитии жизненно необходимых качеств: силы, гибкости, расслабления, скорости и равновесия.

Как же соединить воедино выполнение этих двух задач? Казалось бы они требуют огромной по размерам и нагрузке системы тренировок. Оказывается, ничего выдумывать не надо: природа сама позаботилась о человеке, создав для него одно из самых естественных, всеохватывающих упражнений — бег. Нужно лишь правильно его использовать.

Бег воздействует на большинство мышц тела и вызывает расширение всей сосудистой системы. Вены и артерии, почти прекратившие выполнение своих функций из-за малоподвиж-

В РАНГЕ ЧЕМПИОНА МИРА

В отличие от ряда своих предшественников, обладателей мировой шахматной короны, Анатолий Карпов сдержал обещание и вскоре после получения высшего спортивного титула появился на международной арене. Первое его выступление в ранге чемпиона мира состоялось на мемориале Милана Видмара в югославских городах Порторожье и Любляна. Состав участников был весьма представительным: в числе пятнадцати соперников А. Карпова было десять международных гроссмейстеров из разных стран.

Напряженная турнирная борьба принесла убедительную победу 24-летнему советскому гроссмейстеру. Набрал 11 очков и пройдя нелегкую дистанцию без единого поражения, А. Карпов завоевал первый приз. Молодой ленинградский армейский выступил действительно по-чемпионски! И с творческой стороны игра победителя турнира заслуживает всяческой похвалы. Проиллюстрируем это несколькими запоминающимися фрагментами.

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

СТАДИОН «СМЕНЫ»

УРОК 1-й

БЕГ ТРУСЦОЙ

должны использовать все способы, чтобы вовлечь в активные занятия физкультурой и спортом тех, кто пока остается в стороне от стартов ГТО и лишь с завистью поглядывает на счастливых обладателей значка. Причины такой пассивности могут быть самыми разными: одни считают себя слишком перегруженными учебной или работой; другие живут в далеких таежных поселках (скажем, на трассе БАМа), где только начинают создаваться коллективы физкультуры; третьи из-за своей застенчивости просто не решаются прийти на стадион.

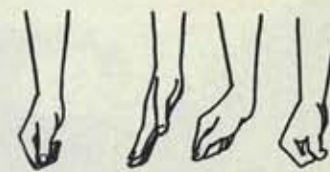
Именно этой категории молодых людей и должны уделять повышенное внимание комсомольские организации. Им в первую очередь и предназначен «Стадион «Смены», начинающий с этого номера новый цикл занятий, цель которых — открыть перед молодежью заветную дверь в мир спорта. Регулярно опытные методисты будут вести с читателями журнала своего рода заочные тренировки по бегу, прыжкам, гимнастике и другим видам физических упражнений, которые позволят

новичкам, никогда не занимавшимся спортом, развить в себе такие важные для каждого молодого человека качества, как сила, ловкость, гибкость, выносливость. А конечная цель занятий на «Стадионе «Смены» — подготовиться к сдаче норм на значок ГТО.

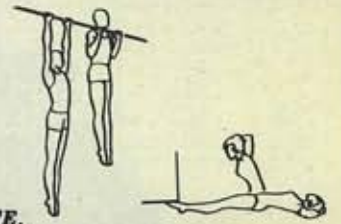
Многим юношам и девушкам «Стадион «Смены» поможет стать активными участниками традиционной Всесоюзной заочной спартакиады ударных комсомольских строев.

«Мы хотим видеть нашу молодежь не только всесторонне образованной и духовно красивой, но и здоровой, закаленной, физически крепкой» — эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева должны стать для каждого комсомольца, для всех юношей и девушек программой жизни. Хочется надеяться, что «Стадион «Смены» будет им верным помощником в этом благородном деле.

Александр СЕРЕДА,
заведующий отделом
спортивной и оборонно-массовой
работы ЦК ВЛКСМ, член
редколлегии журнала «Смена».

Правильно Неправильно
ПОЛОЖЕНИЕ КИСТИ ПРИ БЕГЕ.

ного образа жизни человека, открываются и включаются в работу. Частое расширение и сужение сосудов делает их вновь эластичными. Они постепенно растягиваются, пока их размеры не окажутся большими, чем в первоначальном, ненагруженном состоянии.

Бег трусцой отличается от других видов бега — на короткую, среднюю и длинную дистанции. Особенностью его является мягкость, непринужденность и рациональность движений.

Нога выносятся вперед активным движением бедра с расслабленной голенью и стопой. В момент касания земли группы мышц стопы не должны быть расслаблены. Нога ставится на грунт сразу на всю стопу, ближе к проекции общего центра тяжести. Длина шага — от полутора до трех ступней. Частота шагов зависит от скорости вашего передвижения, самочувствия и физической подготовленности. В оздоровительном беге важнее повышенная частота коротких шагов, так как длинный шаг требует большего расхода энергии.

Ступни ног должны быть направлены прямо вперед или слегка разведены в стороны. Сильное разворачивание носков наружу мешает бегу. Те, кто привык ходить с разведенными в стороны ногами, при беге

должны стараться ставить ступню слегка повернутой пальцами внутрь. Приземлившись на основание большого пальца, старайтесь затем перекинуть через наружное ребро ступни опуститься на пятку. Это будет способствовать правильной постановке стопы и особенно необходимо тем, у кого развивается плоскостопие.

Ваша задача — бежать медленно, экономно, постоянно сохраняя наиболее удобный ритм шагов и движений руками. Руки должны быть согнуты примерно под прямым углом, двигайтесь ими вперед-назад мягко и ритмично. Расслабленные кисти не должны заходить за среднюю линию тела.

Ритм дыхания бегуна зависит от скорости и согласуется с определенным количеством шагов. Например: 3—4 шага — вдох, 3—4 шага — выдох. В начале бега дышите обязательно через нос.

При беге в гору туловище наклоняется вперед, шаг делается короче, частота движений увеличивается, руки двигаются активнее. Во время бега под небольшой уклон увеличивается длина шага, наклон туловища заметно уменьшается.

Выберите себе трассу бега, но не считайте ее установленной раз и навсегда. Не следует прокладывать

трассу по пересеченной местности — она не годится для оздоровительных занятий. Бег надо начинать на ровном месте или под небольшой уклон, но никак не в гору.

Обычно у впервые приступающих к бегу трусцой возникает желание бежать быстро и далеко. Не стремитесь к этому. Очень важны умеренность и постепенность в увеличении нагрузки. Быстрый бег или слишком большая дистанция и чрезмерное количество общеразвивающих упражнений приведут неподготовленный организм к переутомлению. В особенности это скажется через день-два, когда появятся вялость и мышечная боль от физической нагрузки.

В первые дни все вам казалось просто, интересно и легко, но вот пришла первая «мертвая точка» — нет никакого желания двигаться. Будьте готовы к этому сопротивлению вашего организма. Пересильте себя, ведь перед вами великодушная возможность проверить свою силу воли.

Продолжительность ежедневной тренировки измеряется временем, а не расстоянием в километрах. Это одно из главных правил, которому вы всегда должны следовать.

И последнее. Выходите на занятия в любое время дня, но не раньше

чем через 2,5—3 часа после еды: для переваривания пищи вашему организму требуется до 30 процентов крови, бег вскоре после еды будет мешать нормальной физиологической деятельности.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Перед бегом трусцой проводится короткая разминка из 3—4 упражнений, заканчивающаяся быстрой ходьбой, переходящей в бег (1—2 минуты).
  2. Бег трусцой (2—3 минуты).
  3. Ходьба с упражнениями на ходьбу или без упражнений (1—2 минуты).
  4. Бег трусцой (3—5 минут).
  5. Ходьба (2—3 минуты).
  6. Бег трусцой (3—5 минут).
  7. Ходьба с замедленным, дыхательными упражнениями (2—3 минуты).
- Для мужчин:** подтягивание на руках (2—3 подхода); на следующем занятии — отжимание на руках в упоре лежа (2—3 подхода);
- Для женщин:** лежа на спине с закрепленными ступнями — поднимание и опускание туловища (2—3 подхода с промежутками между подходами 1—2 минуты; перед каждым подходом 8—10 сгибаний и разгибаний).
8. Комплекс общеразвивающих упражнений.

На этой диаграмме вы видите положение фигур, возникшее после 17-го хода черных в партии А. Карпова (у него белые) с кубинским шахматистом С. Гарсиа. На первый взгляд черным удалось сконцентрировать силы для атаки на ферзевом фланге. Белые же вроде бы только-только завершили мобилизацию. Однако дальнейшее развитие поединка показывает, что позиция длинной рокировки белых непробиваема, в то время как наступление на короткую рокировку черных довольно быстро становится эффективным.

18. h4—h5! Фа6—b7 19. h5:g6 h7:g6 20. Сс1—h6

Сg7:h6 21. Lh1:h6 Kpg8—g7 22. Ld1—h1 Фb7—b6. Почувствовав реальные угрозы своему королю, черные предпринимают попытку изолировать его от неприятельскими ладьями.

23. Kd4—e2! e7—e6 24. g2—g4 Kpg7—f8 25. Lh6—h8+ Kpf8—e7 26. Lh8:c8 Kc4—e5 27. Фd3—d1 Cd7:c8 28. g4—g5 Kf6—d7. А теперь скромный с виду маневр пешки позволяет белым выиграть качество.

29. a2—a3 Lb4:b3 30. c2:b3 Ke5:f3 31. Ke2—f4! Фb6—f2. В заключение следует изысканная жертва коня, вскрывающая подступы к черному королю.

32. Kf4:g6+! f7:g6 33. Lh1—h7+ Kpe7—d8 34. Фd1:d6 Фf2—d4 35. Фd6—e7+ и черные капитулировали.

К такой позиции пришла после 18-го хода белых партия чемпиона мира (в этой схватке у него были черные) с югославским мастером Р. Остерманом. Решение пожертвовать ради инициативы качество было и смелым и весьма дальновидным.

18. ... Ce7—g5! 19. Ch6:f8

Фd8:f8 20. Lf1—g1 Cg5—f4 21. Kd2—e4 Cf4:e5 22. Ke4—g3 Kh5—f4 23. Фе2—d2 Ce5—c7 24. Cd3—f1 Фf8—d6!

Искусно лавируя по черным полям, Карпов завоевал важную центральную пешку и подготовил почву для создания угроз на королевском фланге и пресечения встречного прорыва противника на другом участке фронта.

25. La1—e1 f7—f5! 26. Cf1—e2 Kpg8—f7 27. Le1—b1 a7—a5 28. a2—a3 h7—h5! 29. Lg1—e1 h5—h4 30. Kg3—f1 Фd6—e7! Давление черных настолько опасно — переброска ферзя на поле «g5» грозит матом! — что белые расстанутся с конем. Однако облегчить свою участь им

не удастся, ибо Карпов действует предельно четко и энергично, не оставляя партнеру ни малейшего шанса.

31. Kf1—e3 Kd7—f6 32. Ce2—d1 d4:e3 33. f2:e3 Lb8—d8! 34. Фd2—c2 Kf4—d3 35. Le1—f1 e6—e5 36. e3—e4 Ld8—d4! 37. e4:f5 g6:f5 38. b3—b4 a5:b4 39. a3. b4 c5:b4 40. Фе2—g2 e5—e4!, и белые через несколько ходов сложили оружие.

Перед вами позиция после 22-го хода черных из партии А. Карпова с одним из сильнейших зарубежных гроссмейстеров, венгром Л. Портисом. Игранный белыми чемпион мира разменом слона на коня заметно ослабил пешечную группировку про-

тивника на ферзевом фланге и умелым маневрированием получил пространственное преимущество.

23. Cd3:a6! b7:b6 24. Lf1—d1 c6—c5 25. Сс1—e3 La8—c8 26. Ka2—c3 Kb6—c4 27. Ce3—c1 Lc8—b8? Желание черных найти пути к контрапате понятно, но в данном случае оно явно несбыточно. Упорнее можно было сопротивляться в варианте, связанном с разменом ферзей: 27. ... С:c3 28. Ф:c3! Ф:c3 29. bc, хотя и пользы белым.

28. Ке3—d5! Kc4:b2 29. Сс1—f4 Фе5—e6 30. Ld1—b1 Фе6—h3 31. Cf4:b8 Le8:b8 32. Lb1:b2, и, потеряв целую ладью, черные сдались.

Не прошло и месяца с момента финиша турнира в Юрславии, как неутомимый А. Карпов, возглавив команду Ленинграда, стартовал в Риге на всесоюзных соревнованиях по программе VI летней Спартакиады народов СССР. Об этом выступлении чемпиона мира и о других интересных спартакиадных шахматных баталиях мы расскажем читателям в одном из следующих номеров «Смены».

РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНОНС

ОТ АВТОРА

В тысяча девятьсот восемнадцатом году крестьяне далекого сибирского селения Лебяжка создали Лесную Комиссию для охраны леса, для наблюдения за общественным порядком.

По существу, это был орган местного самоуправления, который затем оказался в непримиримом конфликте с белогвардейским правительством Колчака.

Это вкратце и является содержанием моего нового романа «Комиссия», который будет публиковаться полностью в журнале «Наш современник», а затем выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

В предлагаемом читателям «Смены» отрывке речь идет не столько по поводу дел общественных, сколько по поводу «человеческих» — проявляются характеры членов Комиссии, их взгляды на жизнь.

Сергей ЗАЛЫГИН, лауреат Государственной премии СССР.

Все было в нынешнем, осени одна тысяча девятьсот восемнадцатого года, небе,— все были цвета и краски, все и всякие были облачные фигуры, чье-то было почти что слышное дыхание... И поэтому там, в самой высокой высоте, разные, наверное, должны были случаться судьбы.

Не верилось Устинову, будто никого там нету, пусто в необъятном просторе, нежилой он... Не верилось, нет! Такое приволье, а пользоваться некому?! Тем более — поблизости от Земли, которая всегда ведь может одолжить туда сколько-нибудь своей жизни.

Рисунок Владислава ПРОВОТОРОВА

Конечно, не хотелось бы Устинову самому одолжаться в эту высоту — непривычно и слишком уж много дел дома, чтобы прогуливаться там безо всяких забот.

Разве только если он совсем никому на земле не будет нужен — тогда, конечно, другой разговор. Но это когда может быть? Или он состарится, мощным станет, или разучится пахать и сеять, ухаживать за землей, и земля от него откажется, шепнет ему по секрету, не громко, чтобы не обижать при всех: «Давай-ка, слышь, Устинов, отчаливай от меня куда-нибудь. С какой-то поры не получается у нас с тобой совместная жизнь!»

И Устинов отчалил...

Но это вовсе малый был шанс, вернее, совсем и не было такого, чтобы живой Устинов не сумел бы уважить землю!

А вот другое было дело: догадывался он иной раз, что слишком уж мало в небесах живого, не слышно там ничьих голосов, и от этого одиночества, от этой тоски по живой душе, по букашке-таракашке, по самой несмысленной какой-нибудь собачонке грустит весь простор небес от края до края, а в груди своей и становится он таким красивым и чистым, и наводит свою грусть на человека, если человек этот долго и молча смотрит в небо...

И то еще хорошо, что человек видит край небес, значит, чувствует он и край этой грусти, в то время, как в действительности у небес конца нету.

Конец бывает чему-нибудь живому, всему, что растет и старится, камни, говорят иные люди, и те растут и те старятся, а когда нет ничего — чему кончатся? И — где?

И вот они льются, краски от самого Солнца, к самой земле, ничем не задетые, никаким существованием, звуком или злом не потревоженные, не зная, для чего они красивы и просторны, ничего не зная, не ведая, не понимая знания.

Красная полоса налилась в этом беспределье, громадный флаг, чье-то знамя — а чье?

Полыхает пожар, что-то сгорает в нем — а что?

Разметалась над чем-то дуга темного, а местами сияющего серебра — а над чем?

Ну, голубой цвет — он для небес домашний, как ровно желтые половицы в русской избе.

Чистенько там, на тех небесных половицах, и голенькие, пузатенькие ползают по ним ползунки-облака. Ползают, а следа за ними — никакого ни на чем. Дым иногда бывал там по синему, но тоже бесследный — есть и нету, ни сажки после него, ни копоти, ни головешки, ни искорки.

Куда все там тихо, медленно ползет? Во что исходит?

Не человеческого, а совсем какого-то другого ума, опять неизвестно чьего — совершается там дело и работа, но Устинов еще и так думал: за чужим, недостижимым умом пожить тоже не худо! Вот же его хозяйским, устиновским, умом живут кони — Моркошка, Солово и Груня, кобелишка прозвищем Барин за ним живет, малые ребяташки жили и живут за ним — дети его и внучата — дети его детей... Многие прислоняются к нему, но было бы гораздо хуже, если бы Устинову прислониться уже оказалось не к чему, если бы весь белый свет сошелся на нем. Ему, Устинову, больше всех на свете сроду не было нужно. Зачем?

И без него неплохо придумано, ему бы никогда всего этого не сделать: ни Солнца, ни Земли, ни Пашни, ни птицы и прочей твари.

Делать все на свете самому, ничего не получая из чужих рук, — в этом счастье нету, в жизни должен быть дар, иначе одно только и останется ремесло, одна только мастерская и завод, в которых люди начнут строгать и печь свою жизнь день и ночь, без отдыха на обед и сон, а жить им будет совсем некогда.

Даренному коню в зубы не смотрят, а если жизнь будет только ремеслом, а даром — не будет, тогда опять-таки на день и на ночь для человека останется одно занятие: рассматривать на ней каждый зуб, каждый волосок, рассматривать и оставаться недовольным: «Почему сделано вот так, а не вот так?»

Другой вопрос — чувствовать и понимать себя приставленным к делу не твоего ума, зато — к главному. Состоя при пашне, невозможно себе представить, что кто-то к этому делу ближе, чем ты, — мужик и пахарь.

Который в городе живет человек, и в поле никогда не ночует, а все в квартире да в квартире, — разве может быть ближе?

А писарь какой-нибудь, если и живет в деревне, но пашню не пашет — разве он может быть ближе?

И не один Устинов так понимал, все мужики, когда они не совсем были загнаны в работу, когда была у них минута оглянуться вокруг себя с желанием понять, — это же самое и понимали.

Конечно, мужику много думать нельзя, удивляться, почему это сделано в мире вот так, а то — по-другому, ему некогда... Не его это дело, пускай другие удивляются, не мужики.

А все-таки!

Едва ли не всю свою жизнь Устинов угадывал: откуда в небе берется зеленое?

Ведь всякая зелень — дело земное. Зеленая трава и зеленое дерево начинаются от земли, ни от чего другого им хода нет.

Водоросль завелась в воде — это значит, она достигла корнем своим земли либо в самой воде плавают земляные пылинки, они и питают ее.

Плесень пошла по деревянной крыше — значит, крыша уже достаточно оземлилась, нанесло на нее ветром тех же пылинки, и сама она начала подгнивать, обращаться в земляной покров и прах.

Ну, а в небе-то, в высоте — откуда зелень? Зеленый является оттенок? Что он там значит? Что показывает?

Устинов думал, это показывает, будто и небо и земля идут в одной упряжке, что не так уж они далеко друг от друга, как, не подумавши, можно предположить.

По этому предмету, должно быть, кое-что знают птицы — они на земле рождаются, а в небе живут, им и то и другое — свой дом, своя местность. Они, наверное, знают, почему небо бывает зеленым. И вот иногда бывает жалко, что человек умеет только слушать птиц, а понимать — не умеет, узнать что-то от них ему не дано...

Устинову, взрослому мужику, все эти рассуждения были вроде бы и не с руки, не мальчишка, чтобы ими заниматься.

Так он ими не очень-то и занимался. Он их только вспоминал из той мальчишеской поры, когда ты на ногах уже на своих стоишь и ходишь, а верхом на коне боронить тебе еще срок не настал. Вот в ту краткую пору, Устинову помнилось, у него одна была забота: глядеть и глядеть вокруг се-

бя, догадываться, для чего существует солнышко, почему летают птицы, почему небо сверху, земля — внизу, а не наоборот.

Ну, а у взрослого мужика заботы, конечно, другие, истинные: пар сдвоить, колодец отремонтировать, новую избушку поставить. И даже странно — еще была у мужика Устинова забота: как там лебяжинская Лесная Комиссия, сокращенно ЛЛК, нынче без него?

...Забот по горло, а тут пришла-явилась еще одна. Вспомнилось ему, как словно по голове обухом: а Груня-то? Что-то в последний раз, когда он ездил с ней на мельницу, Груня припадала на левую переднюю. Он тогда же подумал: надо за Груней хорошенько проследить, как будет она в дальнейшем левой передней работать, и не появится ли в ее глазах туман, как у больной, не начнет ли у нее слишком часто вздрагивать кожа на шее и на спине? Подумать-то он так подумал, а не сделал, — то Комиссия мешала, а то уехал с Моркошкой и Соловком сюда, на пашню, и вот забыл насчет Груни беспокоиться. «Ну, и хозяин же ты, Устинов! — с сердцем упрекнул он себя. — Комиссия для тебя — дело и занятие, птицы небесные — дело и занятие, а Груня? Она тебе что?»

И озабоченный Устинов уже гнал по дороге домой, подстегивал Моркошку и Солово.

Ехал быстро и как-то пусто, не разговаривал с Баринем, который бежал по дороге рядом с телегой, не замечая дороги. Не ехал, а как бы только торопливо двигался.

На минуту только и зашел в избу, кивнул Домне, дочке Ксении, легонько шлепнул внучку-ползунка, а заниматься с ним не стал, сразу же и подался на ограду. К Груне.

Левая передняя была у нее не очень заметно, а в опухоли.

Устинов кликнул соседского парнишку, велел ему сесть верхом на Груню и взад-вперед проехать по улице. Парнишка с восторгом ездил, а Устинов глядел внимательно со стороны и увидел: Груня чуть-чуть прихрамывает.

Устинов парнишку турнул, сел верхом, сам поехал на Груне, чутко прислушиваясь к ходу. Так оно и есть — Груня припадала.

Вот какое дело...

Устинов вернулся, закинул повод на кол ограды, сел на крыльцо.

У Груни ревматизм, а выходить ее нельзя: старая уже. Потому старость и не в радость, что обратного хода никому не дает, и в старости прыщик — болезнь, ничего не зарастает, не заживает, а только вновь и вновь образуются, хотя взять морщину, хотя — седину, и ревматизм тоже. Тем более, что за Груней и всегда-то водился грех — слабовата она была на передние, не то, чтобы козинец, но и не совсем правильными были у нее ноги, с изгибом в бабках. Ну, а где тонко, там и рвется.

И это не только к Груниным передним относилось, а и по всему устиновскому хозяйству — тонковата с конями в нем оказалось дело. Без запаса.

И ведь не сегодня почуяло сердце — плохи у Груни ноги, не сегодня в первый раз спросил он у себя: а сколько еще протянет в своей старательности древний Солово? Сегодня-то он тянет, а завтра?

Будь все эти годы Устинов дома, а не на войне, он бы, конечно, обзавелся еще одним меринишкой, но оправдаться перед самим собой он тоже не мог: как вернулся весной с фронта, так и должен был насчет коней положение обдумать, а он не обдумал.

Купить коня завтра же, спешно и срочно, не так будет просто: конское поголовье все эти годы тоже в армию призывали, рабочие кони были нынче в спросе, кроме того, мужики неохотно продают любое свое добро — деньгам ведь цены нет и не скоро предвидится.

Купить годовичка или двухлетка — это проще, но риск большой: заплатить тоже надо, прокормить — надо, обучить — надо, а тем временем Груня возьмет, да и выйдет из работы окончательно! И что тогда получится? Четыре коня на ограде, а работников из них только двое. И как бы еще не один оказался, если вдруг и Солово в то же самое время впадет в инвалидность...

...Так стало худо Устинову от этих мыслей, так рассердился он на себя дурака, что взял кнут и принялась охаживать им Груню. Не себя же все-таки было ему кнутом стегать, а отстегать за такое дело кого-то надо было.

Груня начала рваться, выдирает из прясла кол, тогда Устинов одной рукой взял ее под уздцы, а другой стал добавлять ей за этот кол.

Груня негромко, коротко ржала, кожа на ней ходила ходуном, белая верхняя губа задралась, показывая желтые, сильно стертые зубы — ей попало и за эти зубы тоже.

С крыльца Устинова окликнула Домна, жена:

— Никола! Что это с тобой там?

Устинов ответил, не поворачиваясь: «Да, ничего, сейчас и приду!» И выпал Груне за этот окрик. Потом бросил кнут на землю и подумал: «Ну, а теперь — что я буду делать? Чем заниматься?»

В избу идти, рассказывать Домне насчет Груниной левой передней Устинову никак не хотелось, он потоптался-потоптался по ограде и подался в... Комиссию.

Комиссия нынче заседала в избе Панкратовых — Кирилла и Зинаиды.

В кухне раскатывала лапшу Зинаида, увозилась вся, и руки — в муке и лицо — в муке и на голове — мука.

Устинов сказал «Здрастуй», а больше ничего не сказал и даже не взглянул, чтобы увидеть, как же Зинаида-то на него посмотрела? Вошел в горницу.

Ему показалось даже хорошо здесь, привычно: вот они, члены Комиссии, сидят вокруг стола, на столе лежат разные бумаги и те огромные счета, которые принесла Зинаида от Кругловых, не спросив разрешения.

— А-а-а! — протянул Калашников, увидев Устинова. — А-а, и ты прибыл! Это хорошо!

— Прибыл вот! — отозвался Устинов. Сел на табуретку.

Сидел, молчал и думал свое: в избушку он уехал на пашню, скрылся от людей, а неделя прошла — он сам побежал к людям, слушает их... Зачем? И как это получается — и с людьми худо, одному хочется быть, и одному нельзя — нужны тебе люди, да и только! Избушка пашенная его ждет, Груня побитая ждет, с ноги на ногу переступает: «Что же теперь хозяин будет со мной делать, как поступать?». Домна, жена, удивляется: «Вышел мужик на ограду — и нет мужика, подевался ни с того ни с сего куда-то», а мужик — вот он где, будто бы от нечего делать чужие лясы слушает. И даже не слушает, а в одно ухо впускает их, через другое — выпускает. И как пьянькомому беззаботно ему... Тем временем удивленная Домна, наверное, уже отвела Груню в конюшню, Моркошке и Соловому задала корму. «Вот те на! — думает Домна. — Убежал мужик-то! Куда бы ему? Больше некуда, как в Комиссию в эту! Вот те на... Привыкать надо к тому, что мужик мой в Комиссию, в эту: бесперечь, будет бегать... Видать, надо привыкать...» А может, и еще Домна подумает: «Ладно, когда бы одна только Комиссия

на мою шею... А вот при Комиссии еще и Зинка Панкратова денно и ночью состоит — тут как бы не было чего худого?»

Потом Устинов и еще подумал: «Нет, Домна так не подумает! А за скотиной убраться ей Шурка, зять, поможет. Шурка нынче дома...»

А Зинаида сидела у окна, свет падал на нее, шарился по лицу, искал на нем тревожные морщины, испуг, смущение, неловкость какую-нибудь, но ничего этого не находил — Зинаида строгая была, как бы даже сердитая, она с Игнашкой спорила, а Устинова не замечала. Но это ненадолго. Через минуту-другую она заговорит с ним, задаст ему какой-нибудь вопрос, а тогда и выпарашит на него глаза и будет слушать его не мигая, не дыша. А зачем ему, опять-таки, ее вопросы? Все же надо их дожидаться!

— Ты вот божишься, а в бога-то веришь ли, Игнатий? — спросила вдруг Зинаида громко.

— Вот так раз! Конечно! — заверил Игнашка.

— А бог — в тебя?

— Ну, это мне уже неизвестно, Зинаида Пална! — развел Игнашка руками. — Я за господина бога не в ответе. Он и сам умный.

— Сам-то ты чувствуешь, нет ли, божью веру в тебя?

— Пожалуй што не сильно... Не слишком сильно, я полагаю.

— Почему? Почему ты этак-то полагаешь?

— Да мало ему меня видать! Другие меня от его ежеминутно заслоняют.

— Как так?

— Так! Сама подумай: вот я в церкви поставлю богу свечку — она у меня копейная, а купчина какой-то ставит — пудовую! Теперь скажи, чью свечку-то богу, отудова, с самого верху, лучше видать — мою либо купеческую? Вот так и происходит дело! Или — непонятно?

— Ну, а ежели богу до нас далеко, так он святым препоручает людей? Чтобы святые на человек глядели и наставляли бы их?

— А до святых-то, может, ишло дальше, чем до бога, Зинаида Пална! Их, может, и вовсе не было таких-то, про которых попы рассказывают!

И тут, в этот момент, Зинаида и спросила Устинова:

— А по-твоему как, Никола, бывали на свете святые или нет? Правдашние?

Устинов помолчал и даже хотел махнуть рукой, встать да и уйти. Но опять рукой не махнул, не встал и не ушел, а подумал еще немного, сказал: — Все ж таки оне были. В Библии и в других священных книгах про них многое написано. Написано с кого-то же? Не с пустого же места?

— Я вот так же думала: когда среди человечества есть великие разбойники, значит, должно быть и обратно, должны быть святые. Когда бы не так, над всеми людьми давно бы уже разбой окончательно восторжествовал и давно бы нас всех загубил. А мы — вот оне, живые, и к тому же — люди!

— Именно! — поддержал Зинаиду Калашников. — И мало того, што мы люди седни, мы даже и на завтра, и на века хотим сделать свободу, равенство и братство! То есть пойти путем кооперации, который скоро уже сто лет как объявлен в Англии, в городе Рочделе. Знаменитый, сказать, город: самое первое образовалось там потребительское общество и назначило себе устав, который обязательно пойдет и пойдет вперед, покуда все человечество не примет его за основу своего существования!

— Как бы навреде религии... — заметила Зинаида.

— Ну, хоть и навреде, а все-таки...

— А мне вот та самая Аглия даже нипочем! — отозвался Игнашка. — В ей люди что-то выдумают, а мне — к чему? Вот и солдаты идут с войны и тоже сильно ругают агличанку — говорят, кабы не она, то и мы не ввязались бы в нынешнюю войну с германцем! Тьфу — вот как я на Аглию!

— Нет, мужики, так поглядеть на разные государства все ж таки не годится! — заметил Устинов.

— Ну, а ей-то што, Англии-то, когда Игнатий против ее? — спросил Рудаев. — Ей, поди-ка, это ведь все одно? Ты плюешься, Игнашка, а ей — все одно! Плюйся, Игнатий!

Калашников тоже сказал:

— Как раз надо наоборот, Игнатий, — надо глядеть, где и как сделано разумно, и брать хотя бы и чужое разумение для собственной жизни. Иначе — нельзя. Иначе не будет человеческого движения вперед. Правда, Рудаев?

— А тут я скажу — не вовсе правда! — растопырил волосатые косматые пальцы Рудаев. — Ну, што она — твоя кооперация? Она и снаружи и снутри в синяках ходит: снаружи ее бьют богатые буржуи, и снутри в ей самой оне же заводятся и подминают рядовых членов под себя. Хотя взять и нашу довоенную Лебжинскую потребилровку и маслоделку — разве не так было?

— И так было и по-другому! — загорячился Калашников. — И вот я говорю: сколь бедняков она спасла от разорения? И помогла им? И сколь сделала среди нас, лебжинских, человеческого товарищества? Значит, то же самое: хорошее надо брать для жизни, худое — отбрасывать, и дело народа пойдет! И еще как пойдет-то!

— Верно што, мужики, — снова вступилась Зинаида, — вот же люди сделали в том в агличанском городе хотя какую-то, а правду! Может, и вы в своей Комиссии тоже сделаете ее сколь-нибудь? Так охота правды и справедливости, так охота, и жизни бы за ее не пожалела! Как бы знать, где она живет, — отнесла бы туда свою жизнь — нате, берите ее, всю, мне и взамен ничего не надо, не нуждаюсь! А то ведь как: где война и убийство, так знают все, а где правда — не знает никто! — И Зинаида взглядела в Устинова и громко так и упрямо спросила его: — Так ты кого из святых знаешь, Устинов? Чье житие? Когда ты говоришь, что оне все ж таки были на свете, святые, — кого ты из них знаешь?

— Да никого я не знаю хорошо-то... — смутился Устинов. — Никого!

— А кого-нибудь?

— Ну, вот разве про Алексея вспоминаю. Читано было как-то про божьего человека.

— Ну, вот и рассказывай, почему он из простого в божьего человека превратился?

— Отрешился от мира.

— Как отрешился-то?

— Жил в молодости у богатых родителей, в довольстве и сытости. Родители его поженили. А в ту ночь, как ему с молодой женой остаться на ложе, он взял да и ушел из дому. В нищие.

— Ой, дак он же, значит, и не любил невесту-то? И даже — ненавидел? Этак-то с ненависти только и можно сделать, с чего же больше?

— Нет, это он ради святости.

— Да какая же в том святость? Ну и не женился бы, и не давал бы невесте своего согласия, а то у ей-то в ту ночь как на душе образовалось — он не подумал! Ежели она-то его любила?

Устинов смешался, как будто и сам был в ответе за божьего человека, а Игнашка сказал строго:

— Ты слушай, Зинаида! Сама спрашиваешь и сама же ответить не даешь. Дак што там далее-то происходило, Никола? Неужто ни за што ни про што и пропала для обоих та первая ночка?

— А дальше — как? Дальше семнадцать годов пробыл Алексей в нищенстве и в скитаниях, после вернулся домой.

— Ну, а родители-то как его приняли на порог? Либо померли уже? — снова спросила Зинаида. — Семнадцать годов не сказывался, мыслимое ли дело?!

— А он им и тут не сказался, родителям. Он поселился у их в ограде, в хлевушке, как нищий, и отудова каждый день глядел на мать свою, которая по ему непрестанно убивалась, и на невесту, которая так и жила под кровом жениха своего и так же убивалась и рыдала, как ее свекровь со свекром.

— И долго ли так продолжалось? — спросила Зинаида.

— Снова семнадцать годов.

— Снова — семнадцать? — совершенно уже изумилась Зинаида. — Да оне-то, святые-то, и не стыдно им так себя вести? Мать страдает, невеста убивается, а он поглядывает на их слезы семнадцать годов, и ничего ему?!

Тут послышались шаги, открылась дверь в горницу, и Кирилл Панкратов, со стружкой в светлой бороде, сказал из кухни:

— Зинаида! — сказал он строго. — Не разувай глаза-то на чужие слова! Шти-то готовые у тебя? — Кирилл, особенно при посторонних мужиках, показывал строгость к жене, хотя и не всегда это у него получалось. А ныне даже получилось: он, должно быть, сильно был голоден, с утра раннего строгал в своей мастерской.

Устинов, помолчав, сказал:

— Ты иди, иди, Зинаида! Когда так, я и после доскажу!

— А ты не жужжи! — рассердилась вдруг Зинаида на Устинова. — Уже и голоса вдруг нету у тебя, одно только жужжание! Начал говорить — договаривай, за минуту-другую со штами ничего не сделаешь! — И Зинаида встала с табуретки, но из горницы не ушла, а плечом прислонилась к печке и сказала: — Ну?! Так я вот слушаю! — А мужу она сделала знак рукой и тоже сказала: — Сейчас, Кирилл! Сей час! Не горит же у тебя нигде?

Устинов молчал, и все в горнице тоже молчали, и тогда Зинаида еще раз обратилась к мужу:

— Ну, тогда и ты войди и дослушай тоже. Нет, ты только подумай, Киря: святой-то человек тридцать четыре года скрывался от родителей и невесты, мучал их разлукой и половину того срока жил в ихнем же доме, только не сказывался! И невеста тоже холодная какая-то была: до старости убивается по ему, а до себя самой ей и делов нету! Она же — тоже человек, женщина, и как она все живое в себе убивает, и даже не обидится? Ну, так, Устинов, а дальше-то — как?

Кирилл неловко протиснулся в горницу и встал рядом с женой у голландки.

Калашников сказал:

— Ну, ну? Досказывай, когда так, Устинов! После-то как было?

— После-то угадали все ж таки, кто он есть, тот нищий в хлевушке. Но тут он и помер. Как раз. Похоронили его почетно и возвели в святые. Вот как было.

— Странно мне как-то! — громко вздохнула Зинаида.

— Ну, чего тут особенного? — отозвался первым на этот вздох Рудаев. — Им ведь, святым, как? Им ведь наоборот как нам, как, хотя бы, и мне. Для меня самое что ни на есть главное — жизнь прожить, а ему хотя бы и вовсе не родиться, и вовсе не жить, лишь бы об нем была да жила долгая память! Вот и все!

— Все одно — странно! И — не согласная я! Вот он сделал о себе святую память и вот я молюсь ему, и вдруг за молитвой вспоминаю: «Да, боже ты мой, а при жизни-то, при жизни сколь же он сделал страдания людям? Родителям, невесте и еще, может, многим другим?»

— Так ведь вся она такая — святость, вся происходит от страдания. А от чего другого ей еще быть-то? — вдруг спросил Кирилл, тихо так спросил и поглядывая на жену, как будто спросил и ее тоже: «Мое-то слово что-нибудь значит для тебя? Или вовсе уже ничего не значит?»

Глянув на Кирилла и в то же время мимо него, Зинаида пожала крупными плечами и сказала:

— Как это — откудова взяться святости? Из добра! Пущай бы он, Алексей, божий человек, когда он был богатый, помогал бы бедным куском и учением, все бы от себя отымал для других и сам бы страдал — пущай! Но пошто ему до зарезу нужно других-то в страдание вводить? Непонятно никак! Ведь тот же самый у его выходит разбой, что и у злодея! Вот злодей убил бы Алексея, и што? И сделал бы то же самое страдание его родителям и невесте, какое он для них сам сделал. Оне, когда его потеряли, наверное, так и думали: злодей сделали, разбойники убили нашего сына и жениха!

— Святое дело — оно большое... — снова и еще тише сказал Кирилл. — Оно большое и очень даже искусное. А которое искусно и велико — то не бывает без мучения людям. Оно только через муки и через отрешение от жизни дается.

— Так ить для большого-то, для искусного — родиться надо! А другой родился, как все, и даже — поглупее других, а все одно берется за дело, куда больше себя, и вот уже первое, што у его выходит, — это муки и страдание другим людям. Первое, да и последнее — далее-то он сделать уже не умеет, не может... Хотя бы и Алексей, божий человек? Да мне все уже об нем понятно: он для большого-то не родился, а ему страсть как хотелось его! Он и надумал добиться своего, своей святости, через муки родителей и невесты своей. Больше ему в голову не пришло... Его бы на иконах-то надо рисовать с махонькой с такой головой!

— Ну, уж ты скажешь, Зинаида! — удивился Рудаев.

— И скажу... Пошто бы нет?

Тут все посмотрели друг на друга, а потом, тоже все, посмотрели на Кирилла Панкратова. У него еще торчала из светлой небольшой борода большая желтая стружка, круглая, почти в полный завиток, он стоял у печи рядом с женой, как будто чем-то испуганный — не то ее, не то своими словами, растерянный, часто помаргивая детски-голубыми глазами...

На него все сейчас смотрели, кроме Зинаиды, — та уперлась взглядом в потолок. Кирилл резко подтолкнул Зинаиду в плечо и сказал ей строго:

— Ладно тебе! Шти пойдем хлебать!

И еще раз подтолкнул ее, и они вышли в кухню — сначала Зинаида, за ней — Кирилл.

Михаил Зощенко любил повторять слова Маркса: нужно, чтобы «человечество в е с е л о расставалось со своим прошлым». Он говорил, что эти слова необыкновенно точно выражают его писательское назначение.

В первые десятилетия после Октябрьской революции Зощенко был одним из самых известных и читаемых советских писателей. Его рассказы и фельетоны знали буквально все — от домохозяйки до всесоюзного старосты. В 1939 году, вручая Зощенко орден Трудового Красного Знамени, Михаил Иванович Калинин долго пожимал ему руку и все приговаривал: «Так вот вы какой!»

Перед ним стоял человек, не просто лучше других понимающий, как велика атакующая сила смеха при расставании с прошлым, но и сумевший внушить это свое понимание миллионам людей...

Сегодня мы отмечаем восьмидесятилетие выдающегося советского сатирика. Много прошло с той поры, когда Зощенко засучив рукава сражался с пороками, доставшимися нам от прежних времен. Но, как мы знаем, пороки живучи. И потому, хоть самого писателя уже давно нет среди нас, написанное им продолжает свою очистительную работу. Выходят сборники зощенковских повестей и рас-

сказов, по его произведениям ставятся фильмы, появляются книги о жизни и творчестве писателя, который смеялся, чтобы быть «полезным в той борьбе, которую ведет наша страна за социализм».

Предлагаем читателям «Смены» два фельетона Михаила Зощенко. Они написаны на рубеже 20—30-х годов. Сатирики, по-хозяйски заглядывая практически во все сферы нашего житейского бытия, не прошли и мимо жизни комсомольских ячеек.

Естественно, что и «Нахальство» и «Социальная грусть» несут на себе заметные отпечатки, присущие только лишь своему времени. Но дело не

в отпечатках времени. А в сути, которая заложена в фельетоны. Мы и сегодня нет-нет да встречаем еще комсомольских горе-вожаров, которые, решая судьбу товарища, не очень-то затрудняют себя влезать в тонкости, а рубят с плеча. «Социальная грусть» как для них написана. Ну, а «Нахальство» — для тех молодых людей, которые плюют на общепринятые нормы поведения в быту и ко всему еще возмущаются, если, не дай бог, им на это укажут. Таких нахальных людей и сейчас, увы, сколько угодно. Пусть почитают. И если в них сохранились «нежные початки совести», — пусть покраснеют...

Михаил ЗОЩЕНКО

Тут на днях одна комсомольская ячейка разбирала бытовое дело на счет одного комсомольца.

Этот паренек показал себя с невыгодной стороны. Он гулял с тремя девицами и всем жениться наобещал. А сам он был давно женатый, и даже у него в колыбельке малютка копошился.

Про малютку и про жену он ничего не сказал вверенным ему девицам, а напел им разных небылц про свою одинокую, холостую жизнь.

Одной напел, что он секретарь полпреда. И повезет ее в Ригу. Где и купит несколько пар чулок. К другой втерся в доверие и тоже чего-то такое набрехал несуразное. Одним словом, «молодец» и донжуан.

А донжуан, по буржуазной литературе, — это такой определенный сукин сын, который согласен сразу за всеми дамами ухаживать.

Вот наш комсомолец, проживающий на Песочной улице, расставил свои паутины во всех углах и не горюет. Посещает кино. Ходит на свидания. Врет. Конфеты трескает. И думает, что оно так и будет до старости лет.

Только стали доходить до комсо-

мольской ячейки слухи: мол, поведение этого комсомольца довольно недостойное, поскольку он вводит в обман несколько пар женщин.

Вот вызывают этого комсомольца в ячейку и говорят ему разные слова:

— Объяснитесь, что вы за человек и почему за вами какая-то дрянь наблюдается?

Комсомолец говорит:

— Очень, — говорит, — странно. Это, — говорит, — есть всецело личное мое дело, и мне, — говорит, — просто удивительно слушать — что вы ко мне прилипаете. За мной, — говорит, — никаких преступных дел нету. Я форменно удивлен вашим заявлением.

И, значит, в полном негодовании уходит.

Только вскоре узнается, что с этим комсомольцем произошла совершенно уже некрасивая история.

Одна женщина ударяет его по лицу, или, правильной сказать, по морде, делает ему истерику в общественном месте и вообще устраивает скандал.

Тогда ячейка решает энергичней взяться за это дело. И назначает товарищеский суд и разбирательство.

Вызывают на суд этого комсомольца, но он упирается.

— Мне же, — говорит, — морду набили, меня же и судить будут. Очень, — говорит, — удивительно — какие хорошие юристы нашлись!

И в назначенный день вместо явки он присылает заявление.

В заявлении говорится:

Товарищи, считаю, что вы поступаете в высшей степени некорректно, вмешиваясь в мои интимные дела. По этой причине не считаю более возможным оставаться в узких рамках ВЛКСМ. Мои политические убеждения остаются со мной независимо от членского билета.

Ну, конечно, зачитывается эта бумага на собрании. Происходят улыбки и смех. Некоторые ребята удивляются нахальству и глупости.

И, одним словом, решают не поддерживать этого человека в «узких рамках» ВЛКСМ.

Вот теперь-то, небось, и наделает делов этот нахальный беспартийный молодой человек.

А зря его, товарищи, отпустили. Надо было его сначала выжучить хорошенько.

Давно я, братцы мои, собирался рассказать про комсомольца Гришу Степанчиков, да все как-то позабывал. А время, конечно, шло.

Может, полгода пробежало с тех пор, когда с Гришей произошла эта собачья неприятность.

Конечно, уличен был парнишка во вредных обстоятельствах — мещанские настроения и вообще подрыв социализма. Но только дозволейте всесторонне осветить эту многоуважаемую историю.

Произошло это, кажется, что в Москве. А может, и не в Москве. Но сдается нам, что в Москве. По рзмаху видим. Однако точно не утверждаем. «Красная газета» в подробности не вдавалась. Только мелким полупетитом отметила — дескать, в Семеновской ячейке.

А было это так. В Семеновской, то есть, ячейке состоял этот самый многострадальный Гриша Степанчиков. И выбили как-то раз этому Грише три зуба. По какому делу выбили, опять же нам неизвестно. Может, излишки физкультуры. А может, об дерево ударился. Или, может быть, в младенческие годы сладкого употреблял много. Только знаем, что не по пьяной лавочке вынули ему зубы. Не может этого быть.

Так вот, живет этот Гриша без трех зубов. Остальные все стоят на месте. А этих, как на грех, нету.

А парень молодой. Всесторонний. Неинтересно ему, знаете, бывать без трех зубов. Какая же жизнь с таким отсутствием? Свистеть нельзя. Жрать худо. И папиросу держать нечем. Опять же шипит при разговоре. И чай выливается.

Парень уж и так и сяк — и воском заляпывал и ситником дырку покрывал — никак.

Сколотил Гриша деньжонок. Пошел к врачу.

— Становьте, — говорит, — если на то пошло, три искусственных зуба.

А врач попался молодой, неосторожный. Не вошел он в психологию Семеновской ячейки. Врач этот взял и поставил Грише три золотых зуба. Действительно, слов нет, вышло богато. Рот откроет — картинка. Загляденье. Ноктюрн.

Стали в ячейке на Гришу коситься. То есть, как рот откроет человек — говорит или шамает, — так все глядят. Дескать, в чем дело? Почему такое парень обростаёт?

Мелкие разговорчики пошли вокруг события. Откуда, дескать, такие непмановские замашки? Почему такое мещанское настроение? Неужели же нельзя простому комсомольцу дыркой жевать и кушать?

И на очередном собрании подняли вопрос, допустимо ли это самое по-добное. И вообще постановили:

«Признать именование золотых зубов явлением, ведущим к отказу от социализма и его идей, и мы, члены ВЛКСМ Семеновской ячейки, объявляем против ихних носителей борьбу как с явлением, разрушающим комсомольские идеи. Зубы отдать в фонд безработных. В противном случае вопрос будет стоять об исключении из рядов союза».

(«Красная газета»).

Тут председатель от себя еще подбавил пару. Мужчина, конечно, горячий, невыдержанный. Наговорил много горьких слов.

— Я, — говорит, — даром, что председатель, и то, — говорит, — не замахиваюсь на золотые безделушки. А у меня, — говорит, — давно вместо задних зубов один корешки торчат. И ничего, жую. А как жую, один бог знает. Пальцами, может, помогаю жевать, то есть! Но не замахиваюсь.

Всплакнул, конечно, Гриша Степанчиков. Грустно ему отдавать такие зубы в фонд безработных. Начал объяснять: дескать, припаяны, выбивать трудно.

Так и не отдал.

А поперли его из союза или нет — мы не знаем. Сведений по этому делу больше не имели. Но, наверное, коперли.

НАРКОМВНУ
ТЫ ПОМОГА!

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Братья ВАЙНЕРЫ

РОМАН

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

А ты пока сиди, слушай, набирайся опыта, — сказал Глеб Жеглов и сразу позабыл обо мне, и, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, я отодвинулся к стене, украшенной старым, выгоревшим плакатом «Наркомвнудец! Экономя электричество, ты помогаешь фронту!».

Фронта давно уже не было, но электричество приходилось экономить все равно: лампочка и сейчас горела вполнакала. Серый сентябрьский день незаметно перетекал в тусклый, мокрый вечер, желтая груша стовечевки дымным пятном отсвечивала в сизой измороси оконного стекла. В кабинете было холодно — из-под верхней овальной фрамуги, все еще заклеенной крест-накрест белыми полосами, поддувало пронзительным холодком.

Я не обижался, что они разговоривают так, словно на моем венском стуле с нелепыми рахитичными ножками сидит манекен, а не Шаралов — их новый сотрудник и товарищ. Я понимал, что здесь не просто уголовный розыск, а самое пекло его — отдел борьбы с бандитизмом, и в этом милом учреждении некому, да и некогда заниматься со мной розыскным ликбезом. Но в душе оседала досадливая горечь и неловкость от самой ситуации, в которой мне была отведена роль школяра, пропустившего весь учебный год и теперь бестолково и непонятливо хлопавшего ушами, тогда как мои прилежные и трудолюбивые товарищи уже приступили к решению задач повышенной слож-

ности. И от этого я бессознательно контролировал все их слова и предложения, пытаюсь найти хоть малейшую неувязку в рассуждениях и опрометчивость в выводах. Но не мог: детали операции, которую они сейчас так увлеченно обсуждали, мне были неизвестны, спрашивать я не хотел, и только из отдельных фраз, реплик, вопросов и ответов вырисовывался смысл задачи под названием «Внедрение в банду».

Вор Сенька Тузик, которого Жеглов не то припугнул, не то уговорил — этого я не понял, — но, во всяком случае, этот вор пообещал вывести на банду «Черная кошка». Он согласился передать бандитам, что фартовый человек ищет настоящих воров «в законе», чтобы вместе сварганить миллионное дело. Для внедрения в банду был специально вызван оперативник из Ярославля: чтобы ни один человек, даже случайно, не мог опознать его в Москве. А сегодня утром позвонил Тузик и сказал, что фартового человека будут ждать в девять вечера на Цветном бульваре, третья скамейка слева от входа со стороны Центрального рынка.

Оперативник Векшин, который должен был сыграть фартового человека, мне не понравился. У него были прямые соломенные волосы, круглые птичьи глаза и голубая наколка на правой руке — «Вася». Он изо всех сил старался показать, что предстоящая встреча его нисколько не волнует, и бандитов он совсем не боится, и что у себя в Ярославле он и не такие дела проворачивал. Поэтому он все время шутил, старался вставить в разговор какие-то анекдотики, сам же первый им смеялся, и, выбрав именно меня — как новенького и, безусловно, еще менее опытного, чем он сам, — спросил:

— А ты по фене бѣтаешь?!

А я год командовал штрафной ротой и повидал таких уркаганов, какие Векшину, наверное, и не снились, и потому свободно «владел» блатным жаргоном, но сейчас говорить об этом было неуместно — получилось бы самохвальство, и я промолчал, а Векшин коротко всхрипнул и сказал Жеглову:

— Вы не сомневайтесь, товарищ капитан! — И мне послышался в его мальчишеском голосе звенящий, истеричный накал. — Все сделаю в лучшем виде! Оглянуться не успеют, как шапка прыгнет в дамки!

От долгой неподвижности затекла нога, я переменял позу, венский стул подо мной пронзительно заскрипел, и все посмотрели на меня. Но, поскольку я сидел по-прежнему каменно-молча, то все снова повернулись к Векшину, и Жеглов, рубя ладонью стол, сказал:

— Ты запомни, Векшин: никакой самостоятельности от тебя не требуется, не вздумай «лепить горбатого» — изображать вора в законе. Твоя задача проста: ты человек маленький, лопушок, шестерка на побегушках. Тебя, мол, отрядили выяснять, есть ли с кем разговаривать. Коли они согласны брать сберкассу, где работает подводница, то придет с ними разговаривать «пахан». Ищите связи потому, что вас, мол, мало, и в наличии только один ствол...

— А если они спросят, почему сразу не пришел «пахан»? — Круглые сорочьи глаза Васи Векшина горели, и он все время потирал одна о другую красные детские ладони, вылезавшие вместе

¹ «По-блатному разговариваешь?»

с тонкими запястьями из рукавов мышинного кургузого пиджака.

— Скажешь, что «пахан» их не глупее, чтобы соваться как кур в ощи: откуда вам знать, что с ними не придет уголовка? А сам ты, мол, розьска не бойсья, поскольку на тебе ничего особого нету и про дело предстоящее при всем желании рассказать никому ничего не можешь — сам пока не в курсе...

Лицо у Жеглова было сердитое и грустное одновременно, и мне казалось, что он тоже не уверен в парнишке. И неожиданно мне пришла мысль предложить себя вместо Векшина. Конечно, я первый день в МУРе, но, наверное, уж все, что этот мальчишка может сделать, я тоже сумею. В конце концов даже если я провалюсь с этим заданием и бандит, вышедший на связь, меня расшифрует, то я смогу его, попросту говоря, скрыть и живьем доставить на Петровку, 38. Ведь это же будет совсем неплохой Перетаскав за четыре года войны порядочно «языков» через линию фронта, я точно знал, как много может рассказать захваченный врасплох человек. Но главное мое соображение было в том, что «язык» — фашист, враг, и все его присутствие на войне имело целью убить, ограбить, измордовать как можно больше людей, в то время как преступник — какой бы он там ни был бандит — все-таки свой, то есть человек не до конца потерянный, и его можно уговором, примером или угрозой и силой заставить жить правильно. И в том, что его, этого захваченного мною бандита, удастся «разговорить» в МУРе, я совершенно не сомневался. Поэтому вся затея, где главная роль отводилась этому желторотому сосунку Векшину, казалась мне ненадежной. Да и нецелесообразной.

Я снова качнулся на стуле, он пронзительно взвизгнул — дурацкий стульчик, нагнутой спинке которого висела круглая жестяная бирка, похожая на медаль, — и сказал, слегка отшатнувшись: — А, может, есть смысл захватить этого бандита и потолковать с ним всерьез здесь?

Все оглушилось на меня, мгновение в кабинете слыта недоуменная тишина, расколосившая затем оглушительным хохотом. Захотелось тонким фальцетом Векшин, мягко похотывал баритончиком Жеглов, лениво раздвигая заветренные губы, сбрасывал ломти солидного сержантского смеха Иван Пасюк, вытирал под толстыми стеклами очков выступившие от восторга слезы фотограф Гриша...

Я не спеша переводил взгляд с одного лица на другое, пока не остановился на Жеглове, и тот резко оборвал смех, и все остальные замолчали, будто он беззвучно скомандовал: «Смирно!». Только Векшин не смог совладать с мальчишеской своей смешливостью и хихикнул еще пару раз на разгоне...

Жеглов положил руку мне на плечо и сказал: — У нас здесь, друг ситный, не фронт! Нам «языки» без надобности...

И я удивился, как Жеглов точно угадал мою мысль. Конечно, лучше всего было бы промолчать и дать им возможность забыть о моем предложении, которое, судя по реакции, показалось им всем вопиющей глупостью, или нелепостью, или неграмотностью. Но я уже завелся, а заводясь, я не впадаю в горячее возбуждение, а становлюсь упорным, как танк. Потому и спросил спокойно и негромко:

— А почему же вам «языки» без надобности? Жеглов повертел папироску в руках, подул в нее со свистом, пожал плечами:

— Потому что на фронте закон простой: «язык», которого ты приволок — противник, и вопрос с ним ясный до конца. А бандита, которого ты скрутишь, только тогда можешь назвать врагом, когда докажешь, что он совершил преступление. Вот мы возьмем его, а он нас пошлет подальше...

— Как это — пошлет? Он на то и «язык», чтобы рассказывать, чего спрашивают. А доказать потом можно, — убежденно сказал я.

Жеглов прикинул папироску, выпустил струю дыма, спросил без нажима:

— На фронте, если «язык» молчит, что с ним делают?

— Как что? — удивился я. — Поступают с ним, как говорится, по законам военного времени.

— Вот именно, — согласился Жеглов. — А почему? Потому что он солдат или офицер вражеской армии, воюет с тобой с оружием в руках, и вина его не требует доказательств...

— А бандит без оружия, что ли? — упирался я.

— На встрече вполне может прийти без оружия.

— И что?

— А то. В паспорте у него не написано, что он бандит. Наоборот даже, написано, что он гражданин. Прописка по какому-нибудь там Кривоколенному, пять. Возьми-ка его за руль двадцать!

— Если всерьез говорить, то крупный преступник сейчас много хуже фашиста, — сказал, вращая круглыми желто-медовыми бусинками глаз, Векшин. — Вот с этим самым паспортом он грабит и убивает своих! Хуже фашистов они! — повторил он для убедительности.

«Много ты про фашистов знаешь!» — подумал я, но говорить ничего не стал, поняв уже, что сделал глупость, вступив в спор: теперь не осталось никаких шансов — после того как я проявил такую неграмотность, — что меня могут послать вместо Векшина на встречу с бандитами.

И совещание скоро закончилось. Время тянулось невыносимо медленно. Жеглов дал мне талон на обед, и все сходили в столовую на первом этаже, кроме Векшина, который на всякий случай из жегловского кабинета не выходил, и ему принесли полбуханки хлеба и банку тушенки, и он все это очень быстро уписал, заливая водой из графина и обливая худые пальцы в заусеницах. Рядом с нервными буквами «ВАСЯ» на руке у него была россыпь цыпков, и, глядя на них, я почему-то вспомнил мальчишескую примету, будто цыпки вырастают, если в руки берешь лягушек. «Пацан еще, — подумал я снисходительно, уже прощая Векшина за его высокомерные насмешки. — Со всем пацан».

Тогда я еще не знал, что на счету у «пацана» значился не только три десятка изловленных ворюшек, но и грабительская шайка Яши-Нудного, повзвизавшая благодаря исключительному уменью Векшина влезть в душу уголовника.

— У тебя оружие с собой? — спросил его Жеглов.

— А как же! — Векшин приподнял полу своего люстринового пиджакашки и похлопал ладонью по кобуре револьвера. — Я без него никуда.

Жеглов ухмыльнулся:

— Надо будет его оставить. Он тебе там ни к чему...

— Неужели нет? — ответно ухмыльнулся Векшин и отстегнул кобурку.

Тягуче сочился время, капали ленивые минуты, и, если бы позеленевший медный маятник не качался монотонно в длинной коробке стальных часов, можно было бы подумать, что они остановились навсегда. Дождь дудел в окно, как в сломавшую губную гармошку, невыносимо однообразно — бу-бу-бу, пугающе-иростно прокричала на улице «Скорая помощь», шаркали и неровно топтали в коридоре тяжелые шаги, и в половине девяти, когда Жеглов, встав, сказал: «Все, пошли!» — все вскопили, шумно завозились, натягивая плащи и кепки, затолпились на миг перед дверью. Жеглов шелкнул выключателем, и желтую слабую колбочку лампы слово раздвинула прыгнувшая из углов тьма, и в этой чернильной мгле невидимая тарелка радиодинамика прошептала своим картонным горлом нам вслед: «Московское время — двадцать часов тридцать минут. Передаем романсы и арии из опер в исполнении заслуженной артистки РСФСР Пантофель-Нечецкой...»

В Колобовском переулке Векшин ушел вперед, а мы шли за ним метрах в ста, потом и мы растянулись, и когда Вася занял скамейку на Цветном бульваре, третья слева от входа со стороны Центрального рынка, одиноко стоявшую в просвете между кустами, далеко видную со всех сторон, мы с Жегловым пристроились у закрытой москательной лавочки, за будкой чистильщика, заколоченной толстой доской.

Отсюда нам было видно тчедушный силуэт Векшина, сгорбившегося на скамейке под холодным, морозящим октябрьским дождем. Гость, которого все ждали, появился незаметно не мог, да и уйти тоже. Прохожих почти совсем не стало на улице. Подсвеченный изнутри синими лампами, проехал трамвай. Я взглянул на мои трофейные часы со светящимся циферблатом и тихонько сказал Жеглову:

— Четверть десятого...

Жеглов сильно сжал мне руку, и я увидел, что рядом с Векшиным остановился высокий мужчина, постою! кемного и уселся рядом. Я никак не мог сообразить, откуда тот взялся: все подходы просматривались, и он не мог подойти незамеченным. Жеглов, видно, понял мое смятение и шепнул:

— С травмой на ходу прыгнул...

Не мог потом я вспомнить, сколько прошло времени, ибо в эти не очень долгие минуты все кипело во мне от досады и возмущения: вот он сидит, бандит, в ста шагах, протянул руку и можно взять за шиворот, а надо трогать почему-то здесь, за будкой, затаявшись, говорить шепотом, изнемая от нетерпения, узнать, как с ним договорится Векшин.

От Трубной площади со звоном и скрежетом приближался трамвай, и я подумал, что, когда вагоны пойдут мимо нас, на какой-то миг мы потеряем из виду Векшина с бандитом. Но бандит вдруг встал, похлопал Васю по плечу, и мне показалось, будто он пожал ему руку, потом повернулся и, перепрыгнув через железную ограду бульвара и, пробежав несколько шагов рядом с грохочущим и дребезжащим вагоном, ловко прыгнул на подножку. Красные хвостовые огни уносились и Самотеке, а Вася спокойно сидел на скамейке.

Прошло пять минут, а Векшин почему-то не хотел уходить оттуда. Жеглов протяжно и тоненько свистнул, но Вася и головы не повернул...

— Может, они договорились, что еще кто-нибудь подойдет? — предположил я.

Жеглов только пожал плечами.

Прошло еще десять минут, мы поднялись и медленно пошла в сторону Векшина, по-прежнему сидевшего спокойно и неподвижно. Когда мы подошли к нему вплотную, то я, перевидав на войне много всякого, сразу понял, что Вася мертв. Он смотрел на нас широко открытыми круглыми глазами, на реснице повисла слезка, маленькая, прозрачная, и тонкая струйка крови сочилась из угла рта. Длинный нож — «заточка» — вошел прямо в сердце, он пробил насквозь все его худенькое мальчишеское тельце и воткнулся в деревянную спинку скамейки, и потому Вася сидел прямо, как примерный ученик на уроке, и сразу стал он такой маленький, беззащитный и неоправимо, навсегда обиженный, что у меня мороз прошел по коже.

— Расколос его бандит проклятый! — глухо сказал Жеглов.

— Это нам за него надо головы расколосить, — сказал я и, повернувшись к подошедшему Пасюку, велел: — Вызывай «Скорую».

Вернулись на Петровку мы около полуночи, и Жеглов сразу отправился по начальству. Расселись в кабинете так же, как три с половиной часа назад: Пасюк — в углу на продавленном пыльном кресле, Коля Тараскин — на мрачно блестящем дерматиновом диване с откидными валиками, фотограф Гриша — на подоконнике, откуда все время дуло, фотограф чихал, но с подоконника почему-то слезать не хотел, а я — на своем венском стульчике с медалью ХОЗУ.

Только Васи Векшина не было. И хотя стул Жеглова за обшарпанным нацеллярским столом тоже пустовал, но по разбросанным бумажкам, сдвинутым чернильницам, открытым папкам было ясно, что хозяин куда-то высочился на минуту и скоро явится на свое место. А Векшин пробыл здесь слишком мало, чтобы оставить хоть какой-то, пусть самый маленький следок в этом и так безликом служебном помещении. И от этого казалось, будто он и не приходил сюда, и не было подготовки к операции, и спора насчет взятия «языков», не смеялся он здесь тонким мальчишеским голосом. Но на окне еще стояла банка из-под американской мясной тушенки, которую Векшин ел несколько часов назад, обливая худые пальцы в цыпках. И за бронированной дверцей сейфа лежала его кобура с револьвером.

Я сидел, прикрыв ладонью глаза, и меня не покидало воспоминание, как носились с уже застывающим Васиним телом вкатили в «Скорую» по мощью, люк машины, белый, с толстым красным

крестом, захлопнулся с глухим лязгом, будто проглотил свою добычу, и «ЗИС», жадно урча, помчался прочь, обдав нас сладким дымком непрогоревшего бензина.

Место преступления не фотографировали, не описывали, ничего не измеряли и протокола не составляли, а в моем представлении это были первые основные действия уголовного розыска, и потому, что ими сейчас пренебрегли, в меня снова вошло это ощущение ВОИНЫ, которое за последние месяцы как-то улетучилось, освободив от постоянного чувства опасности, когда хорошо продуманный риск должен был за такие кратчайшие мгновения проверить твою быстроту и наблюдательность, что совсем не оставалось места никаким формальностям и процедурам.

Я медленно думал о том, что Вася Векшин погиб, как на фронте, и то, что не стал Жеглов на Цветном бульваре под ночным противным дождем разорачивать уголовное представление с протоколом, осмотрами, фотографированием сбоку, сверху, крупным планом, в глубине души считал правильным. Обязательно собралась бы толпа зевак, и тогда, казалось мне, смерть Васи была бы чем-то унижена, словно он не разведчик, погибший в бою, а какой-то мирный прохожий, несчастный потерпевший, а мы сами — Жеглов, Пасюк, Тараскин и остальные, — суется около Васиного тела на глазах прохожих, казались бы им необычайно сильными, смелыми муровцами, которые уж наверняка не попали бы под нож бандита, а, наоборот, бесстрашно лоят его, в то время как этот бедолага не смог защититься.

Я ушел на фронт мальчишкой и весь свой жизненный опыт приобрел на войне. И, наверное, поэтому смотрел на мир глазами человека, у которого в руках всегда есть оружие, и от этого безоружные мирные люди невольно представлялись мне слабыми и всегда нуждающимися в защите. И Вася Векшин, который сознательно хотел сделать беззащитным своим оружием и «заточкой» был пригвожден к спинке скамьи на Цветном бульваре, не должен был, с моей точки зрения, становиться поводом для сочувственных или испуганных вздохов толпы случайных прохожих, а поскольку нельзя было этим людям крикнуть, что он умер, приняв в себя нож, который, в сущности, был направлен в них во всех, то надлежало, забрав тело товарища, уйти, чтобы без лишних слов, клятв и обещаний сделать все нужное, что на войне полагается, дабы воздать достойно за все...

В общем, так оно и получилось. Только когда приехала карета «Скорой помощи», Жеглов отодвинул на один шаг молодую врачиху в накиннутой на плечи шинели, бормотнул быстро: «Одну минуточку, доктор», — снял с себя шарфик, очень осторожно обернул им ручку ножа и резко выдернул его из раны. Врачиха с оторопью посмотрела на него, а Жеглов протянул Пасюку завернутый в шарфик нож и сказал:

— Держи аккуратно, Иван, на ручке, может быть, «пальцы» остались...

А сейчас Жеглов ходил по начальству докладывать о провале операции. И хотя я никого из начальников на Петровке не знал, но легко представил себе, каково сейчас достается Жеглову...

Коля Тараскин задремал на диване, и сны ему снились, наверное, неприятные, потому что он еле слышно постанывал, тоненько и протяжно: ой-ей-ей... Пасюк расстелил на столе газету и, разобрав свой «ТТ», смазывал каждую детальку. Гриша неслабело насвистывал что-то...

Я спросил у Пасюка:

— А что это за банда такая? «Черная кошка» — эта самая?

Пасюк поднял на меня прозрачные серые глаза, пошевелил бровями, сказал медленно:

— Банда, — помолчал, добавил: — Банда — вона и есть банда. Убийцы та грабители. Сволоче отпоее. Поймаем, бог даст, уся под «вышка» пойдуть. Тебе вон Шесть-на-девять пусть лучше расскажет, он говору у нас наглавный...

Фотограф, видимо, уже привык к своему необычному прозвищу, или мнение Пасюка его мало волновало, или желание рассказать было в нем сильно, но, во всяком случае, Пасюку он ничего не ответил, только рукой махнул на него и протянул презрительно:

— Ба-а-нда — она и есть ба-а-нда! Она ни на одну другую банду не похожа, потому нам и поручено ее разрабатывать...

— Особо тебе, — разлепил в усмешке заветренные узкие губы Пасюк. — На тебя сейчас уся надежа...

А фотограф сказал мне:

— Ванду эту второй год ищут, а выйти на след не удается. Был бы я Лев Шейнин — обязательно об этом деле книгу написал!

— А о чем же писать, коли следов никаких нет? — поинтересовался я.

— Нет — так будут! — уверенно сказал Шесть-на-девять. — Хотя, конечно, увертливые они, гады. Грабят зажиточные квартиры, продовольственные магазины, склады, людей стреляют почем зря. И где бывали — или углем кошка нарисована, или котенка живого подбрасывают.

— А зачем? — удивился я.

— Для бандитского форсу — это они вроде бы смеются над нами, почерк свой показывают...

Распахнулась дверь, вошел Жеглов, мы все повернулись к нему, и он сказал:

— Значитца, так ты, Пасюк, завтра с утра поедешь с телом Векшина в Ярославль, от нас от всех проводишь его в последний путь, мать его постарайсья успокоить. Хотя какое, к чертам собакам, тут придумаешь успокоение!

Лицо у него было черное, подхихло, будто опаленое, и камнями ходили желваки на скулах.

Пасюк вытер жирные от ружейного масла пальцы о лоскут газеты, аккуратно свернул его и бросил в корзину, встал, коротко сказал:

— Есть, будет сделано...

— Вы, Тараскин и Шарпов, со мной завтра дежурите в группе по городу.

— А я? — обиженно спросил Гриша Шесть-на-девять. — А я что буду делать?

— Ну и ты с нами, конечно, куда ж тебя давать. Всем спать, немедленно.

Сон был неплотен и зыбок, как рассветный туман, и лишь на мгновение, кажется, прикрыв глаза, я испуганно вскочил на кровати — показало, что я проспал. В комнате темно и очень хо-

лодно, и мне жаль вылезать из нагретой за ночь постели. Я вытащил из-под одеяла руку и посмотрел на мерцающий зеленым светом циферблат: стрелки плотно слиплись на половине седьмого. Я досадливо крикнул — пропало полчаса сна, и я подумал о том, что утрачиваю фронтную привычку спать до упора, используя каждую свободную минуту, возмещая вчерашний недосып и стараясь хоть миг вырваться у завтрашнего.

Со стула рядом с кроватью взял папиросу «Норд», чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. Ничего нет слаще этой первой утренней затяжки, когда горячий, сухой дым ползет в легкие, заливая голову мягкой оудью, и тело наполняется радостным ощущением бездельного блаженства, когда точно знаешь, что у тебя есть несколько свободных от работы, суеты и забот минут, от данных всецело пустому гляденю в потолок и удовольствию от горьковато-нежного табачного вкуса.

Окно комнаты выходило на перекресток у Средних ворот, и, когда машины на улице, сдержанно урча, сворачивали с бульвара на Дзержинскую, свет их фар белыми плотными столбами таранил стекло и, ворвавшись в комнату, упирались в стену, на мгновение замирая, словно в раздумье, куда ему дальше деваться, и затем стремительно прыгал на потолок яркими сплошными пятнами, прочеркивал его наискось и прятался в углу за карнизом, будто там была дырка, через которую он навсегда исчезал из комнаты.

Я лежал, глаза на прыгающие со стены на потолок пятна голубоватого света, курил папироску и думал о том, что в МУРе мне, наверное, придется нелегко. Чуть больше суток минуло с того момента, как я вошел в желтый трехэтажный особняк управления милиции, предвзятым в подезде пропуск, поднялся на второй этаж, разыскал комнату № 64 и постучал в дверь. «Открыто!» — крикнули тонким голосом из кабинета. Я вошел и представился по-уставному:

— Оперуполномоченный старший лейтенант Шарпов для прохождения службы прибыл!

Хозяин кабинета, по-видимому, тот самый знаменитый старший оперуполномоченный Глеб Жеглов, начальник оперативной бригады отдела по борьбе с бандитизмом, к которому меня направили для стажировки, сидел за письменным столом, заваленным папками, исписанными на машинке листами, с бронзовым чернильным прибором. Меня удивило, что у знаменитого сыщика такой невзрачный вид: был он очень тощ, очень длинен, и очень сильные очки в роговой оправе сидели косо на хрящевой переносице. И, наверное, от сознания физической своей немощности держался он очень важно. Смотрел поверх меня, откидывая голову и задирая высоко подбородок, и, хотя происходило это скорее всего от недостатка зрения, лицо у него при всей его нескладности все равно было крайне высокомерное.

— Ну, здравствуй, Шарпов! — сказал он наконец. — Из кадров о тебе уже звонили. В общем, мы таким тебя и представляли...

Я не понял, кто это «мы», но отчего-то мне стало неловко, и я ответил, пожав плечами:

— Обыкновенный...

— Конечно, обыкновенный, только вот такие обыкновенные фронтные ребята и нужны нам. Чем занимаемся, знаешь?

Я кивнул, но, видимо, не совсем уверенно, потому что оперативник важно сказал, подняв вверх палец:

— Бандитизм. Убийства. Разбой. А это тебе не фунт изюма. Ты на фронте разведчиком был?

— Точно. Командир разведроты.

— Приживешься. Будущей весной будет набор в юршколы — мы тебя туда быстренько затолкаем...

В этот момент с шумом растворилась дверь, и в кабинет влетел парень — смуглый, волосы до синевы черные, глаза веселые и злые, а плечи в пиджаке не помещаются. Мельком взглянул, засмеялся, как григоринно рафинида рассыпал:

— Ты Шарпов? Здорово! Жеглов моя фамилия...

Я удивленно посмотрел на человека за столом, а Жеглов крикнул ему:

— Ну-ка, отец Григорий, кмы со стула!

— Я тут поработал немного, — сказал задумчиво Григорий, медленно разогнул свои бесчисленные суставы и выпрямился, как штатив на пляже.

— Вы тут уже, наверное, познакомились? — спросил Жеглов.

— Ну, более-менее, — пробормотал я, а Григорий солидно покачал головой:

— Я пока кое-что объяснил товарищу про нашу работу...

Жеглов искоса посмотрел на него, засмеялся и сказал:

— Шарпов, ты запомни — это великий человек, Гриша Ушивин, непревзойденный фотограф, старший сын барона Мюнхаузена. Мог бы зарабатывать на фотокарточки бешеные деньги, а он бескорыстно любит уголовный розыск...

— Ну, знаешь, Жеглов, мне твои оскорбительные выходки надоели! — закрычал Гриша, покрывая неровными красными пятнами, и стекла очков у него запотели. — Если ты хочешь со мной поругаться...

— Упаси бог, Гриша! — захохотал Жеглов. — Шарпов — человек военный, он тебя лучше всего поймет. Не твой же вина, что медкомиссия тебя до аттестации не допускает. Но разве дело в погонах? А, Гриша? Все дело в бесстрашном сердце и быстром уме! Так что ты еще нами всеми здесь покомандуешь.

Гриша хотел было дать достойный ответ Жеглову, но в кабинет вошли двое — квадратный человек с неприметным серым лицом и совсем молодой парнишка, и я узнал, что их фамилии Пасюк и Векшин, а еще через минуту прибежал Коля Тараскин и задыхающимся шепотом сообщил, что звонил Сеня Тузик: бандиты назначили встречу...

Так я вошел в группу Жеглова, и было это двадцать часов назад, и произошло с нами со всеми за этот день такое, что у меня теперь не будет времени на привыкание, учебу и притирку — надо с ходу заменять погибшего сотрудника...

На кухне огромной коммунальной квартиры оказался только один человек — Михаил Михайлович Бомзе. Он сидел на колченогом табурете у своего

стола — а на кухне их было девять — и ел вареную картошку с луком. Отправляя в рот кусок белой рассыпчатой картошки, осторожно макал в солонку четвертушку луковички, внимательно рассматривая ее прищуренными близорукими глазами, будто хотел убедиться, что ничего с луковичкой от соли не произошло, и неспешно с хрустом ражевывал ее. Он взглянул на меня так же рассеянно-задумчиво, как смотрел на лук, и предложил:

— Володя, если хотите, я угощу вас луком — в нем есть витаминны, фитонциды, острота и общественный вызов, то есть все, чего нет в моей жизни. — И, покачивая лысой острой головой, тихо заперхал, засмеялся.

— В нем полно горечи, Михал Михайлыч, — сказал я, усаживаясь напротив. — Так что давайте я лучше угощу вас омлетом из яичного порошка!

— Спасибо, друг мой, вам надо самому много есть — вы еще мальчик, у вас всегда должно быть чувство голода. — Он смотрел на меня прищурясь, и все его лицо было собрано в маленькие квадратные складочки, а кожа коричневая — в темных старческих пятнах, и может быть, потому, что Михал Михайлыч сильно вытягивал голову из коротенького плотного туловища с толстыми лапками-руками и маленькими ногами, казался он мне очень похожим на старую добрую черепаху. И носил он к тому же коричневый костюм в клетку, цветом и мешковатостью напоминавший яичный панцирь.

Я бросил на сковороду комок белого свиного жира, разболтал в чашке яичный порошок, желтая жижка с бульканьем и шипеньем разлилась на черном чугуне, потом принес из комнаты буханку хлеба и сохранившиеся шесть кусков сахара, а у Бомзе был чай на заварку. Так что завтрак у нас получился замечательный.

Старик ел мало и медленно, и я видел, что еда не доставляет ему никакого удовольствия — ест, потому что если не есть, то, наверное, скоро умрешь. Вот он и ел, не ощущая вкуса, равнодушно и неторопливо, будто выполнял скучную, недоделанную работу. Потом отложил вилку и сказал:

— Впрочем, вы уже не мальчик. Вы уже мужчина. Сколько вам минуло?

— Двадцать два.

— Двадцать два, двадцать два. — Старик высунул из-под панциря и снова спрятав острую голову, — как я был счастлив в двадцать два года!

От воспоминаний он прикрыл тонкие синеватые перепоночки век, и со стороны можно было подумать, что старик заснул. Но он не спал, потому что зашевелились лапки на столе, и он спросил:

— Володя, а вы счастливы в свои двадцать два? Я пожал плечами:

— Не знаю, вроде бы все нормально.

— А я точно знал, что счастлив. И счастье, когда-то огромное, постепенно уменьшалось, пока не стало совсем маленьким, как камешек в почке...

Я посмотрел на него искоса: в уголке черного мутного глаза застыла печаль, едкая, как неуплаченная слеза. Жалко было старика, уж больно тоскует.

— Михал Михайлыч, ну что вы здесь один маестесь? У вас же есть какие-то родственники или друзья в Киеве, вы бы поехали к ним, все-таки веселее...

Бомзе покачал своей маленькой, сухой, изморщенной головой, грустно усмехнулся широким черепашьим ртом:

— Сколько улитка по земле ни ходит, от своего дома все равно не уйдет. Кроме того, — сказал он, минутку подумав, — они все уже старые, а старикам вместе жить не надо. Старикам надо стараться притулиться где-нибудь около молодых — это делает прожитую ими жизнь более осмысленной...

Сына Бомзе — студента четвертого курса консерватории — убили под Москвой в октябре сорок первого. Он играл на виолончели, был сильно близорук и в день стипендии приносил матери цветы. В нашей квартире никто никому никогда не дарил цветов, и эти букетики пробуждали к юности чувство одновременно жалостливое и почтительное, ибо при всей очевидной нелепости траты денег на цветы, когда их за городом можно нарвать сколько угодно, соседи ощущали именно в этих цветочках нечто возвышенное и трогательное.

Цветы приобрели наглядный смысл, когда старик Бомзе получил извещение о смерти сына. Мать, никогда не болевшая раньше, прожила после этого три дня и умерла ночью во сне, и обрядившие ее и хоронившие на Немецком кладбище соседи почему-то больше всего помнили про эти цветы, словно они были самым главным, что запомнилось им из короткой жизни мальчика, быстрого, близорукое, извлекавшего из своей виолончели трепетно-тягучие, волнующие и не очень понятные мелодии.

— А вы довольны своей новой работой, Володя? — спросил Михал Михайлыч.

— Как вам сказать — я еще и сам не разобрался, — уклончиво ответил я, вспомнив Васю Векшина и подумав, что вряд ли тот был старше сына Михал Михайлыча, и потому старику вовсе не следовало знать, как я провел свой первый день в МУРе. Посмотрел на часы и стал торопливо собираться.

— Оставьте, Володя, я сам потом вымою посуду — я ведь на свою работу не опоздаю, ибо удачно пошутить никогда не поздно... — сказал старик. Работа у Бомзе была необычная. До войны я вообще не мог понять, как такую работу можно считать работой: Михал Михайлыч был профессиональный шутник. Он придумывал для газет и журналов шутки, платил ему очень немного, и весьма неаккуратно, но он не обижался, снова и снова приносил свои шутки, а если они не нравились, забирал или переделывал. Он любил повторять, что, к счастью, за самые лучшие шутки и анекдоты ему не назначили гонорара. Называлась его профессия — юморист-малоформист, и меня всегда удивляло, как может придумывать действительно смешные шутки и истории такой унылый и тихий человек...

Мне показалось, что Михал Михайлыч хочет сказать что-то важное, но на кухню ввалилась Шурна Баранова со всеми пятью своими отпрысками, и сразу поднялся здесь невыразимый гвалт, суета, беготня, топот, крики, смех и плач одновременно, дети хватили из тарелки картошку Бомзе, дергали меня за ремень, один полз под полу шинели, чтобы пощупать кобуру пистолета, другой забрался к старику на колени, все они хотели кричать,

бегать, есть, они хотели жить, и мне показалось понятным, почему старик не желает уезжать отсюда в Киев — не то к друзьям, не то к родственникам...

В отделе было шумно: опердежурный Соловьев выиграл по доверенной еще облигации пятьдесят тысяч. Счастливчик, очень довольный и гордый, слегка смущаясь, благодарил за поздравления, с которыми к нему приходили даже люди малознакомые. Торжество достигло вершины, когда явился редактор управленческой многотиражки с фотографом. Правда, тут Соловьев объявлял скромность, и он стал отказываться, бормоча, что ничего особенного он не сделал, но редактор быстро урезонил его, пояснив, что помещать его портрет в газете будут не от восхищения замечательными соловьевскими глазами, а потому, что это — дело политически важное.

Потом пришел Жеглов, которому Соловьев в тысячный раз поведал, как он вчера «так просто, от скуки, чтоб время, значит, убить» проверил номера облигаций по первому послевоенному тиражу:

— Смотрю, серия сходится! А как увидел выигрыш — полтинник — так и номер проверить опасаясь, вдруг, думаю, не тот, получи тогда «на остальные номера выпали...». Отложил я газету на диван, пошел перекурить...

— А сердце так и бьется... — сочувственно вставил Жеглов.

— Ага... — простодушно подтвердил Соловьев. — Зову Зинку. Зин, говорю, у тебя рука счастливая, проверь-на номер... Да, братцы, это не каждому так подвалит...

— Еще бы, каждому! — подтвердил Жеглов. — Судьба, брат, она тоже хитрая, достойных выбирает. А как тратить будешь?

— Ха, как тратьте! — Соловьев залез с счастливым смехом. — Были б гроши, а как тратьте — нет вопроса.

— Не скажи, — помотал головой Жеглов. — «нет вопроса». К такому делу надо иметь подход серьезный. Я вот, например, полагаю, что достойно поступил Федя Мельников из третьего отдела.

— А чего он? — спросил Соловьев озадаченно.

— А он по лотерее перед самой войной выиграл легковой автомобиль «ЗИС-101», цена двадцать семь тысяч.

— И что?

— Что — «что»? Как настоящий патриот, Федя не счел правильным в такой сложный международный момент раскатывать в личном автомобиле. И выигрыш свой пожертвовал на дело Осоавиахима, понял?

Лицо Соловьева сильно потускнело от этих слов Жеглова, как-то пригасло оно от его рассказа, помылся он, пожевал губами, обдумывая наиболее подходящий ответ, и сказал:

— Мы с тобой, товарищ Жеглов, люди умные, должны понимать, что война кончилась, государство специально тираж разыграло, чтобы людям, за трудные времена пообтренившимся, облегчение сделать. Да и Осоавиахима уже нет никакого...

Жеглов ухмыльнулся, потрепал Соловьева по плечу, сказал не то всерьез, не то шутливо:

— Это, Соловьев, только ты умный, а я так, погулять вышел... Конечно, вместо Осоавиахима я бы тебе другой адресочек мог подобрать, но вижу, ты к этой идее относишься слишком вдумчиво. Поэтому, так и быть, ограничимся коньячком с твоего выигрышного капитала. Сделались?

Соловьев явно обрадовался благополучному исходу.

— Что за вопрос между друзьями? — сказал он важно. — Обмоем, как водится!

— Не обманешь? А то на посуле, как на стуле: посидишь да встанешь, — недоверчиво покачал головой Жеглов и, будучи не в силах уговориться, добавил: — Но все же теперь будет у кого перехватить до полочки, а?

Соловьев готовно покивал, но в глазах его я особой радости по поводу жегловских планов не заметил.

— Теперь дочке пианино куплю, — сказал он. — А то в музыкальную школу на трех трамваях ездит, покою нету... Жене, Зинке, отрез панбархата возьму, в комиссионке на Столешникове видел. Ши-икарный отрез, розовый, две с половиной стои...

— А слоник у тебя на комоду есть? — поинтересовался Жеглов.

— Какие еще слоник? — не понял дежурный.

— Семь таких слоников, мал мала меньше, они еще счастье приносят.

— А у тебя эти слоник есть? — спросил, подумав, Соловьев.

— Есть, — соврал Жеглов и «подставился». Радостно захохотав, Соловьев заорал:

— Вот у тебя есть, а у меня нет, а счастье все равно мне подвалило! Суеверие одно, товарищ Жеглов, ты на них, на слоников, не надейся...

— Ну и дурак, — сказал Жеглов и хотел еще что-то добавить, но зазвонил телефон. Глеб снял трубку, и по ходу разговора улыбка сошла с его лица, вытянулось оно, и жестко сжалась губы. — Хорошо, — отрывисто сказал он в трубку. — Сейчас выезжаем. — Дал отбой и скомандовал: — Бригада, на выезд. В Уланском — труп ребенка!

Во дворе около столовой стоял старый красно-голубой автобус с полуоблезшей надписью «Милиция» на боку. Шесть-на-девять крикнул мне:

— Гляди, Шарпов, удивляйся: чудо века — самоходный автобус! Двигается без помощи человека.

Трофейный «опель блинц» наверняка за долгу свою жизнь повидал всякие виды. От старости и того невыносимо тяжелого груза, что пришлось ему повозить за долгие годы, просели рессоры и высохли амортизаторы, машина будто припала к земле громоздким брухатым кузовом на хилых, перелатанных баллонах и неуспокойной стальной своей и плоской придавленной мордой походила на огромного большого бульдога.

Водитель автобуса Копытин ходил вокруг машины, задумчиво пиная колеса, и недовольно качал головой, не обращая внимания на подначки оперативников. Взглянул на меня и, может, потому, что я один не смеялся над его транспортом, сказал мне доверительно:

— Эх, достать бы два баллона от «доджа», на задок поставить — цены бы «фердинанду» не было.

— Какому Фердинанду? — спросил я серьезно. Копытин засмеялся.

— Да вот они, балбесы наши, окрестили так машину, теперь уж и все так кличут. Мол, на самоходку немецкую, «фердинанд», сильно смахивает...

Я улыбаясь: верно, в приземистой, кургузой машине было что-то общее с тупым напористым лицом самоходного орудия.

— Ты-то сам против них стоял когда? — спросил Копытин.

— Случалось... В этот момент прибежал Жеглов, и Копытин полез в кабину. Пассажиры дверь он отпирал длинным рычагом, когда-то никелированным, а теперь облещенным до медной прозелени и все-таки не потерявшим своего шика — гнутая ручка на фигурном хромированном.

Первым в автобус прыгнула огромная дымчатая овчарка Абрек, степенно залез проводник-собаковод Алимов, нырнул ловко Коля Тараскин, загремел на ступеньках своей аппаратурой Шестнадевать, осторожно, будто входил в лодку, ступил судмедэксперт, я шагнул — раз-два — на переднее сиденье в углу. Жеглов встал на подножку, молча оглядел всех, словно еще раз проверяя, есть ли смысл брать нас с собой, и только тогда кивнул шоферу.

Копытин нажал ногой на педаль, стартер завыл так тонко и горестно, так скулил он от истощения и старости аккумулятора, что пес Абрек тревожно поднял голову, дыбом воздел уши и ответил ему низким рыком. Шестнадевать, восседавший на кондукторском месте, уже открыл рот, чтобы оценить должным образом ситуацию, но Жеглов бросил на него короткий взгляд, быстро сказал:

— Помалкивай! И мотор наконец чихнул, затем еще раз, еще, вспыхи разорослись в частый треск, заревел громко и счастливо, заводок двор синим едучим угаром, и «фердинанд» тронулся, выполз на Большой Каретный и взял курс на Садовую.

Жиденькая толпа стояла у дверей подъезда во дворе пятиэтажного дома в Уланском переулке. Копытин лихо затормозил, проводник выскочил с Абреком первым, за ним, дробно грохоча каблуками по металлическим ступенькам автобуса, вывалились остальные. Наконец им шагнула девушка в милицеевской форме, четко вскинула руку к козырьку:

— Здравия желаю! Докладывает младший сержант Синичкина, вызов оказался ложным, ребенок жив, это просто подкидывш.

— А что же вы сразу не могли разобраться, жив ребенок или нет? — недовольно спросил Жеглов. — Какого черта дергаете по пустякам муловскую бригаду?

Девушка покраснела, быстро ответила: — Вызов к дежурному по городу был сделан соседями еще до того, как я прибыла на место происшествия. Я пришла со своего поста десять минут назад и сразу позвонила на Петровку, но вы уже выехали...

— А где сейчас ребенок? — поинтересовался Жеглов.

— Его в квартиру пока внесли, там, наверху, — показала Синичкина рукой. — Чего же ему еще на холоде терпеть?

— А почему вообще решили, что он мертвый? — все еще сердито допытывался Жеглов.

— Его обнаружил на лестничной клетке около чердачной двери слесарь Миллев... Из-за ее спины вырос невысокий парень в замызанной черной краснофлотской шинели, на деревянной ноге, зататорил бойко-бойко, слглатывая концы фраз:

— Елки-молатки, а чего ж мне еще-то думать, когда иду я на чердак, магистраль бандажить, а оно здесь и лежит — кулечек махонький, люля зеленуемая, и тишина гробовая — ни тебе крика, ни сопения, а сплошное молчанье, и взял меня страх, что какая-то стервоза, извергиня, собственноручно дитя жизни лишила, ну, я тут сразу же бегом в тридцать вторую квартиру, телефон у них, и вызвал власти милицеевские, чтобы дознались они про этого демона в женском облике...

— Все понятно, — кивнул Жеглов. — Ну, а раз приехали, давай, Шапов, поднимаемся с тобой, взглянем на найденца...

— А что же делать-то с ним, с маленьким? — спросила Синичкина. — Он ведь такой крошечный, как будет без матери — непонятно...

— Чего непонятного — вырастет! — сказал Жеглов, быстро перепрыгивая со ступеньки на ступеньку. — Не бросит его государство, вырастит, еще неизвестно, может быть, станет лучше других — в холье взлелеянных детей.

Синичкина спросила: — А мать искать будем? Жалко маленького... — На кой она нужна, такая мать? — хмыкнул Жеглов. — Хотя личность ее надо попробовать установить, от такой паскуды можно чего угодно ожидать...

На площадке пятого этажа нас встретил басистый могучий рев, дверь в тридцать вторую квартиру была приоткрыта, старушка качала на руках завернутого в одеяло младенца.

— Проснулся вот, есть просит, — сказала она, протягивая нам сверток, будто мы могли его накормить. Я осторожно взял ребенка на руки и удивился, какой он легонький. Личико его покраснело от крика, он сердито открывал свой крошечный беззубый ротиком, издавая пронзительный гневный крик. Я сказал ему растерянно:

— Ну, потерпи, карапуз, потерпи немного... Потерпи, кутяка, чего-нибудь придумаем... Жеглов взглянул на меня, усмехнулся:

— Ты веришь в приметы? — Верю, — сознался я.

— Добрый тебе знак. Мальчишка-найденец — это добрая примета, — сказал, улыбаясь, Жеглов и велел Синичкиной распеленать ребенка.

— Зачем? — удивилась девушка, и я тоже не понял, зачем надо разворачивать голодного и, наверное, замерзшего ребенка.

— Делайте, что вам говорят... Синичкина быстрыми, ловкими движениями распеленывала мальчика на столе, и мне приятно было смотреть на ее руки — белые, нежные, нежные, какие-то особенно беззащитные от того, что узкие запястья высывались из обшлага грубого шинельного сукна. Синичкина хмурила брови, сейчас совсем немодные — широкие и взлет, а не тоненькие, выщипанные и чуть подбритые в плавные, еле заметные дуги.

Жеглов взял малыша на руки, и тот заревел еще пуще. Держа очень осторожно, но твердо, Жеглов бегом осмотрел этот мягкий комочек, вынул из-под него записанную пеленку и снова передал мальца Синичкиной.

— Все, заворачивайте. Смотрите, Шапов, — у него на голове родимое пятнышко...

На ровном пушистом шарике за левым ушком темнело коричневым пятно размером с фасолину.

— Ну и что? — Это хорошо, во-первых, потому, что будет в жизни везучим. Во-вторых, вот здесь, в углу пеленки — полустершийся штамп, значит, пеленка или из роддома, или из яслей. Пеленку заверни, отдадим нашим экспертам — они установят, что там на штампе написано было. А тогда по родимому пятнышку и узнаем, кто его хозяин. Кстати, как думаешь, сколько времени пацану?

— Я думаю, недели две-три, — неуверенно предположил я.

— Ну да! Как же! — усомнился Жеглов. — Ему два месяца.

— Мальчику месяц, — сказала Синичкина. — Он ведь такой крошечный... — Эх, вы, молодежь, — засмеялась старуха, до сих пор молча наблюдавшая за нами. — Сразу видно, что своих-то не считали. Три месяца солдату — видите, у него рожденный волос уже ползет с головы, на настоящий момент, значит, четвертый месяц ему...

— Ну, и хорошо, скорее вырастет, — усмехнулся Жеглов. — Значитца, так ты, Шапов, с Синичкиной махнешь сейчас в роддом. Какой здесь поближе? Наверное, на Арбате — имени Грауэрмана. Пусть посмотрит пацана — не заболел ли, не нуждается ли в какой помощи, и пусть его накармат там, чем положено. А к вечеру договоримся — переведем его в Дом ребенка...

— Слушай, Жеглов, а могут не принять пацана в роддоме? — спросил я.

Жеглов сердито дернул губой: — Ты что, Володя, с ума сошел? Ты представитель власти, и в руках у тебя дитя, уже усыновленное этой властью. Кто это посмеет с тобой спорить в таком вопросе? Если все же вылетит кто полслова, ты его там под лавку загони... Все, марш!

Я нес ребенка, и угрившись в моих руках, мальчик замолчал. Жеглов шагнул по лестнице впереди и говорил мне через плечо:

— Ватяна мой был, конечно, мужик — молоток. Настрогал он нас — пять братьев и сестер и отправился в город за большими заработками. Правда, нас никогда не забывал — каждый месяц присылал дополнительное письмо. Один раз даже приехал — конфет и зубную пасту в гостинице привез, а на третий день свел со двора корову. И, чтобы следов не нашли, обул ее в опорки. Может быть, с тех пор во мне страсть и сысному делу? А, Шапов, как думаешь?

Я что-то такое невразумительное хмыкнул. — Вот видишь, Шапов, какую я тебе смешную историю рассказал. — Но голос у Жеглова был совсем невеселый, и лица его в сумраке полутемной лестницы было не видать.

Мы вышли из подъезда. Здесь все еще стояли зевани, и Коля Тараскин говорил им вяло:

— Расходитесь, товарищи, расходитесь, ничего не произошло, расходитесь... А слесарь Миллев в краснофлотской шинели, покачиваясь слегка на своей деревяшке, водил перед носом Копытина черным сухим пальцем и доверительно объяснял:

— Я тебе точно говорю: в человеке самое главное — чтобы он был человеческим...

Жеглов тряхнул головой, словно освобождаясь от воспоминания, пришедшего к нему на лестнице, и по тому, как он старательно не смотрел на меня, я понял, что он жалеет о том, что разоткровенничался. И засмеялся он как-то резко и сердито, сказав шоферу:

— Слушай, Копытин, поскольку ты у нас самый человеческий человек, то давай побыстрее отвези Шапову с сержантом Синичкиной на Арбат в роддом. И мигом назад — в 61-е отделение милиции, это рядом, мы пешком дойдем. Я позвоню на Петровку, и мы вас там дождемся...

Синичкина вошла в автобус, я протянул ей ребенка. Жеглов придержал меня за плечо, шепнул на ухо:

— А к сержанту присмотришься! Девочка-то правильная! И адрес роддома запомни — может, еще самому понадобится...

Я почему-то смутился, ведь как на женщину я на нее и не посмотрел даже, милиционер и милиционер, их сейчас, девушек-милиционер, больше половины управления. Вся постовая служба, считай, ими одним комплектована.

«Фердинанд» тронулся, Жеглов помахал нам рукой. Синичкина, прижимая к себе ребенка, смотрела в затуманенное дождем стекло. И лицо ее, круглое, нежное, почти детское, тоже было затуманено налетом неожиданно подумал, что нехорошо разглядывать ее вот так — в упор, потому что от слов Жеглова ушло то простое и естественное удовольствие, с которым я смотрел давеча, когда она пеленала мальчика, на ее быстрые, ловкие руки. Но все равно смотрел с жадностью и интересом. Хорошо бы поговорить с ней о чем-нибудь, но ни одной подходящей темы почему-то не подворачивалось. А она молчала.

— Вы почему так погрустнели? — наконец спросил я.

Она посмотрела на меня, улыбаясь:

— Задумалась, кем станет этот человечек, когда вырастет...

— Генералом, — сказал я.

— Ну, не обязательно. Может, он станет врачом, замечательным врачом, который будет спасать людей от болезней. Представляете, как здорово?

— Да, это было бы прекрасно, — согласился я. — А может быть, он станет милиционером? Сыщником?

Синичкина засмеялась:

— Когда он вырастет, уже никаких жуликов, наверное, не будет. Вам сколько лет?

— Двадцать два.

— А ему двадцать два исполнится в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Представляете, какая замечательная жизнь тогда наступит?.. Вы давно в уголовном розыске служите?

Мне было как-то неловко сказать, что сегодня фактически второй день, и я бормотнул уклончиво:

— Да нет, недавно. Я после фронта.

— А я просилась на фронт — не пустили. Вы не слышали, скоро будет демобилизация женщин из милиции?

— Не слышал, но думаю, что скоро. Когда я в кадрах оформлялся, слышал там разговор, что сейчас большое пополнение идет за счет фронтотников.

— Ой, скорее бы...

— А что будете делать, когда шинель снимете?

— Как что? В институт вернусь! Я ведь со второго курса ушла.

— А вы в каком учились, в медицинском?

— Нет, — вздохнула Синичкина. — Поступала и не прошла, приняли меня в педагогический. Но мне кажется, что это тоже хорошая профессия — детей учить. Ведь правда, хорошая?

— Правда, — улыбаясь я.

Автобус проехал через Собачью площадку и затормозил у роддома. Синичкина сказала:

— Вы не теряйте со мной времени, поезжайте назад, а за парня не беспокойтесь, я сама справлюсь...

Мне очень хотелось спросить у Синичкиной, как ее найти, или хотя бы телефон записать, но Копытин уже распахнул дверь своим никелированным рычагом-коштылем и, откинувшись на спинку сиденья, смотрел на нас с ухмылкой, и я представил себе, как, вернувшись, он будет всем рассказывать, что новенький опер вместо того, чтобы делом заниматься, стал клявня подбивать к симпатичному сержанту, и как все начнут веселиться и развлекаться по этому поводу, и от этого сказал неожиданно сухо:

— Хорошо, оформляйте все, как полагается, и пришлите рапорт, а мы поедем.

Девушка посмотрела на меня удивленно, ресницы ее дрогнули.

— Слушаюсь. До свидания.

Тоненькая высокая ее фигурка скрылась за дверью роддома, а я все смотрел ей вслед, пока Копытин не сказал за спиной:

— Дуралей ты, Шапов, Дивчина какая, а ты ей — «пришлите рапорт». Я бы на твоём месте ей сам каждый день рапорт отдавал...

Закончили дела около трех часов ночи. Однако в коридорах управления людей не только не стало меньше, чем днем, но, пожалуй, света еще усилилась. Во всех кабинетах горел свет, сновали туда и обратно сотрудники в форме и в штатском, конвойные милиционеры без конца водили задержанных воров, спекулянтов, девиц налгчайшего поведения, из-за всех дверей доносились булкаящий гул голосов, а из крайнего кабинета раздавался истонный, завывающий вопль грабителей Васьки Колодяги, симулирующего эпилептический припадок. Я был еще в дежурной части, когда привезли Колодягу и он начал заваривать «волынку».

Я пошел в туалет, открыл водопроводный кран и долго с фирканьем и сопеньем умывался, и мне казалось, что ледяные струйки, стекающие за воротник, хоть немного смывают с меня невыносимый груз усталости сегодняшнего долгого дня. Потом принялся расчесывать на пробор волосы — в зеркале они выглядели совсем светлыми, почти белыми, — и диуралевая толстая расческа с трудом продиралась сквозь мои выксы; утерся носовым платком и пошел к Жеглову.

Видать, даже его за последние двое суток притомило. Он сидел за своим столом, сосредоточенно глядя в какую-то бумагу, но со стороны можно было подумывать, будто написана она на иностранном языке — так напряженно всматривался он в текст, пытаясь проникнуть в непонятный смысл слов. Я подошел к столу, он поднял на меня ошавлещие глаза, сказал:

— Все, Володя, конец, отправляйся спать. Завтра с утра ты мне понадобишься — молодым и свежим!

— А ты что? — Вон на диване сейчас зялягу. Мне в общезитие на Башилровку ехать нет смысла. А ты-то где живешь?

— На Сретенке.

— Молоток! Хорошо устроился.

— Пошли ко мне спать. Тут тебе и вздремнуть не дадут — вон гам какой стоит!

— Ну, на гам, допустим, мне наплеватель с высокой колокольни. Кабы дали, я бы под этот гам часов тридцать и глаз не открыл. Но дома спать лучше. А у тебя душ есть?

— Есть. Да что толку — воду в колонке надо согреть.

— Это мне начхать, и холодной помоюсь. В общезитии неделю никакой воды нет. А на твоей жилплощади кто еще проживает?

— Я один, место есть. Выделю тебе шикарнейший диван.

Жеглов отворил сейф, достал оттуда и протянул мне три книжки:

— Возьми их и читай каждую свободную минуту — это сейчас твоя университет. Вложи в них чистый лист бумаги и все, что тебе непонятно, записывай, потом спросишь. А коли дома читать будешь, хотя на это надежды мало, в тетрадку конспектируй...

На дне сейфа он отыскал еще две плоских банки консервов, засунул в карманы пижамы и стал одеваться, а я листал книжечки. «Уголовный кодекс РСФСР», «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», «Криминалистика». Кодексы были небольшого формата, толстенькие, с бесчисленным количеством статей, и в каждой — много пунктов и параграфов, я прямо ужаснулся при мысли, что все их надо выучить наизусть. В «Криминалистике» хоть по крайней мере было много картинок, но все они тоже были невеселые — фотографии повешенных, зарезанных, слепки следов, обрести веревки и проводов, наверное, висельных, изображения разных марок пистолетов, всевозможных ножей, настоек, какие-то схемы и таблицы.

— Пошли? — спросил Жеглов.

Продолжение следует.

«Золотой Эзоп» — наш!

Десять лет назад юный начинающий карикатурист, а также не менее юный начинающий архитектор Андрей Некрасов опубликовал свою первую рисованную юмореску в журнале «Смена».

Десять лет спустя известный, солидный карикатурист, а также не менее известный архитектор, доцент Московского архитектурного института Андрей Некрасов получил «Золотого Эзоп» — главный приз на одноименном международном конкурсе карикатуристов в Габрове (Болгария) за рисунок, опубликованный в том же журнале «Смена»...

Чем будет отмечен следующий «юбилей»?..

Рисунок Валерия АШМАНОВА

Рисунки Валерия СУДАРЕВА

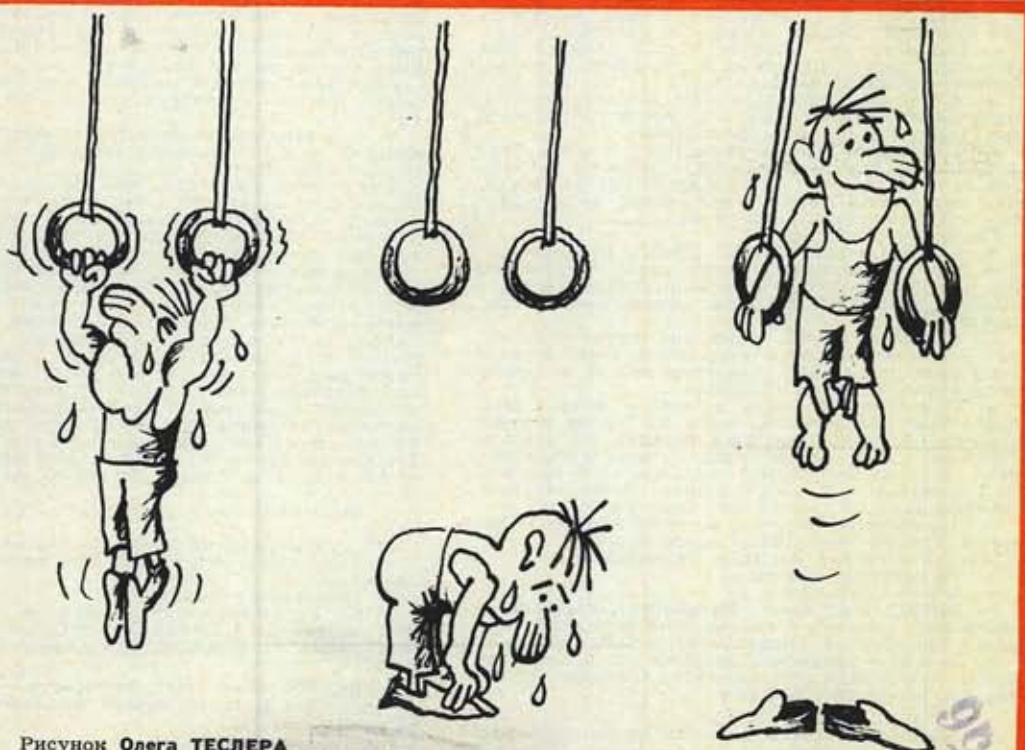

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/VI 1975 г. А 00878. Подписано к печати 9/VII 1975 г. Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1746. Заказ № 741. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

МОСКОВСКИЙ РОМАНС

Слова Родиона ПЛАКСИНА
Музыка Лии ЛАВРОВОЙ

Вот старый двор,
Вот скверик по соседству —
Чугунные решетки,
Липы в ряд...
К нам тянут руки
Памятники детства,
За нашу верность
Нас благодарят.

...Как верно то, что сердце
Сердце слышит,
Как вечен
Журавлиный перелет,
Так мы с Москвой
Одним дыханьем дышим,
А это значит,
Что Москва живет.

...И нам дано
Ее теплом согреться.
Москва — любовь моя,
Любовь — твоя,
Москва нам всем
Досталась по наследству —
Одна на всех
И каждому своя.

КРОССВОРД

Составил М. МАНОВ,
г. Дзержински
Горьковской области

По горизонтали:

5. Промысловая рыба, обитающая в бассейне Амура.
7. Прибор для измерения энергии излучения.
9. Специалист в сельском хозяйстве.
10. Разновидность бурого угля.
11. Метеорологический прибор.
12. Морское беспозвоночное животное.
18. Соляный номер в опере.
19. Вулканический архипелаг в южной части Индийского океана.
20. Сходство по образу мыслей, дарованию.
23. Применение знаний на деле.
25. Рыба семейства осетровых.
27. Угловое укрепление крепости.
29. Нефтеналивное судно.
30. Площадка для выступлений эстрады.
31. Трубы органа одинакового тембра.
32. Химический элемент.
33. Вещество, замедляющее химическую реакцию.

По вертикали:

1. Хвойное дерево, растущее в Австралии, Юго-Восточной Азии.
2. Представительница основного населения государства на Балканском полуострове.
3. Многолетнее травянистое растение, медонос.
4. Ценный пушной зверек.
6. Условная линия, проходящая через полюсы земного шара.
8. Казахский композитор, народный артист СССР.
13. Художник.
14. Мотылек.
15. Морская антарктическая птица.
16. Врач.
17. Клапан для регулирования потока жидкости, пара, газа.
21. Промысловая пресноводная рыба Южной Америки.
22. Цельность, общность.
24. Ученое звание.
25. Парламент Норвегии.
26. Минерал.
28. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 14

По горизонтали:

3. Маслина.
7. Прянишников.
10. «Прозаседавшиеся».
13. Стеллаж.
17. Винарец.
18. Кассиопея.
19. Ибсен.
20. Офорт.
21. Молоточек.
23. Елисеев.
24. Грузины.
28. Металлокерамика.
29. Диссертация.
30. Вегония.

По вертикали:

1. Байнист.
2. Антиква.
4. Лошадь.
5. Брузжан.
6. Поция.
8. Тралмейстер.
9. Астрофизика.
11. Стебель.
12. Витрина.
14. Жаров.
15. Исток.
16. «Колос».
17. Берг.
21. Механик.
22. Кремний.
25. Глиссер.
26. Смерцо.
27. Армавир.

МОЙ УЛЕНШИТЕЛЬ...

С давних пор я читаю и перечитываю «Тилля».

У меня уже накопилось много рисунков, когда издательство «Молодая гвардия» предложило мне проиллюстрировать книгу Костера для печати. Я взялся за макет книги и приблизительно в течение года его сделал, одновременно собирая и изучая соответствующие материалы.

И по мере их изучения все сделанное мной прежде казалось все более несовершенным.

Стремясь постичь эпоху, я сделал около 600 подготовительных рисунков; перерисовывал панцири, шлемы, бомбарды, аркебузы, изучал архитектуру, иконографию, писал пейзажи...

Появились специальные папки под рубриками «Крестьяне», «Горожане», «Офицеры», «Мушкетеры», «Рыбаки», «Монахи» и т. д.

Ну и, конечно, читал о том времени все, что только возможно. Естественно, что в итоге у меня сложились совсем иные представления и об эпохе, и о книге. Хотя макет и был утвержден, я радикально его переработал. В книге более 150 рисунков. Некоторые из них я и хотел бы предложить вниманию читателей «Смены».

Павел БУНИН

